61: 04-12 1964

На правах рукописи

АКСЕНОВ ИЛЬЯ ЧУДЕЕВИЧ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВА В XVII-XIX вв.

Специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
доктор юридических наук,
доцент Л.Г. СВЕЧНИКОВА

Ставрополь – 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА В XVII - XIX ВЕКАХ

§ 1. Особенности становления и развития социальной организации Калмыкии с XVII века до середины XIX века (дореформенный период) 16

§ 2. Сословный характер калмыцкого общества: особенности правового регулирования 43

§ 3. Формирование и развитие элементов государственности у калмыцкого народа в пореформенный период 58

§ 4. Эволюция судебной системы 66

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО ПРАВА В XVII-XIX вв.

§ 1. Источники калмыцкого права. «Цааджин-Бичик» - кодекс феодального права калмыков. 78

§ 2. Гражданское и семейное право 95

§ 3. Уголовное право 118

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 148

ГЛОССАРИЙ 153

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Целью настоящего исследования является анализ первых юридических памятников калмыцкого народа, эволюция которых наиболее ярко проявилась в период с XVII до конца XIX в. В этот период Калмыкия ощутила на себе влияние Российского государства, особенно в плане становления, а также взаимодействия форм и методов административных структур России с традиционными государственно-правовыми установлениями калмыков. В этом плане представляет значительный интерес процесс становления и развития калмыцкой государственности, которая, с одной стороны, развивалась на основе государственных структур Калмыцкого ханства, а, с другой стороны, ощущала существенное влияние со стороны российского государственного аппарата. Именно в этом проявилось своеобразие развития государственности у калмыцкого народа.

Проблема правового наследия Калмыкии – сравнительно новая исследовательская тема. Постановка ее связана с современным этапом развития историко-правовой науки. Исследования в этой области позволяют показать уровень развития калмыцкого права, его характерные черты, а также выделить спорные моменты, касающиеся источников калмыцкого права; его трансформации под влиянием российского законодательства. Этот вопрос тем более актуален, что кочевые общества обычно исключаются из общей схемы развития государственных и правовых институтов в связи со спецификой их развития. Проблемным остается вопрос о роли раннего права кочевых обществ; о его роли в формировании складывающейся правовой системы, о соотношении основных правовых источников, в том числе законоположений кочевников.

В предлагаемой диссертации рассматривается эволюция государственно-правового устройства калмыков, анализируется правовая ситуация и ее трансформация, начиная с XVII века и заканчивая XIX. Это позволило выделить основные этапы формирования калмыцкой государственности и права, а также факторы, оказавшие существенное влияние на их эволюцию. В научных исследованиях проблемы социальной организации калмыцкого народа, калмыцкой государственности и калмыцкого права рассматривались в основном с точки зрения исторической науки. Теоретическое осмысление этих проблем не менее актуально и для юриспруденции. Настоящая работа является одним из первых комплексных историко-теоретических правовых исследований, связанных с общей теорией государства и права, а также юридической антропологией, что определяет ее научную значимость.

Степень научной разработанности темы. Вопросы правового регулирования общественных отношений калмыков нашли свое отражение во многих источниках. Им посвящено достаточное количество дореволюционной и современной литературы. Но здесь следует отметить тот факт, что большинство из этих работ рассматривает, во-первых, этнографические аспекты данной проблемы. Далее, во многих исследованиях рассматриваются лишь отдельные черты общественной организации калмыков. Кроме того, в литературе практически не освещаются вопросы некоторых норм распоряжения землей, отдельные положения наследственного права и семейно-брачных норм в целом, регулирования гражданских правоотношений.

Дореволюционная литература уделяла гораздо большее внимание калмыцкому народу. Следует отметить, что внимание ученых привлекало обычное и писаное право калмыков как один из важнейших источников для изучения их социально-экономического строя. Калмыцкие феодалы привезли из Джунгарии на Волгу свод законов, принятый в 1640 г. на съез-

де монгольских, ойратских и калмыцких ханов и князей. Этот свод в литературе получил названия: «Монголо-ойратские законы», «Степное уложение», «Великое уложение» и стал предметом пристального изучения со стороны русских правоведов и востоковедов. Памятники права в русском переводе были изданы К.Ф. Голстунским[1], Ф.И. Леонтовичем[2], И.Я. Гурляндом[3]. Важность их исследований заключалась в том, что ими были рассмотрены внутренняя жизнь калмыцкого общества, его социальная структура, сословный строй, система управления. До настоящего времени ведутся дискуссии по названным работам, которые связаны с тем, что исследователи прошлого рассматривали калмыцкое кочевое общество как основанное на патриархально-родовых началах, не знающее иной формы собственности на землю, кроме общинной, не знающее также классов, сохраняющее военно-дружинный принцип своей организации. Но несомненной заслугой этих ученых явилось то, что они положили начало изданию и изучению ойратских и калмыцких правовых памятников и норм обычного права. В основу их исследования был положен обширный фактический материал, который использовался при написании данного диссертационного исследования.

Особую группу досоветской калмыковедческой литературы представляют труды собственно исторического характера, начало которым положили историки Сибири Г.Ф. Миллер[4] и И.Э. Фишер[5], уделявшие в своих произведениях значительное место развитию русско-калмыцких отношений.

---

[1] Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб. 1880

[2] Леонтович Ф.И. Древний монголо-калмыцкий и ойратский устав взысканий (цааджин бичик). Одесса. 1879

[3] Гурлянд И.Я. Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие. Казань. 1904

[4] Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб. 1750

[5] Фишер И.Э. Сибирская история. СПб. 1774

Крупный след в историографии Калмыкии оставили Н.Я. Бичурин[1], А.М. Позднеев[2], Ю. Лыткин[3]. Ими были опубликованы некоторые оригинальные ойратские и калмыцкие источники, но больше филологического и исторического характера.

Проводившиеся не раз в течение XIX и в начале XX в. реформы управления калмыцким народом вызывали необходимость исторических обзоров и систематизации законодательных актов, печатавшихся в Полном собрании законов Российской империи[4]. Особое внимание авторов, писавших о калмыках, было обращено на социальный строй калмыцкого народа в связи с определением прав привилегированных сословий, а во второй половине XIX в. и в связи с проведением реформы, отменившей феодальную зависимость непосредственных производителей от владельцев. В отличие от центральных областей России реформа здесь была проведена только в 1892 г. Все это нашло отражение в источниках того времени[5]. Не последнюю роль в этом сыграло и то обстоятельство, что в период проведения крестьянской реформы в России законодатель столкнулся с живучестью обычаев крестьянского двора, что было связано с консервативностью традиционных устоев общинного землевладения и землепользования русских крестьян. Реформы, проведенные в тот же период на окраинах России, а также в среде инородческих народов (Калмыкия, Сибирь, Северный Кавка-

---

[1] Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834

[2] Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Ч.244

[3] Лыткин Ю. Сказание о дербен-ойратах // Астраханские губернские ведомости. 1859. № 43, 47, 49, 50; 1860. № 11, 12

[4] См.: Черкасов И. Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков. – «Астраханские губернские ведомости», 1860. № 43-46

[5] Всеподданейший доклад министра государственных имуществ (М. Островского) по поездке в Калмыцкую степь Астраханской губернии в 1891 г. СПб. 1892; Доклад министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бордукова по командировке в Большебердовский улус Ставропольской губернии осенью 1898 г.; Бурдуков Н. Выпасы постороннего скота в Калмыцкой степи и их влияние на калмыцкое хозяйство, 1901; Труды съездов улусных попечителей 1904, 1907, 1908 гг. Астрахань. 1910

за) заставили обратиться к изучению правовых норм коренных народов, начинавших входить в административное управление Российской империи и нормы которых отличались от аналогичных норм российского крестьянства.

После изменения государственного строя в России в результате октябрьской революции 1917 года, в 1920 г. была образована Автономная область калмыцкого народа, превратившаяся впоследствии в автономную республику. В этот же период начались первые исследования советской историографии по истории калмыков. Так, в 1922 г. вышел первый обобщающий очерк истории калмыков, принадлежащий перу Н.Н. Пальмова[1], который в дальнейшем опубликовал более фундаментальное исследование[2], где рассмотрел процесс перехода калмыков в российское подданство, образование крупной земельной собственности калмыцких феодальных владельцев, земельную политику царского правительства в Калмыкии. Естественно, что труды этого исследователя, несмотря на богатство фактического материала, носили идеологизированный характер.

Такой же характер носили труды интересного исследователя Г.З. Минкина[3]. В своих работах этот автор уделял значительное внимание общественному строю калмыков в прошлом, опубликовал несколько документов из фондов министерства государственных имуществ и внутренних дел, раскрывавших сущность эволюции земельных правоотношений в регионе.

---

[1] Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань. 1922

[2] Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. I-V. Астрахань. 1926-1932; его же. Калмыки (этнографический очерк). Астрахань. 1928

[3] Минкин Г.З. Колониальная политика царизма в Калмыкии во второй половине XIX и начале XX в. «Историк-марксист». 1933. № 6; его же. О феодализме в Калмыкии. «Революционный Восток». 1933. № 1; его же. Из истории Калмыкии. Саратов. 1933

Значительное значение имели для изучения истории калмыцкого государства труды Б.Я. Владимирцева[1], в котором он выдвинул проблему феодальных отношений у кочевых народов; С.К. Богоявленского[2], основанного на большом количестве документальных материалов и посвященный специально истории калмыков XVII века.

Репрессии 1944 г. против калмыцкого народа прервали исследования по его социальной, политической и правовой истории. Возобнены они были только в шестидесятые годы XX века. Среди авторов, активно разрабатывающих эти вопросы, следует отметить П.С. Преображенскую[3] и М.Л. Кичикова[4]. Работы отмечают богатым пластом исследуемых авторами архивных материалов, практически до этого времени недоступных читателю, в частности П.С. Преображенской были исследованы фонды Посольского приказа Русского государства и Астраханской приказной палаты. Некоторые моменты истории калмыцкого государства затронуты в монографии И.Я. Златкина о Джунгарском ханстве, целиком посвященной истории предков калмыков – ойратов.

В этот же период вышли обширные «Очерки истории Калмыцкой АССР»[5] дооктябрьского периода, который до настоящего времени является одним из самых фундаментальных исследований по социальной истории калмыцкого народа.

---

[1] Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.-Л. 1934

[2] Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII в. // Исторические записки. 1939. Т.5

[3] Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений 50-60-х гг. XVII в. Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.1. Элиста. 1960; ее же. Калмыки в первой половине XVII в. М. 1963; ее же. К вопросу о социально-экономических отношениях калмыков. «история СССР». 1963. № 5

[4] Кичиков М.Л. К истории образования Калмыцкого ханства в составе России. Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып.2. Элиста. 1962; его же. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста. 1966 и др.

[5] М. 1967

Все эти работы являлись существенным дополнением при работе над нашей темой, помогли глубже раскрыть основные черты правового регулирования общественных отношений кочевых народов Калмыкии в прошлом. К сожалению, в настоящее время исследования, посвященные развитию права калмыков в прошлом, практически не выходят за рамки чисто исторических. К таким работам мы можем отнести исследования А.Г. Митирова[1], И.В. Нахаевой[2], В.С. Сергеева и Б.В. Сергеева[3], К.Н. Максимова[4] и некоторые другие.

Из представителей современной юридической науки представляет интерес диссертационная работа Е.А. Команджаева[5], в которой проанализированы процессы развития управленческой и судебной сфер калмыцкого общества в XVIII-XIX вв.

Комплексного монографического исследования, посвященного правовой истории калмыков, до настоящего времени предпринято не было. Представленная работа делает попытки в некоторой степени устранить этот пробел.

Объектом исследования являются становление и развитие социальной организации, калмыцкой государственности и права народов Калмыкии в XVII-XIX вв.

---

[1] Митиров А.Г. Обычаи и обычное право калмыков в трудах дореволюционных исследователей России.// Калмыковедение. Вопросы историографии и библиографии. Элиста. 1988; он же. Договоры, присяга и баранта.// Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста. 1989 и др.

[2] Нахаева И.В. Социальная стратификация народов степного Предкавказья в XIX в. Ставрополь. 2000

[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.С. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX вв. Историко-правовые очерки. Элиста. 1998

[4] Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. 1995

[5] Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII-XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ставрополь. 2000.

Предмет исследования составляют историко-правовых проблемы становления и развития государственности и права калмыцкого народа в XVII-XIX вв.

Цели и задачи исследования. Исходя из актуальности обозначенной темы и недостаточной разработанности данной проблемы в юридической литературе, диссертант поставил в качестве целей настоящего исследования следующие: изучение исторических условий формирования социальной организации калмыцкого народа, государственности и права, определение роли первых законодательных актов Калмыцкого ханства; выявление тенденций изменений в системе управленческого аппарата и права калмыцкого народа под влиянием российского государства и права; обобщение различных аспектов проведенного анализа.

В соответствии с указанными целями автор попытался поставить и решить следующие исследовательские задачи:

- обобщить комплекс материалов по проблеме становления и развития калмыцкой государственности;
- охарактеризовать главные этапы формирования права калмыцкого народа;
- раскрыть типичные черты основных институтов права калмыцкого народа;
- показать роль общеимперских государственных институтов и законодательства в становлении государственно-правовых институтов Калмыкии;
- рассмотреть исторические, социальные, экономические и этнические факторы, лежащие в основе формирования и развития государственности и права калмыков.

Источниковая база диссертации. Диссертационное исследование выполнено на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных источников, содержащих ценные сведения об изучаемом предмете.

Первая группа источниковой базы включает архивные документы и материалы. Материалы, хранящиеся в архивах, представляют собой особый блок и являются основными источниками для исследования и решения поставленных задач. Автором велась работа по выявлению и изучению материалов в двух архивах: государственном архиве Ставропольского края и, в большей степени, в Национальном архиве Республике Калмыкия.

Фонды Государственного архива Ставропольского края богаты материалом о кочевых народах степного Предкавказья. Ставрополь был центром Кавказской области, объединявшей до 1846 г. значительную часть Северного Кавказа, от Каспийского моря до границ войска Черноморского. На юге область граничила с закубанскими народами, Большой и Малой Кабардой, на севере – с Астраханской губернией и областью войска Донского. Нами было использовано несколько фондов государственного архива Ставропольского края, в которых нашли свое отражение мероприятия по административному устройству калмыков, мероприятиях российской администрации в Калмыкии.

Так, в фондах 87, 379 и 406 содержатся сведения об органах управления общиной, способам наследования земель. Но наибольший интерес для нашей темы представляет фонд 249 «Управление Главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии», к документам которого мы неоднократно обращались.

Но большинство документов по правовому развитию калмыцкого народа отложилось в фондах Национального архива Республики Калмыкия. Здесь нами были использованы фонды И-3 (Совет управления калмыцким народом), И-9 (Управление калмыцким народом), Ф.1 и другие, содержащие конкретные судебные дела по исследуемой проблеме, показывающие эволюцию правовой культуры калмыков и ее изменение под влиянием норм российского законодательства и права.

Вторую группу источников составили опубликованные документы по истории права Калмыкии. Своеобразным источником при исследовании ойрат-калмыцкого периода в истории распространения ламаизма являются «Монголо-ойратские законы» 1640 г. Дополненные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондок-Даши, проливающие свет на последующий статус ламаистской церкви и ее священнослужителей, определяя ее императив, отражая своеобразную правовую культуру калмыцкого народа.

Все эти источники послужили солидной базой для углубленного изучения правовой культуры калмыков, а также комплексного анализа правовой ситуации в регионе в исследуемый период. А это позволило сделать некоторые выводы о месте и роли традиционного калмыцкого права и законодательных установлений калмыцких ханов и правителей в праве народов Калмыкии.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII-XIX вв. Это период становления и формирования права калмыков. Конец периода характеризуется включением народа в административную систему Российского государства, что повлияло на эволюцию правовой культуры народов региона.

Однако в работе имеются и определенные хронологические отступления, охватывающие более ранний период, что объясняется необходимостью анализа основных предпосылок формирования калмыцкого права.

Территориальные рамки исследования охватывают Калмыцкое ханство. Это современные территории Республики Калмыкия, некоторых частей Ставропольского края и Астраханской области.

Методологические основы исследования. При решении поставленных задач в интересах достижения цели диссертационного исследования автор опирался на современные методы познания, выявленные и разработанные юридической наукой. В ходе исследования применялись сис-

темный, структурно-функциональный, исторический, сравнительно-правовой и другие методы, а также принципы единства исторического и логического, абстрактного и конкретного. Применялись в сочетании формационный и цивилизационный методы изучения исторического процесса. В совокупности все это позволило исследовать проблему с учетом уровня развития общественных отношений, материальной и духовной жизни народов. Это дало возможность рассматривать эволюцию государственно-правовых установлений в связи с особенностями социальной организации калмыцкого народа, а также с развитием российской государственности и права.

В работе над диссертацией был использован и историко-генетический метод, который позволил в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта исследования. Суть его состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения. В результате использования историко-типологического метода стало возможным выявление тех характерных свойств, которые были присущи правовым явлениям в процессе их эволюции в изучаемый период. Основой применения историко-системного метода является единство в общественно-историческом развитии единичного, особенного и общего.

В исследовании также активно использовался осваиваемый ныне отечественной историко-правовой наукой метод социальной и юридической антропологии, который позволяет проникнуть в психологию человека, понять побудительные мотивы его поведения, воссоздать целостное представление о жизни людей, о формировании правовой культуры.

Научная новизна диссертационного исследования определяется:

во-первых, тем, что в нем вопрос о характере социальной организации, государственности и права калмыков рассматривается через их отра-

жение в нормах обычного права и первых законодательных памятниках – кодексе «Цааджин-Бичик», законах Дондук-Даши;

во-вторых, тем, что особенности развития государственности и права анализируются в процессе их зарождения и эволюции;

в-третьих, работа построена на основе различных источников, в том числе некоторых архивных, впервые вводимых в научный оборот.

Научно-практическая значимость работы. Выводы, представленные автором в диссертационной работе, могут быть использованы в дальнейших научных исследований проблем истории и теории государства и права, в учебном процессе, а также в решении практических задач современного государственно-правового устройства Калмыцкой Республики.

На защиту выносятся следующие положения:

1.Особенности возникновения государственности у калмыцкого народа определяются двумя факторами: влиянием традиционных государственных установлений Калмыцкого ханства и воздействием российского государства и права.

2.Процесс становления и оформления калмыцкой государственности осуществлялся в условиях взаимодействия с государственной властью Российской империи.

3.Формирование калмыцкого права осуществлялось в условиях определенного влияния монгольского права. Результатом этого влияния явился монголо-ойратский Устав, принятый в 1640 году и действовавший до конца исследуемого периода.

4.На основе Устава 1640 г. было продолжено оформление калмыцкой государственности, в частности, его военно-демократического устройства.

5.Значительная роль в регулировании общественных, в частности, сословных отношений, была отведена обычному праву.

6.Специфический характер кочевого хозяйства, пережитки патриархально-родового строя и военная организация калмыцкого народа оказали

существенное воздействие на становление и развитие гражданского и уголовного права.

7.Становление и развитие калмыцкого права осуществлялось в тесном взаимодействии с российским законодательством.

Апробация работы. Диссертация подготовлена на кафедре государственно-правовых дисциплин Ставропольского филиала Северо-Кавказской академии государственной службы. Основные положения работы прозвучали в выступлениях автора на краевых и региональных научных конференциях («Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия» - Ставрополь, 2001; «Обычное право: теория и история» – Сочи, 2002), а также изложены в ряде статей.

Структура работы подчинена ее главной исследовательской задаче – изучению становления и развития калмыцкого государства и права в XVII-XIX вв. Диссертации состоит из двух глав, введения и заключения.

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА В XVII - XIX ВЕКАХ

§ 1. Особенности становления и развития социальной организации Калмыкии с XVII века до середины XIX века (дореформенный период)

Калмыки (самоназвание - ойраты) как этнос сформировались в верховьях Енисея и в Прибайкалье, откуда они были переселены в Западную Монголию (Алтае-Хангайское нагорье) Чингисханом. Предками калмыков были западные монголы ойраты. До XII в. Памятники, относящиеся к формированию этой народности, локализуются в основном в Прибайкалье и верховьях Енисея. В XII-XIII вв. ойраты перемещаются на территорию современной Западной Монголии и примыкающие к ней районы Алтая и Средней Азии[1]. С начала XIII века они вошли в состав империи Чингисхана, и их дальнейшая история тесно переплетается с тем наследием, которое осталось на мировой геополитической, религиозной, культурной карте после монгольских походов. Кроме участия в войнах Чингисхана в составе авангарда монгольских войск, ойраты сыграли важную роль в установлении империи Хулагуидов (но имени Хулагу, сына Толуя, младшего сына Чингисхана) в Персии в середине XIII в. С конца XIII в. их роль в Центральной Азии увеличилась, и в 1408 г., в знак признания их силы и влияния, три главных ойратских князя получили высшие китайские титулы. В разные периоды средневековья калмыки подчинили себе огромную территорию от Монголии до Ирана, от Сибири до Тибета. В течении XV в. они дважды объединяли Монголию под своей властью, в 1449 г., разгромив императорскую армию, они могли захватить Пекин, но ойраты не осмели-

[1] Народы России. М. 1994. С.178

лись занять практически беззащитный город, а чуть позже без выгоды для себя отпустили плененного императора.

В истории Центральной Азии государство ойратов было известно как "союз четырех": ойраты состояли из объединения четырех крупных родов джунгаров, дербетов, торгоутов и хошоутов. Ввиду стремления джунгарских ханов подчинить себе всех ойратов, часть ойратов решила отделиться и создать свои государства. Эта часть ойратов двинулась на запад и осела на Нижнем Поволжье. Другие ойраты - хошоуты - в 30-х гг. XVII в. двинулись на юг, и в 1642 г. покорили Тибет. Именно благодаря калмыцкому племени хошоутов Далай Ламы, начиная с Великого Пятого (Нгаванг Гьяцо, 1617- 1682), стали религиозными и светскими главами Тибета. Хошоутское ханство в Тибете существовало до 20-х гг. XVIII в. После ухода торгоутов, части дербетов и хошоутов оставшиеся ойраты создали Джунгарское ханство. Будущие российские калмыки после примерно 40 лет странствий но Сибири и Приуралыо вновь оказались на той же широте, что и у себя на родине, в Джунгарии. Соседями калмыков в Поволжье вновь стали мусульмане, как и в Центральной Азии. Возник вопрос о выработке надежных отношений с "белым ханом", т.е. Российским императором, и определить свое место на административной и военно-политической карте новой родины. Калмыцкое ханство возникло в 3О-х-40-х гг. XVII в., и почти сразу же стало оказывать большое влияние на все процессы, имевшие место в районе Прикаспия, степного Предкавказья, Северного Кавказа.

В XVII веке в среде калмыцких нойонов и тайшей начались разногласия, некоторая часть из них возникла идея откочевки на новые земли. После нескольких пробных переговоров посольство дербетских тайшей в 1608 году было принято русским царем Василием Шуйским и в ответ на их просьбу о принятии русского подданства, выделения мест для кочевания и защиты от Казахского и Ногайского ханов получило полное согласие. Первая шерть (присяга на верность) была принесена в 1607 году. Процесс доб-

ровольного вхождения в Россию был завершен шертью 1657 года, данный всеми тайшами одновременно, впервые провозгласившей «вечное подданство и послушание» русскому царю и обязательство служить в русской армии по его призыву[1]. С этого момента начинается новая страница в истории калмыцких племен и калмыцкого ханства, которая будет более подробно рассмотрена нами ниже.

Ойраты в XII-XIV вв. были христианами-несторианами. Близость идей христианства и буддизма позволила буддизму в достаточно короткий срок распространиться и утвердиться между воинственными кочевниками в течении XIV - XV вв. Несмотря на умиротворяющий эффект новой религии, калмыки продолжали активную внешнюю политику. Исторически сложилось так, что ойраты оказались западным заслоном монголо-буддийского мира, и именно на ойратских границах остановилась волна распространения ислама в XV-XVI вв. Даже само тюркское слово "калмык", по мнению ряда ученых, означает "те, кто остался язычником", "те, кто не принял ислам". Несмотря на неприятие ислама как религии, ойратские ханы высоко ценили образованность и особенно предприимчивость мусульман, часто давали им ответственные поручения. Например, ойраты использовали мусульман в своих поездках в Китай как торговых агентов, иногда они были толмачами и даже послами от ойратов к русским.

Ойратам удавалось настолько сглаживать межконфессиональные трения и снимать межэтническую напряженность, что мусульманские народы почитали за благо сближаться с ойратами и призывать их в третейские судьи. "Не раз в истории Центральной Азии случалось так, что именно союз с калмыками определял жизнестойкость государств. И даже в Лхасе особым почетом пользовались эти воинственные и степенные степные ханы"[2].

---

[1] Жуковская Н.Л. Калмыки. М. 1994. С.179-180
[2] Шишкин О. Битва за Гималаи. Москва, 2000. С. 178

Войдя добровольно в состав России, оказавшись вдали от Тибета, калмыки продолжали следовать буддизму. Некоторое распространение среди них получило православие, особенно у перешедших в казачество. Буддизм, благодаря конформизму и открытости, вошел в мирное сосуществование с православием.

Калмыки по своему происхождению принадлежат к западной ветви монголов и в пределах Поволжья впервые появились в XVII в. Как уже было указано выше, оставив свою родину — Джунгарию, они, под предводительством своего хана Хо-Юрлука, двинулись на север и в 1630 г., ворвавшись в Европейскую Россию, заняли обширное степное пространство по правую сторону низовья Волги, подчинили своей власти кочевавших здесь татар, туркмен, ногайцев, эдшикульцев, эдисанцев и других народцев и начали свои разбойничьи набеги на русские поселения. В один из таких набегов хан Хо-Юрлук напал на Астрахань, мечтая восстановить Золотую орду, но был убит. Калмыки поняли, что бороться с Московским государством им не под силу, и должны были признать верховным своим повелителем великого Московского государя и дать шертную запись, по которой обещались «быть у Московского царя в вечном послушании». Однако послушание оказалось фиктивным. Почти полтора века калмыки продолжали делать нападения на русских, «грабили их, брали в полон и учуги разоряли». Все Поволжье — до Самары и Симбирска — страдало от калмыцкой орды. Только с 1771 г., когда русское правительство разместило в кочевьях орды постоянные воинские команды, строго ограничило самодержавие ханов и подчинило их контролю русской администрации, организованные разбои прекратились. Но калмыки, недовольные таким порядком вещей, под предводительством своего хана Убаши в том же году огромной частью своей орды покинули пределы России и бежали к себе на родину, в Монголию; фактически осталось не более 5000 семей, или кибиток, живших по

правую сторону Волги и, по случаю разлива реки, не успевших присоединиться к беглецам[1].

В своем продвижении по степям на северо-запад калмыки столкнулись с интересами раньше занимавших эти степи различных племен кочевников, в том числе враждебных России ногайцев и казахов (которых именовали в России киргиз-кайсаками), и вступили с ними в соперничество. У России и пришедших сюда калмыков оказались общие враги, и в последующем она очень удачно использовала этот фактор для подавления непокорных и усиления своей власти в регионе[2].

Калмыки, кочевавшие между Яиком и Волгой, признали свое подчинение России, ощутив ее силу после вооруженных столкновений. Еще в период правления царя Михаила Федоровича некоторые калмыцкие тайши (князьки – главы родов) прислали к нему послов с просьбой принять их народ под свою руку и разрешить торг с русскими городами, на что и получили принципиальное согласие. При Алексее Михайловиче в 1655 году вассальные отношения укрепились. От калмыков потребовали заложников (аманатов), присяги на верность (шерть) и удаления на левый берег реки Яик. Часть осталась кочевать в астраханских, уфимских и саратовских степях. Их тайши давали шерть в 1661 и 1673 годах. Присяга представляла собой следующую процедуру: «Целовали бога своего бурхана (т.е. статуэтку Будды) и молитвенную книгу Бичин, и четки и саблю на свою голову и к горлу прикладывали, клянясь верно служить, государское повеление исполнять и ходить войной, на кого государь укажет, а на русских людей не нападать и в полон их не брать, рыбных учугов по Волге не разорять, мурз и татар едисанских, ногайских и др. от воровства унимать; с турецким султаном, кизыль-башским (персидским) шахом, крымским ханом, азов-

---

[1] Багалей Д.И. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М. 1887. С.27

[2] Иловайский Д. Отец Петра Великого. М. 1996. С. 390-391

ским беем, темрюками и кумыками не ссылаться и в соединении с ними не быть...»[1].

С момента прихода калмыков в Предкавказье (XVII в.) русское правительство сохраняло с ними дружественные отношения, что было очень важно для охраны южных границ России, страдавших от набегов враждебных империи народов. Российские власти действовали осторожными мерами, постепенно вмешиваясь во внутренние дела кочевников. Следует указать, что впоследствии, когда кочевники полностью перешли под административное управление кавказских властей, в циркулярах верховной власти постоянно указывалось, чтобы при руководстве «инородцами» учитывались их древние обычаи и традиции.

Первым народом, попавшим под влияние российской администрации, как раз и стали калмыки. Административное оформление пребывания Калмыкии в составе России за более чем 300-летнюю ее историю неоднократно менялось. С 1664 по1771 гг. существовало Калмыцкое ханство во главе с ханом, а позднее с наместником, признававшее над собой власть русского царя. Так, 5 сентября 1710 года был подписан договор «О подданстве хана Аюки со всеми тайшами и с людьми его российскому государю»[2], где с российской стороны в качестве полномочного представителя российского государя выступал губернатор Петр Матвеевич Апраксин. В соответствии со статьями договора Аюка обязывался служить государю и уже служит и за это получает жалованье. Аюка должен кочевать (жить и служить) на определенной территории – «от реки Волги отходить никуда не будет», а по приказу астраханского губернатора должен немедленно выступать в поход со своими вооруженными отрядами. В ответ на указ государя Аюка брал на себя обязательства перекочевать с частью его людей на зиму на Дон, чтобы оказать содействие в защите Российского государ-

---

[1] ПСЗРИ. Т.XVI. № 12198
[2] ПСЗРИ. Т.IV. № 2291

ства от набегов «кубанских и воровских донских казаков»[1]. Одновременно калмыкам запрещалось переходить на правый русский берег Волги. Если кто-либо из подвластных Аюки предпримет набег на российские уезды, расположенные на правом берегу Волги, то виновные должны были выдаваться русским властям головой.

Как уже указывалось выше, в 1771 г. часть калмыцких тайшей, недовольная все более усилившимся гнетом со стороны правительства России, ушла в Джунгарию, уведя с собой около 125 тысяч калмыков. Большая их часть погибла в пути. Калмыцкое ханство было ликвидировано, его территория включена в Астраханскую губернию, которой управляла экспедиция калмыцких дел при канцелярии астраханского губернатора. Оставшиеся в составе России девять калмыцких улусов (шесть торгоутских, два дербетских и один шощеутовский) управлялись каждый собственным тайшой, при котором имелся русский пристав. Каждый из улусов делился на несколько аймаков, во главе которых стояли зайсанги (особые должностные лица – их статус будет рассмотрен позже в соответствующем параграфе работы), каждый аймак делился на хотоны, состоявшие из нескольких кибиток.

Земля, по которой кочевали калмыки, принадлежала государству. Границы их кочевий долгое время не были определены русскими властями. Но 27 сентября 1800 года последовал Высочайший Указ императора Павла I «коим повелевалось: Калмыцким Малого и большого Дербента владельцам и другим калмыцким же орд владельцам и чиновникам с народом их, в Астраханской губернии кочующим. Всемилостивейше жалуем во владение все те земли от Царицина по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью и словом все те земли, на коих до ухода за границу калмыки имели свое кочевье, исключая тех, кои по уходе именными указами

[1] Там же

пожалованы»[1]. Таким образом, земли, по которым кочевали калмыки, остались в государственной собственности. Как видно из вышеприведенного Указа, ни границы, ни состав пожалованных калмыкам во владение земель не были определены. Этот документ не имел должных юридических последствий, так как калмыки не получили межевых документов, закрепляющих их владельческие права на землю.

Причины сложностей выполнения этого Указа отмечал князь Цицианов в циркуляре от 12 июня 1803 года. «Земли в том пространстве, в каком назначены они были Калмыками в указе 27 сентября 1800 года, отдать им никак не можно: 1) потому, что прежних границ и урочищ, по коим владели ушедшие из России Калмыки, ныне отыскать нельзя и одно отыскание сих урочищ бесплодно и со вредом самим Калмыкам продолжилось бы многие годы; 2) потому, что сих земель многие уже розданы в частное владение»[2].

Князь Цицианов также сообщал, что многие из тех земель, которые раньше занимали калмыки, заселены ногайцами и туркменами, а также на них находятся поселения государственных и помещичьих крестьян.

К тому же бывшая территория калмыцких кочевий входила в состав земли Войска Донского и принадлежала Саратовской губернии. Калмыки, которые находились на территории Войска Донского, самовольно ушли в Астраханскую губернию. Как видно из рескрипта военного губернатора Кнорринга, по причине «беспорядкам вкоренившимся в правлении войска Донского»[3]. Павел I не усмотрел в их уходе ничего страшного. Самое главное, считал он, чтобы они оставались подданными России. Русские власти приложили ряд усилий вернуть ушедших калмыков, но силовые методы применены не были. Пожелавшие остаться калмыки были причислены к Ма-

---

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.59. Л.46

[2] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.73. Л.5

[3] Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань. 1898. С.37

лому Дербенту. С Дона в Астраханскую губернию перекочевало 1570 кибиток. В дальнейшем четких распоряжений императорской власти не последовало. Калмыки продолжали кочевать по указанной территории. Их численность на тот период составляла 13 тыс. кибиток[1]. Всего же кочующих в Предкавказье калмыков было «более 25000 кибиток»[2]. После ухода калмыков с территории войска Донского по причине нежелания подчиняться казачьему начальству, они получили следующие привилегии: 1. Избирать себе начальника; 2. Быть независимыми от Донцов; 3. Зависеть прямо от Государя; 4. Переписываться прямо с ним; 5. По делам иметь сношение с Иностранной Коллегию, как то прежде было; 6. По землям и прочим надобностям с генерал-прокурором[3].

Русское правительство с момента прихода калмыков в Предкавказье до их побега в Китай (1771 г.) не вмешивалось в их внутреннее управление. Во главе народа стояли представители знати: ханы, наместники ханов. Именно с ними русские власти вели все переговоры. В дальнейшем власть была передана нойонам – владельцам улусов. До 1724 правители калмыков назывались тайшами, хотя российскими властями был введен специальный титул – наместник ханства. Однако вскоре титул хана был снова возвращен, но должность перестала быть наследственной, а стала выборной – хана стало назначать русское правительство. В помощь ханам был учрежден Совет – Зарго, состоявший из 8 человек. Члены Зарго – заргаги – являлись советниками хана по наиболее важным внутренним и внешним делам. С течением времени российскими властями власть калмыцких правителей стала существенно ограничиваться. Это проявлялось прежде всего тем, что право назначать членов Зарго стало принадлежать российской администст-

---

[1] Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья. Ставрополь. 2000. С.42-43

[2] Бюллер Ф. Инородцы Астраханской губернии. «Отечественные записки». 1846. № 7. С.53

[3] ПСЗ РИ. Т.26. № 195111

рации. Кроме того, при совете находился русский чиновник, разрешавший спорные вопросы. Члены совета стали получать жалованье по 100 руб. в год, что еще раз подчеркивает административную подчиненность членов Зарго российским властям.

В дальнейшем совет был совсем упразднен. Надзор за калмыками осуществляло ведомство Астраханского Калмыцкого правления. А непосредственное управление калмыцким народом осуществляли приставы, должность которых была введена в 1801 году.

Таким образом, утверждение русской власти над калмыками прошло ряд этапов. В 1786 г. были взяты в казенное ведомство калмыки Дербетовского, Багацохуровского и Эркстеневского улусов. В дальнейшем они были причислены к войску Донскому с целью несения ими казачьих обязанностей. С 1800 года начались значительные перемены в управлении калмыцким народом. С целью создания четкой организации управления калмыками власти назначили чиновника из Коллегии иностранных дел, который непосредственно подчинялся астраханскому военному и гражданскому губернаторам. Так, 30 сентября 1800 года «К делам Калмык и других Азиатских народов от Коллегии иностранных дел был определен коллежский советник Макаров»[1]. Его деятельность регламентировалась исходя из установки о том, что народы Предкавказья – вассальные подданные по отношению к империи. Эта была реальная оценка дел в регионе.

В 1800 году последовали и грамоты, касавшиеся восстановления Зарго, назначения наместника ханства и утверждения Ламы (высшее духовное звание у калмыков). Наместником калмыцкого народа был назначен Чучей Тундутов[2] - самый влиятельный владелец. Как уже было сказано, Правительство также восстановило совет – Зарго, решавший дела в соответствии с нормами обычного права калмыков. Однако члены совета, как и прежде,

---

[1] Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь. 1908. С.6-7

[2] Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Т.1. Тифлис. 1866. С.732

поступали на службы русскому императору в качестве чиновников, с годовым жалованием в 100 руб. серебром. В случае возникновения разногласий в Зарго, их рассматривал императорский чиновник. Таким образом, калмыцкое ханство постепенно становилось частью Российской империи.

Русские власти не ограничились назначением наместника ханства. Под контроль правительства попало и назначение Ламы – высшего духовного лица. Вмешательство российской администрации в духовную жизнь калмыков выражалось в том, что и в дальнейшем Ламу назначал не Далай-Лама в Тибете, а русские власти.

При императоре Александре I власть наместника ханства была несколько ограничена. Он стал подчиняться астраханскому военному губернатору. В области правления калмыки были отделены от кабардинцев, туркмен и ногайцев. Им был назначен отдельный Главный пристав.

Следующие изменения в управлении калмыками связаны с административными преобразованиями 20-х гг. XIX в. В 1822 году Кавказская губерния стала Кавказской областью с центром в г. Ставрополе. Калмыцкий народ, находившийся до этого в ведении Министерства иностранных дел, был передан в ведение Министерства внутренних дел[1], чем преследовалась цель постепенного введения управления калмыцким народом в состав общего губернского управления. С этой же целью были разработаны «Правила для управления калмыцким народом», утвержденные императором 10 марта 1825 года. Согласно Правилам «Главное в Астраханской губернии и Кавказской области принадлежит Министру Внутренних Дел. Министерство же назидает вообще за благосостоянием Калмыцкого народа, охраняет его права и пользы; Предметы сии и случаи могут заключаться: а) в перемене или установлении нового управления и порядка; б) в делах или до назначения улусу нового управления относящихся; в) в тяжбах между вла-

[1] Бюллер Ф. Инородцы Астраханской губернии, извлечение из Инструкции 1806 г. «Отечественные записки». 1846. № 8. С.72

дельцами или др. Калмыками и на Калмыков от людей иного ведомства на сумму свыше 1000 рублей»[1]. Министерство внутренних дел также занималось назначением пристава, а Главноуправляющий на Кавказе следил за управлением и благосостоянием калмыцкого народа.

Областное управление сосредоточивалось в Астрахани, в Комиссии калмыцких дел, которая находилась под председательством Гражданского губернатора и состояла из вице-губернатора, главного пристава при калмыцком народе, губернского прокурора и двух депутатов из калмыцкого народа: один из владельцев, другой – от духовенства, но по назначению народа.

Власть Комиссии была главным образом распорядительная, но вместе с тем она занималась и судебными делами, решения по которым принимались в Зарго, но не устраивали судящихся калмыков. Эти дела ограничивались суммами от 400 до 1000 руб. В случае недовольства решением Зарго, дело разбиралось в Министерстве внутренних дел. Комиссия также рассматривала дела по управлению аймаками, разбирала несогласия между зайсангами. Таким образом, шло постепенное подчинение внутренней жизни калмыцкого народа. В «Правилах по управлению калмыцким народом» было установлено, что такая политика имела целью «для достижения предполагаемых выгод от введения Калмыков постепенным образованием в состав общего гражданского управления»[2], т.е. полного подчинения калмыцкого народа Российской империи.

Для более удобного управления кочевыми калмыками были образованы местные органы власти – улусные управления. Основное улусное управление было сосредоточено в руках нойонов-владельцев, а в казенных улусах – в руках местных властей, которые заведовали хозяйственно-административной частью. Они не имели права вмешиваться во внутрен-

---

[1] ПСЗ РИ. 2-собр. Т.40. № 30290
[2] ПСЗРИ. 2-е собр. Т.40. № 30290

нее управление калмыков. В дальнейшем они будут названы попечителями, следящими за благосостоянием народа, находившимся в его управлении.

Российские власти не отстраняли от управления и духовенство, в ведении которого находились «дела до веры и совести касающиеся, дела по несогласиям супружеским и дела между родителей и детей»[1]. Несмотря на фактическое подчинение жизни калмыков русскому законодательству, в «правилах» подчеркивалось: «Все вообще дела по предметам, до духовного разбирательства или до Гражданского суда подлежащим, производятся и решаются по древнему Калмыцкому Уложению обычаям и обрядам»[2]. Таким образом, Правила 1825 г. усилили роль представителей правительства в управлении калмыками, которое на две трети было составлено из царских чиновников, и уточнили административные функции калмыцких владельцев и улусного управления. Но они не затронули отношений калмыцких владельцев и зайсангов к подвластному им населению[3], а также традиционное право калмыцкого народа.

Правила 1825 года, касавшиеся управления калмыками, не оправдали возлагаемых на них надежд. На это обращали внимание ряд дореволюционных авторов[4]. Так, С.В. Фарфоровский отмечал, что «этот порядок управления калмыками не оправдал возлагаемых на него ожиданий. Калмыки, видимо, беднели и вырождались»[5]. Подобное отношение к этому законодательному акту высказал Ф. Бюллер, справедливо заметив, что «самый порядок учрежденного над ними управления оказался неудачным к применении, несогласным ни с положением народа: ограничение прав суда

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Очерки истории Калмыцкой АССР. М.1967. С.243-244
[4] См. например: Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь. 1908; Бюллер Ф. Инородцы Астраханской области. «Отечественные записки». 1846. № 8; Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь. 1912 и др.
[5] Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. С.9

Зарго и вмешательство в управление Калмыками властей им дотоле чуждых»[1]. Этим же исследователем были отмечены причины неудовлетворительного управления калмыками: 1) медленность в производстве дел, которые поступали во множестве и по запутанности своей требовали зрелых соображений; 2) Главный пристав пользовался властью, которой не положено было твердых ограничений, и имел возможность употреблять ее во зло, действуя то пристрастно, то опрометчиво»[2]. Таким образом, отечественными исследователями было подчеркнуто негативное влияние Правил 1825 года на внутреннее управление калмыками.

Бедственное положение калмыков, обнищание которых происходило довольно быстрыми темпами, вынудило царское правительство Указом от 2 августа 1827 года командировать сенатора Энгеля для выявления причин подобного положения народа. В выводах, представленных им, был и такой: порядок управления, начала коего не соответствовали ни положению его, ни предрассудкам, временем укоренившимися[3]. Русская администрация старалась законодательными мерами исправить существующее положение. Под руководством астраханского военного губернатора Пяткина было составлено новое положение и учреждено попечительство над калмыцким народом, утвержденное 24 ноября 1834 года и вступившее в законную силу с 1 января 1836 года. Согласно Положению главное управление калмыками по-прежнему предоставлялось Министерству Внутренних Дел, местное Губернское Управление составляли: Астраханский военный губернатор и Главный Попечитель калмыцкого народа. Кроме того, был учрежден Совет Калмыцкого управления, состоявший под председательством Главного Попечителя, двух его товарищей, одного асессора из нойонов (владельцев) и двух депутатов из сословия зайсангов. Совет, как распорядительное управление, заведовал всеми делами. На правах судебной

---

[1] Бюллер Ф. Инородцы Астраханской области. С.80
[2] Там же. С. 77
[3] Бюллер Ф. Указ. Соч. С.79

инстанции второй степени был суд Зарго, состоявший из председателя, двух советников, определяемых от Правительства и двух асессоров из нойонов. Делами, относившимися к религии, заведовало, как главное судебное место для духовных дел калмыцкого народа, Ламайское Духовное Управление, состоявшее под председательством Ламы из четырех членов калмыцкого духовенства[1].

«Положение об управлении калмыцким народом» 1834 года установило административное устройство Калмыкии в составе семи улусов (Багацохуровский, Эркетеневский, Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский, Харахусовский), аймаков и хотонов.

Улусы делились на владельческие (возглавлялись владельцами) и казенные (возглавлялись правителями).

Таким образом, Положение 1834 года ограничило власть нойонов и зайсангов. Их феодальным правам был нанесен серьезный удар. Несмотря на то, что нойоны сохранили свои права на владение улусами, сами они были поставлены под контроль царских чиновников[2]. Однако, как отмечается многими из исследователей, положения закона 1834 года трудно выполнялись и были далеки от действительных отношений, господствующих в Калмыцкой степи, и в значительной степени остались на бумаге[3].

Негативное отношение к влиянию политики русских властей высказывали в своих записках многие современники. Так, Я.П. Дуброва и П. Ланко связывали обнищание калмыков с результатами русского попечительства, считая, что попечители действовали только в своих корыстных интересах. Однако, наверное, не стоит придерживаться столь категоричной точки зрения. Русское правительство различными законодательными мерами старалось улучшить экономическое положение народа, но некоторые чиновники злоупотребляли своим положением, что было характерно для

---

[1] Ставропольский государственный краеведческий музей (СГКМ). Ф.2. Д.99. Л.3
[2] Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста. 1970. С.36
[3] Очерки истории Калмыцкой АССР. М.1967. С.244

царской России. Скорее, следует согласиться с мнением современных исследователей по поводу оценки ими закона 1834 года. Он только ограничил привилегированные права высших слоев калмыцкого общества. Важную роль в жизни калмыков стала играть система попечительства. В трех улусах, согласно этому положению, были созданы три ярмарки, помимо уже существовавших. Местная администрация заботилась о здоровье калмыков. С этой целью принимались следующие меры: оспопрививание, предупреждение и пресечение различных заболеваний. Все эти меры также должны были исполняться местными властями.

С 1837 года должности попечителя калмыцкого народа и председателя Астраханской палаты государственных имуществ соединились в одном лице. С этого времени управление кочевниками перешло в Министерство государственных имуществ.

Российское правительство своими дальнейшими законодательными мерами старалось улучшить жизнь в калмыцком обществе. С этой целью в 1847 году было издано новое «Положение по управлению калмыцким народом»[1], утвержденное 23 апреля 1847 года, действовавшее вплоть до 1917 года.

Положением 1847 года российские власти приблизили калмыков к полноправным гражданам империи. Русская администрация постепенными законодательными мерами старалась стереть сословные различия в калмыцком обществе и приблизить калмыков к сословию государственных крестьян. Подобные меры правительства были связаны с привлечением кочевников к оседлому образу жизни. Хотя «Положение» 1847 года предусматривало и нормировало исключительно кочевой образ жизни калмыков, но реально российская администрация на местах постепенно приспосабливало их к оседлости.

---

[1] ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. №21144

Положением 1847 года признавалась иерархичность кочевого общества, уделялось особое внимание привилегированным сословиям.

«Нойоны-владельцы улусов и члены их семейств, поступающие в военную или гражданскую службу, принимаются наравне с дворянами». Безаймачные зайсанги приравнивались к «личным почетным гражданам», тем самым знать привлекалась к управлению своими соплеменниками, но в качестве российских чиновников. Особое внимание местные власти уделяли привлечению кочевников к занятию земледелием: в случае перехода к оседлости зайсанги безаймачные приравнивались к аймачным зайсангам.

На местах были созданы органы самоуправления – улусный и аймачный сходы. Состав и компетенция этих сходов совпадали в основных своих чертах у улусного с волостным сходом, у аймачного – с сельским. Власть нойонов была ограничена. Главную роль в управлении улусом стал играть попечитель, который, однако, согласовывал все распоряжения с владельцем этого улуса. Произвол власти нойонов и зайсангов был ограничен запрещением «продавать, закладывать и дарить подвластных им Калмыков»[1].

Законодательно были четко определены повинности, как денежные, так и натуральные, шедшие на содержание административного аппарата и в пользу российского государства. Денежные повинности составляли уплачиваемый с каждой кибитки сбора размере 8 руб. 15 коп. серебром в год. Часть суммы шла на содержание управления, а остатки в общественный капитал калмыков. Натуральные повинности в пользу российского государства заключались в следующем:

1. Наряд подвод для чиновников улусных управлений и вообще лиц, командируемых в улусы по делам службы и для арестантов.
2. Поставка кибиток для помещения улусных управлений с чиновниками и казачьими командами при кочевке в таких местах, где

[1] ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. № 21144

не устроено улусного дома, и доставление им зимою материалов для топлива, какой где в употреблении у калмыков.

3. Наряд Калмыков в случае надобности, для содержания в улусах пикетов.
4. Наряд ежегодно 200 калмыков для кордонной службы на линию, занимаемую Астраханским казачьим войском.
5. Наряд рабочих для починки дорог и для лесоразведения[1].

Таким образом, система управления калмыками была четко разработана и введена в действие на долгое время. Она выражалась прежде всего в административной опеке над ними.

Система приставств. Как видно из предыдущего раздела, первые административные преобразования у кочевых народов степного Предкавказья были проведены в начале XIX в. Другими административными преобразованиями, касавшимися управления в первую очередь кочевыми народами, стало введение системы приставств. Одним из первых народом, у которого была введена такая система, стали ногайцы, относимые к так называемым кочующим внутренним инородцам, находившиеся во введении Кавказского генерал-губернатора, а с 1802 г. – государственной коллегии иностранных дел. Непосредственное же управление ими возлагалось на Главного пристава и подчиненных ему частных приставов[2], назначаемых русской администрацией, которые в своей деятельности руководствовались Инструкцией от 28 мая 1802 г.

Согласно зафиксированным положениям в «Учреждении для управления Кавказской Областью» все инородцы в Кавказской области подразделялись на внутренних и внешних. К внутренним инородцам относились те, кто обитал в пределах Области – ногайцы и другие, «управляемые особенным Начальством, на основании их степных обычаев и обрядов, и на

---

[1] ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. № 21144
[2] ГАСК. Ф.249. Оп.3. Д.187. Л.65-70

основании особенных об них правил»[1]. Внешние или залинейные инородцы – те, кто не входил в состав Общего Управления – обитавшие на правом берегу реки Терека и Малки. Все инородческие племена, как было указано выше, состояли в управлении Главного Пристава, который являлся одновременно членом Областного Совета и подчинялся общему Областному Управлению. Подчиненные ему частные Приставы осуществляли непосредственное управление в кочевьях[2].

С 1802 г. Главным приставом кочующих народов был назначен И.М. Макаров, которому подчинялись, как уже было указано выше, приставы, осуществляющие непосредственное управление народами. В государственном архиве Ставропольского края хранится рапорт пристава Корнилова Главному приставу кочующих народов о социальном, политическом и экономическом состоянии народов приставства[3]. Как видно из этого рапорта, в самом начале своей деятельности приставы изучали род занятий, социальные отношения, обрабатывали данные о численности кочующих инородцев. Производили следствия по правонарушениям у подведомственных им народов[4], вели переписку с органами административного управления Кавказской области.

Согласно Инструкции от 28 мая 1802 г. приставы, назначаемые преимущественно из русских офицеров, ознакомившихся с обычаями и характером горцев, но «для племен, более других известных своеволием и дикостью нравов избираются в приставы благонадежные и достойнейшие из них»[5], должны были:

1.Приводить в исполнение распоряжения начальства, касающиеся до управления их народа.

---

[1] Учреждение для управления Кавказской Областью. Л. 10об.
[2] Там же. Л.12-12об.
[3] ГАСК. Ф.249. Оп.3. Д.1. Л.1-2
[4] ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.Д. 12, 52
[5] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.68

2.Охранять общества от внешних враждебных покушений, употребляя для того самих жителей.

3.Наблюдать за внутренним спокойствием, обуздывая своеволие или неповиновение, и преследуя людей не благонадежных.

4. Заботиться о внутреннем благоустройстве и возможном улучшении состояния жителей.

5.Наблюдать, чтобы спорные дела решались справедливо, ...по существующим народным обычаям, лицами, которым предоставлено это право.

6.Наблюдать, чтобы лица, содействующие ему в управлении, исполняли свои обязанности и имели должное от жителей уважение.

7.Разрешать незначительные спорные дела, которые ранее по обычаю находились во введении ламайского духовенства. Более важные случаи должны были разрешаться при посредстве пристава. За уголовные преступления виновные, согласно Инструкции, должны предаваться военному суду.

8.В случае несогласия или жалобы на решения духовных дел ламой, приставу предоставлялось право разбирать их в присутствии нескольких духовных лиц.[1]

В полном повиновении приставам находились старшины, избираемые в основном из числа коренного населения, на которых, согласно Инструкции, возлагались полицейские функции.

Ведомству Главного Пристава принадлежали «следующие орды: а)Ногайцы, по Калаусу и Янкулям в Ставропольском округе обитающие; б) около Бештовых гор по Куме и Сабле в Георгиевском округе; в) Джембулуковские и Едисанские между Моздока и Кумы, в Моздокском округе; г) Караногайцы и Едишкульцы в Кизлярском округе; и д) Трухменцы и Киргизцы в зимнее время в округе Кизлярском. А в летнее время на землях

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.3. Д.167. Л.7-15

Калмыцких»[1]. Из перечисленных народов было образовано 5 приставств, во главе которых стояли частные приставы со своими помощниками.

Компетенция и функции Главного и Частных Приставов были расширены «Уставом для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» 1827 г., подписанного Председателем Государственного Совета князем Петром Лопухиным[2]. Согласно Уставу для единства управления кочующими народами был подтвержден статус Главного пристава, в подчинении которого с этого периода находилось пять частных приставов. В помощь частным приставам определялись помощники, а непосредственное управление в каждом роде находилось в руках выборных лиц – одного Головы, двух Старшин и Казначея, ежегодно переизбиравшихся[3] из числа коренного населения. Каждый аул, размером не менее десяти кибиток, должен был иметь аульного старосту и десятского[4].

Следует отметить, что в избрание должностных лиц частные приставы не вмешивались. Главному приставу давалось указание «строго подтвердить всем частным приставам, чтобы они отнюдь не вмешивались в выборы старшин, предоставленных на волю общества»[5]. Таким образом, инициатива избрания должностных лиц принадлежала всему кочевому обществу. Главный пристав только подтверждал общественные приговоры, касавшиеся выбора должностных лиц. Вступающий в должность давал клятвенное обещание «противу присяги не поступать и таким образом себя вести как верному Его Императоркаго величества подданному, благопристойно весть и наблюдать и как я пред всемогущем Его страшным всегда ответ дать могу…[6]». Подобную клятву давали и вступающие в должность

---

[1] ПСЗРИ. Т.2. № 878
[2] ГАСК. Фонд особо ценных материалов. Ед.хр.3470.
[3] Там же. Л.30-30об.
[4] ПСЗРИ. Т.2. № 878
[5] ГАСК. Ф.407. Оп.1. Д.309. Л.12
[6] Там же. Л.10

аульного начальства представители кочевых народов. В каждом ауле избирались старосты из своих же соплеменников.

Главный Пристав избирался Правителем Области, утверждался Министром Внутренних Дел. Частные приставы и их помощники по представлению Правителя области утверждались Главноуправляющим. В обязанности Главного пристава, подчиняющегося непосредственно Областному начальнику, входило: охранение прав и собственности калмыков вообще и каждого, защита их «от всяких обид и притязаний; попечение об улучшении их благосостояния; внушение им в пристойных случаях преимуществ и выгод жизни постоянной перед кочевой, не подавая однако вида принуждения»[1]. В особенную обязанность Главного пристава вменялось собрание сведений о законах и обычаях подведомственных им народов, их обнародование и хранение. Согласно §28 Устава собрание сведений о народах должно было производиться по следующим разделам:

1)Права лиц: а)разделение чиноначалия, т.е.: название и подчиненность почетных людей; б)их права и власть; в)права родителей и родственников; г)права духовных лиц и их доходы. 2)Законы и обычаи общие: а)состав расправы: какие дела подлежат рассмотрению старшин, какие и как именно – посредниками; б)власть суда и ее пределы; в)обряды разбирательства и решений; г)сила свидетельств; обряды свидетельств; д)улики и их виды; е)оправдания, сила и употребления присяги; ее обряды и случаи. 3)Законы частные, к которым относились: а)дела по нарушению правил веры; б)неповиновение и буйство, а также неповиновение родителям и старшинам в семействах; в)кражи всех родов; г)обманы; д)иски по свадебным делам; е)наследование; ж)дела долговые; з)распри по играм и пиршествам; и)дела врачебные; і)распри по ловлям и промыслам; к)дела по скотоводству; л)иски, возникающие из нечаянных и неосторожных поступков;

---

[1] Устав для управления ногайцев и других народов, кочующих в Кавказской области. Л.31

м)жалобы на высших лиц[1]. Как видно, достаточно обширный круг вопросов, которым российское правительство придавало большое значение.

Частные приставы исполняли обязанности по сохранению благочиния, охраны и защиты «польз и выгод народа, направление оного к трудолюбию и промышленности, и внушение преимуществ постоянного жительства, как средства благонадежного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее; но сии внушения не должны иметь вида принуждения»[2]. В обязанность частных приставов вменялось производство следствия по уголовным делам, надзор за исполнением решений Окружного суда.

Как уже указывалось, приставы в основном назначались из русских офицеров. Так, у калмыков в 1822-1823 гг. Главным калмыцким приставом был Каханов; в 1823-1824 гг. – Чубрицкий[3]. Это правило распространялось не только на кочевые народы, но и на представителей любого другого коренного населения. И в совершенно редких случаях приставом мог стать представитель управляемого народа.

На народы, находившиеся в подчинении приставам, ложились и определенные повинности. Однако российские власти понимали, что повинности, налагаемые на население, входящее в состав приставств, были не совсем равными. Поэтому в §24 Устава для управления народами, кочующими в Кавказской области, рассматривающем обязанности Главного пристава, было зафиксировано, что «поскольку лица ведомства Главного пристава не обязаны никакими денежными платежами казне податей, но взамен того исправляют другие повинности; и поскольку само отправление повинностей этих, производится в степени неуравнительной: одни производят ежегодную разводку казенного провианта на продовольствие войск и содержат сверх того почтовые станции; другие делают такую разводку

---

[1] Устав для управления ногайцев и других народов, кочующих в Кавказской области. Л.31об.-32
[2] Там же. Л.32об.
[3] ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.12, 52

провианта только случайно в количестве весьма меньшем, и меньшее число содержат станции; третьи никакой не несут повинности, отправляя одну незначительную и более бесполезную общую с калмыками очередь на кордоны. Поэтому обязанностью Главного пристава будет, приведя в ближайшую известность сумму всех таковых расходов как денежных, так и натурой каждым народом, изыскать средства уравнения в оных, применяясь к образу жизни, занятий и хозяйства, дабы в замен того, что лежит на одних отбывать натурой, на других было возложено отправление денежным наймом и т.п.[1]». В результате этого раскладка повинностей была упорядочена.

С 1841 г. все кочующие племена: ногайцы, калмыки и туркмены были переданы под попечительство Министерства государственных имуществ. А непосредственное управление ими продолжали приставы, назначаемые русской администрацией.

В результате реформ, проведенных Русским правительством с 1825 по 1847 гг., появилась должность Главного попечителя калмыцкого народа, канцелярия которого находилась при Астраханском губернаторе. Ему подчинялись попечители отдельных улусов; с правителями улусов – тайшами и нойонами считались лишь формально. Вследствие дальнейших преобразований Калмыкия превратилась в рядовую окраинную колонию Российской империи.

Русское правительство принимало и активные меры к изменению образа жизни кочевых народов, переходу их к оседлости. Согласно нормативным документам власти на местах были обязаны внушать кочевникам «в пристойных случаях преимуществ и выгод жизни постоянной пред кочевою не подавая однако же вида принуждения»[2]. Следует отметить, что меры по привлечению кочевников к оседлости не носили принудительного

---

[1] Устав для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области. Л.31об

[2] ПСЗ РИ. Т.2 № 878

характера. Помимо осуществления названной политики, оседлому образу жизни способствовал ряд факторов социально-экономического характера. К ним относится прежде всего дальнейшая колонизация Северного Кавказа пришлым русским населением. Русские крестьяне после реформ 60-х годов, получив личную свободу и нуждаясь в земле, устремились на Северный Кавказ и Предкавказье. Особенно в последнем, на обширной территории находились кочевья ногайцев, калмыков и туркмен. Именно вокруг них стали располагаться широким кольцом русские села. Другим фактором перехода к оседлому образу жизни стал факт обнищания значительной части кочевых обществ.

Российская администрация в процессе приобщения кочевников к оседлому образу жизни пыталась действовать осторожными мерами. Это находит подтверждение и в циркулярах Наместника Кавказа к ставропольскому гражданскому губернатору: «Местное начальство над инородцами старалось бы мерами убеждения внушить подведомственным им народам всю пользу оседлой жизни и весь вред кочевого их быта, не могущего упрочить их благосостояние и только тех инородцев обращало к оседлости, которые добровольно изъявят на то свое согласие»[1]. Из этого документа следует, что высшее кавказское управление в своих указаниях делало акцент на добровольный характер изменения образа жизни кочевника.

В работах отечественных исследователей давалась самая разная оценка степеням успеха мероприятий правительства в области политики по привлечению к оседлому образу жизни кочевников: калмыков, ногайцев и туркмен. С.Ф. Фарфоровский подчеркивал неудачи русских властей в этой политике: «несмотря на все старания администрации насадить в ногайских степях земледелие, это удается очень плохо вследствие беспечности ногайца, его неумелости, малой приспособленности почвы для земле-

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.94. Л.32

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

делия»[1]. Этот же автор анализировал и причины неудачи привлечения к оседлому образу жизни туркмен: «Трухмены не изменили своих взглядов на хозяйство, не признавали превосходство оседлой жизни; они желали при формировании аулов воспользоваться даровыми наделами, чтобы земля давала им доход путем аренды»[2]. Подобную точку зрения подтверждал и Г.Н. Прозрителев, отмечая, что «поселение было только номинальное, а в действительности положение оставалось прежнее. Получив землю, туркмены сдавали ее русским, а сами получали 1/3 или ¼ урожая»[3]. Таким образом, успехи правительства на первых порах были совсем незначительными. Отмечается, что образование оседлых поселений тех же ногайцев возникли только в конце рассматриваемого периода.

Тяжело проходило привлечение к оседлости и калмыков. Это отмечалось в ряде источников[4]. Однако уже к концу рассматриваемого периода калмыки стали постепенно переходить к оседлому образу жизни. Этому способствовало генеральное межевание калмыцких земель и наделение ими калмыков для оседлого поселения.

После разграничения Ставропольской губернии и Терской области «общая площадь земель кочевых народностей... в количестве 2,023, 540 десятин... распределяется между отдельными народностями. Таким образом, в пользу туркмен остается 810880 десяти, ногайцев (Едишкульцев, Джембойлуковцев и Едисанцев) 307140 дес. и ногайцев Терской области – 905520 десятин»[5]. Таким образом, кочевники наделялись достаточным ко-

---

[1] Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис. 1909. С.10

[2] Фарфоровский С.В. Трухмены Ставропольской губернии. Казань. 1911. С.10-11

[3] Цитирую по: Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья. С.183

[4] См.: Отчет по главному управлению Наместника Кавказского за первое десятилетие управления Кавказским краем его императорским Высочеством великим князем Михаил Николаевичем. Тифлис. 1873. С.14-15; Воробьев В.В. Астраханские калмыки. М. 1903. С.5; Борисов П.Г. Калмыки в низовьях Волги. М. 1917. С.20; Очиров Н. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань. 1925 и др.

[5] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.1619а. Л.337

личеством земли. У караногайцев и калмыков Терской области в пользовании находилось 905520 десятин земли[1].

Подводя итоги политики русских властей по привлечению кочевников к оседлости, следует отметить ряд трудностей, связанных с изменением устоявшегося веками уклада. Поэтому первые попытки властей во время реализации своей политики не увенчались успехом. Одной из трудностей занятия земледелием у кочевых народов было отсутствие должных навыков и умений. К этому добавилось еще и то, что на перестройку хозяйства требовались значительные денежные средства. В связи с этим русскими властями стала оказываться материальная помощь тем из кочевников, которые стремились к оседлости. Были учреждены вспомогательные кассы, выдававшие безвозмездную материальную помощь[2]. Но, несмотря на это, окончательное приобщение к оседлому образу жизни произошло намного позднее – к концу XIX – началу XX в.

---

[1] Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века. Ставрополь. 2000. С.155

[2] Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья. С.186

§ 2. Сословный характер калмыцкого общества: особенности правового регулирования

Правовое положение различных категорий населения у кочевых народов в рассматриваемый период имела свою специфику. Если в обществах, где землевладельческий уклад являлся преобладающим, социальные отношения выступали более четко, то у кочевых народов наблюдалось несколько иное положение.

Социальная стратификация у кочевых народов региона: калмыков, ногайцев и туркмен, имела свои особенности, так как формировалась в условиях кочевого образа жизни. Следует отметить, что общественные отношения у кочевников были завуалированы родовыми и религиозными пережитками и, что также следует отметить, военным прошлым этих народов.

Если рассматривать зависимые отношения у соседей непосредственных калмыков - горских народов Северного Кавказа, то можно сделать вывод, что различные формы зависимости, зафиксированные в дальнейшем в нормах обычного права, формировались у них через собственность на землю. У кочевников же все проявлялось иначе. А.И. Першиц писал по этому поводу, что «у кочевников весь комплекс процессов классополитогенеза протекал замедленными темпами»[1]. Это было связано с тем, что земля долгое время не была у них объектом товарно-денежных отношений. Именно поэтому в кочевых обществах зависимые отношения четко не проявлялись.

Здесь также следует отметить, что и юридического оформления зависимые отношения в среде кочевых народов также долгое время не получили. Только после вхождения народов в систему административного управления Российской империи, эти отношения были зафиксированы законодательно. Рассмотрим эти положения более подробно.

---

[1] Першиц А.И. Кочевники в мировой истории. «Восток». 1998. № 2. С.60

Наиболее четко социальная иерархия среди кочевых народов степного Предкавказья проявлялась у калмыков. Это и неудивительно, учитывая богатую историю этого народа, в том числе и военную. Сословные отношения у калмыков существовали задолго до их прихода в Россию. «Отношения простолюдинов к нойонам определялось в прежнее время обязанностью поставлять известное число вооруженных людей и доставлять, смотря по потребностям, припасы на их содержание»[1]. С момента указа императора Павла I (1800 г.), согласно которому им была дарована земля, и началось окончательное закрепощение народа[2], уже в начале XIX века калмыки находились в безграничном владении нойонов. Так, Н. Нефедьев отмечал: «В отношении к простому власть нойонов даже до того неограниченна, что они могли располагать собственностью и свободою, но даже самою жизнью людей им принадлежащих»[3]. Об этом же свидетельствуют и официальные документы того времени. «Впоследствии простолюдины мало-помалу перешли в безусловную личную зависимость от нойонов, закрепленную правительственными распоряжениями, с предоставлением нойонам даже права продавать калмыков»[4]. Однако в дальнейшем русским правительством были ограничены права владельцев на продажу калмыков. А в 1825 году их продажа была окончательно прекращена: «Нойоны-владельцы и аймачные зайсанги не имеют права продавать, закладывать и дарить подвластных им Калмыков»[5].

Количественный состав правящего сословия и зависимого населения представлен в таблице[6]:

---

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.2. Л.17
[2] Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья. С.72
[3] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. С.90
[4] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.2. Л.17
[5] ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. № 21144
[6] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.469. Л.40

№№ п/п	Какого сословия	Число душ простолюдинов в улусе и вне его	
		М.	Ж.
1.	Нойонов	1	1
2.	Мелкопоместных владельцев	1	1
3.	Аймачных зайсангов	15	17
4.	Безаймачных зайсангов (в том числе и владельческих родственников, не управляющих аймаками)	75	61
5.	Калмыки простолюдины по родам В Богобуруловом	368	216
	1-й Боготурктуновом	592	293
	2-й Боготурктуновом	91	38
	Бюдермисовом	446	202
	Кюбетовом	132	88
	Шеретевом	106	62
	Цоросовом	292	157
	Тарачинеровом	91	59
	Будульчинеровом	110	68
	Икичинисовом	1386	956
	Абганер Галханкином	277	193
	Абганеровом Аймаков Цой-Аршиева и Хадмсаева	219	109
	Хаджинкиновым	158	92
	Икитуктунов Аймака Ларина Опогинова Икитуктунова аймаков	263	101
	Шаранджиева Долгунова и Эренденова	286	178
6.	Калмыцкого духовенства		
	В·1-м Большом хуруле (Абганерова рода)	36	
	2-м Большом хуруле (Икичиносова)	36	
	3- Малом (1-й Боготуктунова рода)	18	
	4-м Малом (Икитуктунова рода аймака Лапина Опогинова)	18	
	5-м Малом (Бюдермисовом роде)	18	
	ИТОГО	5036	2893

Говоря о социальной стратификации калмыцкого общества, следует отметить, что вообще сам процесс образования зависимого населения бе-

рет свое начало еще из Монгольской империи. Учитывая, что калмыки в прошлом были воинами, нам представляется правильной точка зрения Ф.И. Леонтовича, который отмечал: «У них между обычаем и законом собственно не могло быть большой разницы, так как тот и другой квалифицировались одними и теми же началами воинственно-патриархального, родового быта»[1], которые лежали в основе их общественного устройства. Даже после прекращения военных действий иерархичность общества, основанная на военной традиции калмыков, осталась. Таким образом, социальное деление основывалось на военной организации калмыцкого общества.

Дореволюционные авторы указывали, что калмыцкое общество представляло собой военную общину, с ее характерными признаками[2]. А личная зависимость калмыка-простолюдина складывалась веками и лишь российские законы закрепили ее юридически, утвердив сложившуюся социальную структуру. Так, в «Положении об управлении калмыцким народом» 1847 г. подчеркивалось: «По состояниям калмыцкий народ разделяется на нойонов, владеющих улусами; на владельцев, имеющих по несколько кибиток и семейств; на зайсангов родовых, владеющих аймаками, и зайсангов безаймачных; на духовных, к коим принадлежат Лама и другие лица, и, наконец, на простолюдинов»[3].

Социальные отношения в калмыцком обществе в рассматриваемый нами период носили достаточно ярко выраженный характер, основанный на исторически сложившейся традиции, уходящей корнями в военное прошлое этого народа. Рассмотрим более подробно социальные отношения в калмыцком обществе.

Как уже указывалось, социальная стратификация калмыцкого общества сложилась достаточно давно. Документы XVII века (монголо-ойратские

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Одесса. 1879. С.17
[2] См., например: Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. Казань. 1898. С.2
[3] ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. № 21144

законы 1640 г.) содержат указания о князьях (нойод) разных рангов, о великих князьях (ике нойод), малых князьях (бага нойод) и о князьях – сложилась окончательно. Об этом свидетельствуют документальные материалы Российской империи. Так, в «Правилах для управления Калмыцкого народа», было установлено, что во вновь созданной Комиссии калмыцких дел должны были участвовать в качестве депутатов со стороны калмыков «один из владельцев и один из духовенства Ламы, кои назначаются по общему выбору, первый владельцами, а последний – духовенством»[1].

До начала 70-х гг. XVIII в. во главе обществе стоял хан, в непосредственном подчинении которого находились тайши – его вассалы, неся определенные повинности, из которых одной из важнейших являлась несение военной службы. В непосредственном подчинении тайши находились нойоны; последним подчинялись зайсанги, которые фактически были управителями аймаков. К привилегированному сословию относилось и ламаистское духовенство, довольно многочисленное. Согласно данным XIX в.[2] привилегированное сословие составляло около одной десятой части всего калмыцкого населения.

Тайша являлся наследственным правителем своего нутука и улуса, т.е. пастбищной земли и кочевавших на ней людей, составлявших его домен. Механизм действия феодальной собственности у калмыков был следующим: распределение сезонных кочевий между тайшами и зайсангами входило в компетенцию особого учреждения, называвшегося Зарго, состоявшего из восьми постоянных членов, назначавшихся до 70-х гг. XVIII в. ханом, а в дальнейшем статус которых стал наследственным. Именно Зарго распределял места кочевок и пастбищные угодья между отдельными группами и семьями, входившими в улус. Он же имел и судебные функции.

---

[1] ПСЗРИ. Т.40. № 30290

[2] Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках. СПб., 1870. С.30-32

В начале XIX века положение несколько изменилось. Высшим сословием стали нойоны, права которых передавались по наследству. Следует отметить, что в XIX веке российское правительство признало за нойонами права дворян – потомственных и личных[1]. «Начальное приобретение сих прав теряется в глубокой отдаленности, а потому и основания их остаются неизвестными. Полагают, однако же, что достоинство нойонов и соединенные с оным преимущества зависели от верховных повелителей Монгольской Империи и были жалованы знаменитым их полководцам или родственникам»[2]. Таким образом, как уже указывалось выше, власть нойонов была напрямую связана с военной историей Монгольского государства.

Дореволюционными исследователями отмечалось, что их произвол и самоуправство утверждались «на давности времени и обратились в обычай. Владельцы облагали сборами своих подвластных, беря с них неограниченную подать скотом и деньгами, а тех, от которых не могли добиться ни того, ни другого, продавали или подвергали жестоким истязаниям»[3]. Нойоны стояли во главе улусов (административное родовое деление), а «аймаками управляли, по уполномочию нойонов, их родственники или близкие люди – узайсане или зайсанги»[4]. В их распоряжении находились калмыки-простолюдины, обязанные в начале XIX века денежным сбором, размер которого определялся самими нойонами и доходил который до 75 рублей с кибитки.

Русское правительство в 1834 г., видя злоупотребления в этой области, установило определенный размер повинностей, «по 28 руб. 50 коп. ассигнациями с кибитки, из коих 25 руб. поступали в пользу нойона, 2 руб. –

---

[1] ПСЗРИ. Т.10. № 7560а
[2] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834. С.90
[3] Бюллер Ф. Инородцы Астраханской губернии. С.64
[4] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.2. Л.17

в пользу зайсанга и 1 руб. 50 коп. – на содержание калмыцкого управления, с переводом на серебро – 7 руб. 14 коп. – нойону, 57 коп. – зайсангу и 44 коп. – на управление; всего же 8 руб. 15 коп.»[1]. Об этом более подробно будет сказано ниже.

Российское законодательство закрепляло сложившиеся отношения в калмыцком обществе. Из «Правил управления калмыцким народом» от 1825 г. следует, что «Внутреннее управление Калмыками в улусах предоставляется владельцам»[2]. Российские власти использовали кочевую знать в управленческом аппарате. Нойоны являлись членами Комиссии по калмыцким делам и судьями в Зарго.

Следующую ступень калмыцкого общества составляли зайсанги. Зайсанг (тзай-сан) – слово китайского происхождения, в переводе означает «чиновник». Будучи потомками простых калмыков, они получили во владение земельные наделы, которые назывались аймаки. Права их состояли в том, что они «пользуются от аймаков своих по очереди прислугою и денежными доходами. Что же касается до обязанностей, то оные заключаются в соблюдении аймаками порядка и в исполнении владельческих приказаний. Каждый владелец в случае неудовольствия, на подвластного зайсанга может, несмотря на белые кости, наказать его, на что нет и претензий, но лишать звания, от предков наследованного, или отобрать у него аймак без суда, права не имеет»[3]. Таким образом, источниками подчеркивался наследственный характер этого сословия.

Нойоны вместе с зайсангами входили в состав суда – Зарго, в количестве 6 человек. Они являлись улусными судьями и разбирали частные дела между калмыками.

Другой категорией были зайсанги безаймачные, которые привлекались к управлению улусами в случае недостатка аймачных зайсангов. Дело

---

[1] ГАСК.Ф.249. Оп.1. Д.2. Л.17
[2] ПСЗРИ. Т.40. № 30290
[3] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. С.91

было в том, что ранее аймаки дробились между сыновьями. В XIX веке они стали переходить по наследству от отца к одному из сыновей, без раздела аймака на части. Зайсанги безаймачные получали содержание от добровольных пособий от владельцев или аймачных зайсангов.

Российская администрация зайсангов, получивших аймак по наследству, приравняла к потомственным почетным гражданам, а назначенных нойонами из калмыков-простолюдинов – к личным почетным гражданам[1]. Однако следует отметить, что при наделении землей под оседлое поселение зайсанги безаймачные приравнивались в правах получения определенного участка земли с зайсангами аймачными. Об этом свидетельствуют и источники: «Если безаймачные зайсанги поселяются при учреждаемых на калмыцких землях оседло и будут заниматься земледелием, то они и дети их пользуются правами почетного гражданства наравне с зайсангами аймачными»[2].

К высшему сословию у калмыков относились и служители веры – духовенство, принадлежность к которому не было потомственным. Обычно они происходили из семей простолюдинов. Духовенство имело ряд степеней, высшая из которых давало звание Ламы – верховного первосвященника. Вначале Ламу назначал Далай-Лама, находившийся в Тибете. Однако впоследствии российские власти стали самостоятельно утверждать Ламу в этом звании. «Лама избирается у начальствующих в больших хурулах Бакшей (высший учитель веры) и определяется в сие звание Высочайшим указом по представлению Министра Внутренних дел»[3]. Духовенство, как и другие категории владельческого сословия, были освобождены от повинностей. Сами они существовали за счет пожертвований калмыцкого населения. В их компетенции находились дела, касающиеся «веры и совести», а также дела семейные.

---

[1] ПСЗРИ. Т.10. № 7560а
[2] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.81. Л.57
[3] ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. № 21144

На 1825 год численность нойнов, зайсангов, ламаистского духовенства и калмыков-простолюдинов была зафиксирована Главным приставом калмыцкого народа, в его переписке по вопросу о передаче калмыков и инородцев-магометан в ведение Министерства внутренних дел. Согласно этому документу, хранящемуся в фондах государственного архива Ставропольского края, калмыков в Ставропольской губернии, где имелся только Большедербетовский улус, числилось:

	Муж.	Жен.
Нойонов	1	2
Зайсангов аймачных	2	-
безаймачных	62	58
Духовенства	125	-
Калмыков-простолюдинов	5966	5721
Итого:	6156	5781
Всего:	11937 душ.	

В Астраханской губернии:

	Муж.	Жен.
Нойонов	16	18
Зайсангов аймачных	179	171
безаймачных	1655	1480
Духовенства	1823	-
Калмыков-простолюдинов	67894	61612[1]

Промежуточное положение в калмыцком обществе занимало сословие тарханов. Оно состояло из лиц, совершивших военные подвиги, в особенности спасших жизнь владельца в бою или оказавших ему другие важные

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.2. Л.18

услуги[1]. Тарханы освобождались от повинностей и не несли наказаний за первые девять совершенных ими проступков[2]. Звание тарханов было наследственным.

Феодально-зависимое население было представлено тремя основными категориями: албату, кеточинеры и шабинеры. Наиболее многочисленным было сословие албату, которые составляли основную массу непосредственных производителей. Повинности албату регулировались нормами обычного права, но точно зафиксированы не были. Одной из повинностей была десятина, т.е. уплата одной десятой части урожая. В случае если албату привлекались к участию в военных походах, размер повинностей у них понижалась[3]. Албату были обязаны повинностями и в пользу своих зайсангов. По Положению от 24 ноября 1834 г. был зафиксирован денежный сбор с албату в размере 28 руб. 50 коп. ассигнациями с кибитки, который распределялся следующим образом: 25 руб. шло нойону, 2 руб. – зайсангу и 1 руб. 50 коп. – на содержание Калмыцкого управления[4]. После проведения денежной реформы 1839 г. размер денежного сбора (албана) был переведен в серебро, с кибитки стали собирать по 8 руб. 15 коп. серебром, из которых 7 руб. 14 коп. шло владельцу, 57 коп. – зайсангу, а на содержание Калмыцкого управления шло 44 коп.[5] Владельцы и зайсанги сами осуществляли сбор албана, в случае неплатежа отдавая несостоятельного должника в «работы до выручки всей суммы»[6] Указанные сборы не были единичными. Существовала воинская повинность, повинность выпасать

---

[1] Богоявленский Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М.-Л. 1934. С.94-95

[2] Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С.96

[3] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. СПб. 1799. С.7; Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С.174-175; Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов и ее отражение в российском законодательстве в первой половине XIX века.// Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь. 1999. С.322-234

[4] ПСЗРИ. Т.10. Приложение. № 7560а

[5] Очерки истории Калмыцкой АССР. С.237

[6] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. 1852. С.101

господский скот, работа при дворе правителей и др., зафиксированные нормами обычного права. Албату не имел права отлучаться из своих хотонов и аймаков без разрешения владельцев и правителей улусов. Владелец был полным хозяином албату. Он мог его продать, купить, что было зафиксировано и серией императорских указов еще 1737 и 1744 гг., разрешивших калмыцким владельцам продавать крепостных калмыков как обыкновенную движимую собственность[1]. П. Паллас отмечал, что «Нойон имеет над своими подданными неограниченную власть. Он может по своему изволению их дарить кому хочет, наказывать их телесно, велеть им носы и уши обрезать или другие члены обрубать, но только не явно умерщвлять"[2]. Только императорские указы узаконили самовластие калмыцких правителей – нойонов и зайсангов – по отношению к зависимому населению.

Другой категорией зависимого населения были кеточинеры, состоящие при владельцах, обслуживая последних. Фактически они составляли слой служивого населения, исполняя ту же роль, что и нукеры у монголов. К сожалению, источники дают нам мало информации об их роли в калмыцком обществе. Зафиксированные нормы обычного права тоже только упоминают эту категорию, но опять же в качестве военных слуг, не конкретизируя их повинности.

Шабинеры – еще одна из категорий зависимого населения. Они появились в связи с распространением у калмыков ламаизма и являлись пожалованными владельцами хуралов монастырям слугами. Практически это были те же албату, но находившиеся в подчинении не у нойонов, а у церковных владетелей. Единственное отличие от албату заключалось в том, что шабинеры были освобождены от воинской повинности.

---

[1] Минкин Г.З. О феодализме в Калмыкии. «Революционный Восток», 1933. № 1. С.132
[2] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809. С.299

К концу XVIII века всех шабинеров в калмыцком народе насчитывалось 1786 семейств. Они, согласно архивным данным, пользовались определенными привилегиями со стороны владельцев, которые заключались в следующем: в свободе от владельческих податей или в уменьшенном размере земских повинностей, в свободе от повинностей натуральных[1]. Но это касалось, в основном, шабинеров, находящихся в подчинении монастырям.

Однако в первой половине XIX века их положение в этом плане несколько изменилось, о чем ярко свидетельствует архивный документ «Дело по ходатайству Шебинеровского рода Яндыко-Икицохуровского улуса об освобождении калмыков данного рода от платежа владельческого албана по древнему праву, предоставленному им калмыцким ханом Аюкой». В соответствии с материалами дела, до 1836 года владельческие подати в шабинеров не взыскивались. Однако с указанного года они стали вносить по 1 р. 50 коп. на содержание Калмыцкого управления, а до этого стали исполнять и некоторые натуральные повинности. Такое положение сохранялось до 1838 года, времени смерти последнего Яндыковского владельца Церен Аргин, после чего Калмыцкое управление стало требовать и взыскивать с них владельческий албан в размере 25 руб.

В связи с этим зайсанг Доржаев выступил с ходатайством о защите этой категории населения, основываясь на их древних правах и обычаях, а также законодательными установлениями тогдашнего Хана и владельцев, а также приняв в основание грамоты, дарованные калмыкам. На это ходатайство последовало донесение пристава князя Тундутова, что калмыки-шабинеры никогда ни от каких повинностей не освобождались.

Администрация в лице управляющего губернией принял решение, что данная категория населения должна представить законные основания освобождения их от платежа владельческого албана. В 1845 году дело еще разрешено не было, калмыки продолжали платить калмыцкому управле-

[1] НА РК. Ф.И-3. Оп.1. Д.331. Л.112

нию, но требований своих не оставили. Однако дело так и не было решено в их пользу. Было принято решение, что все шабинеры, независимо от владельческой принадлежности, должны наравне в другими простолюдинами платить денежные и исполнять натуральные повинности. Те из них, которые были приписаны к хуралам (монастырям) с этого времени переходили под непосредственное управление светских властей[1]. Таким образом, правовое положение этой категории населения в первой половине XIX века претерпело значительные изменения.

Особую группу составляли ясыри (рабы). Но их количество было незначительным. В основном они составлялись из пленников, но наследственного статуса не имели. Во всяком случае в источниках мы не находим упоминания об этом. Другим, но незначительным источником рабства было продажа за долги. Но так как рабский труд в хозяйстве калмыков использовался крайне редко, то рабы-калмыки обычно продавались на невольничьих персидских и бухарских рынках[2]. Рабы-пленники, как правило, служили товаром, использовались для получения выкупа или обмена на своих пленных.

Таким образом, социальная структура калмыцкого общества XIX в. представляла собой сложную организацию. Несмотря на то, что фактически оно делилось на два основных сословия: привилегированное и зависимое, внутреннее расслоение их было достаточно сложным. Российская администрация, которой калмыки подчинялись еще с XVII в. поддерживало такое деление, практически не вмешиваясь во внутреннюю жизнь калмыцкого народа. Императорские указы регулировали социальные отношения в Калмыкии незначительно, в основном подтверждая привилегированное положение нойонов и зайсангов, которое было зафиксировано намного раньше, нормами обычного права калмыков.

---

[1] НА РК. Ф.И-3. Оп.1. Д.331. Л.Л. 7, 7об, 8, 8об, 33, 33об, 100 – 114об.
[2] Очерки истории Калмыцкой АССР. С.177-178

Таким образом, в первой половине XIX века у кочевников социальные отношения имели специфические особенности. Они были связаны с кочевым образом жизни. Общественные отношения между знатью и простолюдинами, регулируемые нормами обычного права, были завуалированы родовыми и религиозными пережитками.

Как уже указывалось выше, социальная стратификация кочевников была также тесно связана с их военным прошлым. Особенно ярко это проявлялось у калмыков, где представители родовой знати происходили из родов военных вождей ойратов, предков калмыков. Правовыми нормами четко разграничивалось юридическое положение каждого из сословий. В частности, это были нормы о повышенной уголовной ответственности за убийство представителя правящего сословия, а также нормы, регулирующие брачно-семейные отношения.

Российское правительство укрепило сословную иерархию кочевых обществ законодательным путем. Таким образом, в начале рассматриваемого периода правовое положение сословий и социальных групп кочевых народов степного Предкавказья проявлялось еще достаточно четко. Российские власти не вмешивались во внутреннюю жизнь народов. Императорские указы регулировали социальные отношения кочевников незначительно, в основном подтверждая привилегированное положение верхушки, которое было зафиксировано намного раньше, нормами обычного права.

Вплоть до 1892 года зависимое население платило определенные подати нойонам и зайсангам.

С 1892 г. калмыки полностью освободились «от обязательного отношения к их привилегированному сословию». Все особые права нойонов и зайсангов были отменены, и калмыкам-простолюдинам предоставлены права свободных сельских обывателей. Денежные сборы в пользу нойонов и зайсангов также были отменены, а взамен их каждая калмыцкая кибитка

обложена податью по 6 руб. в год в пользу казны. Управление калмыками всецело сосредоточено в руках улусных попечителей и их помощников, а родовым общинам предоставлено управляться, взамен зайсангов, чрез особых выборных из народа, на правах волостных старшин.

§ 3. Формирование и развитие элементов государственности у калмыков в пореформенный период

Окончание Кавказской войны и проведение буржуазных преобразований в России оказали значительное влияние на организацию жизни у кочевых народов Предкавказья. Политика русских властей по привлечению кочевников к оседлости изменила их образ жизни. Перестройка хозяйства повлекла за собой изменение административного управления. Руководство земледельческим населением отличалось от управления кочевыми народами. Если в первой половине XIX века русские власти сохраняли статус и компетенцию местных органов самоуправления у кочевников, то в пореформенный период власть общественных структур у них значительно ограничивалась, фактически сохранялось только их название. Компетенция органов самоуправления у кочевников приравнивалась к полномочиям структур управления крестьянами.

Но не только изменения хозяйственного уклада у калмыков, ногайцев и туркмен повлекло перестройку их административных структур, но и реформы 60-х годов не могли не отразиться на преобразованиях в этой области российской политики. Ногайцы, калмыки и туркмены были причислены к сельским обывателям. В связи с подобным статусом произошла перестройка и органов управления ими.

Следует отметить, что русские власти сохранили традиционные управленческие структуры у калмыков на уровне их обществ. Подобна политика была связана с учетом национальных, религиозных особенностей этих народов. Определенную роль в их управлении продолжало играть духовенство. Но несмотря на сохранение некоторых общественных структур у кочевых народов, ведущая роль в решении важных вопросов принадлежала русской администрации. С 1867 года инородцы Ставропольской губернии находились в управлении Министерства государственных иму-

ществ, так же как и крестьянское население. В руководстве ими русская администрация основывалась на вышеуказанном «Уставе управления внутренними инородцами» вышедшем в 1827 году. Но этот документ был составлен с тем учетом, что кочевники начнут вести земледельческое хозяйство. В полной мере удалось реализовать этот закон только в пореформенный период, когда начал совершаться массовый переход кочевников к оседлому образу жизни.

По-прежнему главным административным лицом оставался главный пристав кочующих народов. В пореформенный период «Главному Приставу присвоено право устанавливать правила о порядке составления калмыцким народом общественных и аульных приговоров, внесения их в особые книги, утверждения приговоров или признания их незаконными, если они не внесены в установленную Главным Приставом книгу»[1].

На местах управление кочевниками находилось в компетенции частных приставов. На них было возложено несение административных и полицейских функций. Но вообще компетенция и полномочия главного и частных приставов по закону в пореформенный период практически не изменились. Они были обязаны следить за состоянием жизни степных обществ, заботиться об их благосостоянии, собирать сведения об их жизни. Вмешательство во внутренние дела ногайцев, калмыков и туркмен происходило редко, лишь в исключительных случаях. Права и обязанности светской и духовной властей четко разграничивались. Приставы не имели права вмешиваться в дела «до веры и совести касающиеся».

Таким образом, калмыков, так же как и ногайцев и туркмен, приспосабливали к российской системе управления. Однако если у ногайцев и туркмен произошли незначительные административные изменения, то у калмыков управление претерпело коренную перестройку. Прежде всего она была связана с разграничением управления Ставропольской и Астра-

[1] Воробьев В.В. Астраханские калмыки. М. 1803. С.49

ханской губерниями. Большедербетовский улус в 1869 году был переведен в управление Ставропольской губернией. Источник свидетельствует, что «всю Калмыцкую степь в Ставропольской губернии в новых ее пределах кочующими по оной калмыками Большедербетовского отдельной части Малодербетовского улусов, с их управлениями, а равно и учреждением в пределах сей степи станиц из государственных крестьян, передать из ведомства Астраханского губернского начальства в ведение Ставропольского губернского начальства»[1].

Таким образом. Большедербетовский улус и часть Малодербетовского передавались в управление ставропольского начальства. Право выбора места жительства оставалось за калмыками. Они стали подчиняться «Приставу Магометанских народов, кочующих в Ставропольской губернии, под наблюдением тамошнего Гражданского Губернатора, согласно последовавшему 21 октября 1859 года Высочайшему повелению и затем, сему Главному Приставу именоваться впредь Главным Приставом кочующих народов Ставропольской губернии»[2]. Таким образом, калмыки передавались в общее управление с ногайцами и туркменами. Помимо административной перестройки преобразованиям подвергалась и калмыцкая судебная система – калмыцкий суд Зарго.

Полномочия Зарго значительно ограничивались. Тек, некогда значительны орган не только судебной, но и административной власти у калмыков превратился в одну из низших ступеней российской судебной системы. Согласно Циркуляру Наместника Кавказа «О введении в действие судебных Уставов в Ставропольской губернии», Зарго «сохраняет отныне лишь круг действий сельской расправы на основаниях, изложенных в Высочай-

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.1. Л.24
[2] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.1. Л.24

ше утвержденном Положении 19 февраля 1861 года»[1]. Но об этом более подробно будет сказано далее.

С 1892 года все калмыцкое население стало облагаться налогом в пользу государства. Его размер по сравнению с прежними сборами значительно уменьшился. Новый налог вводился в размере 6 руб. с кибитки[2]. Таким образом, за единицу обложения налогом была оставлена, как и ранее кибитка. В этом заключалась разница между общероссийской системой налогообложения и фискальной политикой у калмыков, где налог брался не с имущества, а с семьи.

Источники свидетельствуют, что в случае неуплаты указанного налога калмыком-простолюдином он мог быть отдан «в работы до выручки всей суммы»[3]. Властями был также поднят вопрос о побудительных мерах по отношению к привилегированному сословию с целью уплаты ими денежного налога. Было установлено, что в случае неуплаты ими положенных сумм, они могли быть привлечены к суду.

Калмыцкое население наделялось и особыми правами. Прежде всего следует отметить право на улусные и аймачные сходы «для совещаний по делам общественной надобности и для выбора в общественные должности»[4].

Улусный сход собирали в каждом улусе один раз в три года с разрешения главного пристава кочующих народов или попечителя калмыцкого народа. В него входили следующие лица: улусные попечители и их помощники, все аймачные старшины и хотонные старосты, а также депутаты от хотонов калмыков-простолюдинов, т.е. один выборный от 20 кибиток. Вопросы, рассматриваемые на улусном сходе, были следующего характе-

---

[1] ПСЗРИ. 2-е собр. Т.43. отд.1. № 45655
[2] Очерки истории Калмыцкой АССР. М.1967. С.307
[3] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.469. Л.285
[4] Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. С.34. Извлечение из Положения об инородцах 1982 г.

ра: выбор должностных лиц; составление общественного приговора на сбор податей; вопросы, касающиеся всего общества[1].

Следует отметить, что деятельность улусного схода проходила под контролем местных властей. Общественные приговоры передавались улусному начальству. Сроки сбора аймачного схода определялись верхушкой калмыцкого народа. Компетенция аймачного схода с компетенцией улусного схода, но только в пределах аймака, хотя в рассматриваемых аймачным сходом вопросах были и отличия. Он также занимался назначением опекунов сиротам, составлением приговоров «о бурной и развратной жизни» калмыков. Следует отметить, что не все лица могли участвовать в аймачных сходах и тем более избираться на должности, а только те, которые достигли возраста 25 лет, имели собственное хозяйство, не состояли под судом или следствием[2].

Как уже было указано выше, законодательством того времени калмыки были приравнены к сельским обывателям. Согласно нормативным актам того времени, в частности Положения об инородцах от 16 марта 1892 г. административные преобразования в калмыцком обществе не закончились.

23 декабря 1902 года калмыки были переданы из ведения министерства государственных имуществ в управление министерства внутренних дел. В калмыцкую степь Астраханской и Ставропольской губерний был послан специальный чиновник, обследовавший в том числе и систему административного управления калмыцким народом. Результатом командировки явился вывод о том, что астраханские калмыки по-прежнему остались кочевниками, а их ставропольские соплеменники обзавелись земле-

---

[1] Бембеев В.Ш., Шовунов К.П., Эрдниев У.Э., Бурчинова Л.С. История Калмыкии с древнейших времен до XX века. Элиста. 1987. С.147

[2] Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. С.36

дельческим хозяйством[1]. Вследствие этого организация управления астраханскими калмыками должна была отличаться от организации управления ставропольскими калмыками. Все это вызывало определенное недовольство властей, так как осуществление задачи, заключавшейся в приближении калмыков к статусу сельских обывателей, проходила медленными темпами.

Так как астраханские калмыки в своем большинстве продолжали оставаться кочевниками, 10 июня 1900 года было издано распоряжение правительства о замене у них кибиточной подати сбором с принадлежавшего им скота. У ставропольских калмыков система налогообложения не изменилась «на том основании, что у них не общих кочевок, как у Астраханских калмыков, а каждому отдельному роду отведен надел в определенном количестве десятин на душу»[2].

Натуральные повинности у астраханских и ставропольских калмыков были схожи. Они заключались в следующем: подводная повинность, согласно которой калмыки были обязаны обеспечить разъезд чиновников, полицейских стражников и провоза и арестантов; в отводе помещений для должностных лиц; в наряде рабочих для починки дорог и для лесоразведения и т.д.

Ногайцы и туркмены находились в более выгодном положении, так как по сравнению с калмыками никаких натуральных повинностей не несли.

Административные преобразования у астраханских калмыков были проведены только в 1910 году. Они изменили старокалмыцкие родовые деления на аймаки и хотоны, использовав эти старые названия, укрупнили аймачную и хотонную единицу применительно к русским волостям и се-

---

[1] Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань. 1898. С.140-141

[2] Цитирую по: Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья. С.211-212

лам[1]. Таким образом, в результате этих преобразований административное устройство астраханских калмыков стало схоже с организацией управления их ставропольских соплеменников. Аймаки стали формироваться по территориальному признаку, без учета прежнего деления[2], чем был нанесен удар по пережиткам родового строя. Здесь же следует отметить, что русское правительство лишило калмыцкую знать и такой привилегии, как избрание на выборные должности.

Как видно из всего вышеизложенного, русское правительство в своей деятельности уделяло наибольшее внимание административному устройству калмыцкого народа. Исключительное отношение к калмыкам хорошо раскрывает Т.И. Беликов в своей монографии «Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины», где указывает: «В военной истории России XVII-XVIII и первой четверти XIX в. калмыцкому народу среди малых национальностей принадлежит одно из первых мест по участию его в борьбе за честь и независимость нашей Родины»[3]. Так как калмыки сыграли большую роль в военной истории России, правительство в течение длительного времени искало оптимальную модель для управления этим народом.

Итак, в пореформенный период, не изменяя в корне организационное управление кочевыми народами, власти постепенно осуществляли политику создания единой централизованной власти с внедрением в нее всех отдаленных регионов империи. Несмотря на то, что, на уровне местного управления у кочевых народов были сохранены собственные органы самоуправления, русские власти имели огромное влияние на их решения. С течением времени старые родовые институты кочевников были трансформи-

---

[1] Очиров Н. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань. 1925. С.27

[2] Эрдниев У.Э. Калмыки (конец XIX – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. Элиста. 1970. С.46

[3] Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.) Калмгосиздат. 1965. С.166

рованы для большего удобства управления ими. И уже к концу рассматриваемого периода русское влияние на коренные народы значительно расширилось. Калмыкия стала одним из основных регионов России.

§ 4. Эволюция судебной системы

Своя система судоустройства и судопроизводства сложилась в Калмыкии в конце XVII – первой половине XVIII в., и была известна под наименованием «зарго». Следует отметить, что монголо-ойратские законы 1640 г. совершенно не упоминают ни о зарго, ни о его членах (заргучи), из чего исследователями делается вывод, что в то время этот институт не был известен ни в Монголии, ни в Джунгарии, ни в Калмыкии[1]. Однако законы калмыцкого правителя Дондук-Даши, появившиеся примерно через 100 лет после съезда 1640 г., говорят о зарго и заргучи вполне определенно и неоднократно[2].

Источники начала XVIII века упоминают, что калмыцкий хан управлял своим государством при помощи Зарго. В это время это учреждение имело двоякое значение: ханского совета, с одной стороны, и высшей судебной инстанции – с другой. В.М. Бакунин отмечал по этому поводу: «Зарго на их языке, а на нашем языке суд, бывает всегда при дворе ханском, и присутствуют с особливой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по двое, на которых верность хан надежду имеет, а всех по их древнему обыкновению больше 8 человек не бывает… От этой зарги зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются указы ханские и калмыцким владельцам о публичных делах, и черные приносятся хану для апробации и потом переписываются набело и припечатываются ханской печатью, которая хранится у первейшего и вернейшего его зайсанга»[3].

---

[1] Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С.132

[2] Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб. 1880. С.4, 29

[3] Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа.// Красный архив. 1939. № 3. С.79; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М. 1964. С.421

Сообщение Бакунина подтверждается и Палласом, который, однако, дополнил его важным указанием о том, что подобные учреждения существовали не только при хане, но и в каждом улусе при их правителях «для отправления правосудия между своими подданными», и что они также назывались Зарго[1]. В своей судебной деятельности Зарго руководствовались законами 1640 г. и обычным правом. Все решения этого суда приобретали законную силу лишь после их утверждения ханом.

Но такое положение сохранялось только до 12 августа 1762 года, когда вступило в действие положение о Зарго, разработанное русскими властями. По новому положению суд Зарго составлялся из нойонов, представлявших все калмыцкие улусы, а не только один ханский. Состав Зарго отныне подлежал утверждению русским правительством. Все дела в нем теперь должны были решаться по большинству голосов, причем хан, в случае своего несогласия, уже не мог единолично своей властью отменить вынесенное постановление, а должен был просить у царского правительства разрешения на его отмену или изменение[2]. Был создан общенародный калмыцкий суд[3], который, однако, просуществовал недолго. Как известно, в 1771 году большая часть калмыков покинули территорию их постоянного кочевания и ушли в Джунгарию. После этого Калмыцкое ханство было упразднено. Зарго хоть и продолжало существовать, но находилось под постоянным контролем приставов. Как известно, институт приставов в России был введен в 1782 году в соответствии с губернской реформой; главная их обязанность заключалась в обеспечении охраны порядка, исполнения законов. Поэтому основная задача Главного пристава и частных приставов по улусам состояла в осуществлении надзора, в охране порядка, участии в судебных разбирательствах[4]. Все это вызывало недовольство в

---

[1] Паллас П. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб. 1776. С.300
[2] Очерки истории Калмыцкой АССР. М. 1967. С.181-182
[3] ПСЗРИ. Т. XVI. № 12198
[4] Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. 1995. С. 40-41

среде калмыков, особенно предложения Главного пристава Н.И. Страхова о ликвидации должности наместника и реорганизации Зарго.

В сложившейся обстановке в управлении Калмыкии Александр I по предложению Коллегии иностранных дел подписал 26 октября 1803 года именной указ «О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго астраханскому военному губернатору»[1]. В Указе отмечалось, что «для... большей удобности к прекращению частых их распрей, повелеваем, чтобы Главный пристав, при них находящийся и Суд их, именуемый Зарго, оставались по прежнему в ведомстве Государственной Коллегии Иностранных дел, были подчинены, поблизости их кочевья, астраханскому военному губернатору».

В июле 1807 года последовало предписание главнокомандующего графа Гудовича о правах суда Зарго разбирать только тяжбы калмыков, а грабеж, воровство, убийство рассматривать в присутственных местах по российским законам. В Предписании, в частности, было указано, что «калмыцкий суд Зарго по претензиям на калмык разбирать должен только тяжбы. За воровство, грабительство и смертные убийства калмыки мнению моему должны судиться по общим Российским законам и подлежащих присутственных местах, ибо дела таковые не есть уже тяжебные»[2].

Сами калмыки неоднозначно восприняли изменения, внесенные российской администрацией в их традиционную судебную систему. Так, в 1817 году члены калмыцкого суда Зарго вышли с прошением восстановить прежние права суда Зарго с повелением находиться при нем безотлучно во все времена года, определенному к ним от иностранной коллегии главному приставу; также размежевать пожалованные им земли для спокойного владения по занятию их в скотоводстве[3]. Комиссия прошений, куда обратились члены Зарго, в силу важности содержания прошения, приняла реше-

[1] ПСЗРИ. Т.XXVII. № 21011.
[2] НА РК. Ф.1. Оп.1. Д.79. Л.1
[3] НА РК. Ф.И-1. Оп.1. Д.159. Л.3

ние доложить его Императорскому Величеству, внести его в Комитет министров[1]. В следующем прошении члены суда Зарго указывали, что «посторонние заведования по делам калмыцкого народа не только причиняют ему крайнее разорение, но и произвели в оном большое разбродство, ибо не только не дают оному свободу чинить судопроизводство по нашим законам, правам и преимуществам, дарованным Вашим императорским величеством, но сверх того не давая знать ничего оному суду делают свои распоряжения...»[2]. В связи с этим просьба членов суда Зарго заключалась в том, чтобы представитель ведомства Государственной Коллегии иностранных дел, главный пристав находился при суде Зарго, имел всегда пребывание в центре калмыцких улусов безотлучно зимой и летом, «как для скорого решения дела в суде Зарго, так и для содействия оному в защите калмыцкого народа от разорений, причиняемых нам жителями окружных губерний и донскими казаками. Но дабы могло быть все сие исполнено по силе высочайших грамот, дарованных нашему народу, и чтобы дела наши могли иметь законное течение, Суд Зарго просит учредить начальником одного из владельцев с согласия калмыцкого народа»[3].

Дело рассматривалось в течение двух лет. Вначале, в 1818 году Комиссия потребовала к рассмотрению следующие вопросы:

1.Какие именно права и преимущества высочайше дарованы калмыцкому народу?

2.Были ли в последствии времени в тех правах каковые либо изменения? То есть ли были, то по распоряжениям ли одного или же по предписаниям высшего начальства? Что было тому причиной, в настоящее время какими они пользуются преимуществами, правилами и выводами в сравнении с прежними?

---

[1] НА РК. Ф.И-1. Оп.1. Д.159. Л.3 об.
[2] НА РК. Ф.И-1. Оп.1. Д.159. Л.7
[3] НА РК. Ф.И-1. Оп.1. Д.159. Л.9, 9об.

3.Так как просители пишут, что причиною преждевременной смерти наместника их Чучея Тайши были зависть, клевета и доносы, то и нужно знать: были ли по канцелярии калмыцкого стаха по сему предмету? От чего они возникли? Где и кем производились и рассматривались?

4.Когда именно подчинен Коллегией главный калмыцкий пристав главнокомандующему в Грузии и собственное ли то распоряжение Коллегии?

5.Может ли Главный пристав безотлучно находиться при Зарго, какие от того могут быть существенные пользы для калмыцкого народа? Как напротив того, не производятся ли и неудобства по части сношений его главного пристава с мирным начальством, присутственными лицами и обозначением других владельцев сего кочующего народа?

6.Видно ли по делам канцелярии калмыцкого стаха, чтобы какие либо судебные Российские места, захватывая калмыков, морили их в тюрьмах и казематах, не давая даже и знать калмыцкому начальству о таком захвате? Если таковые случаи были, то в каких именно судебных местах, от самовластия ли то присутствующих происходило или по необходимости, чтобы калмык, совершивший преступление, не мог скрыться в дальних кочевьях, и было ли даваемо знать или главному приставу или частным калмыцким приставам. И что со стороны сих последних, как защитников сего народа к охранению их невинности было предпринимаемо и, наконец, чем оканчивались дела сего рода?

7.Может ли быть прямая польза для калмыка, если кроме существующего в сем народе начальства избрать еще начальником одного из владельцев, подобно бывшему начальнику Чучею?[1].

Дело окончательно разрешилось в 1819 году, когда в Азиатский Департамент министерства иностранных дел пошел Рапорт, в соответствии с которым было принято решение, «что преобразование суда Зарго, а равно

[1] НА РК. Ф.И-1. Оп.1. Д.159. Л.16, 17, 17об.

всего калмыцкого штата необходимо, что он касается постановления наместника, то вместо оного в предупреждении могущих быть в неудовольствии, полезнее учредить из владельца председателя, избираемого на срочные годы для соблюдения порядка по суду Зарго»[1]. Таким образом, изменения, внесенные российской администрацией в функционирование суда Зарго, остались прежними. Единственно, на что пошли российские власти, так это на то, чтобы суд возглавлялся одним из владельцев. Хотя принципиального значения для функционирования этого судебного органа это уже не имело. Судебная система калмыков постепенно входила в российское правовое пространство.

По распоряжению главного пристава Смолена с 1818 г. в суде Зарго стали рассматриваться только гражданские дела по искам не более 25 рублей, а в 1821 г. по указанию управляющего Кавказским краем А.П. Ермолова и по основанному на нем распоряжению астраханского губернатора к компетенции Зарго были отнесены дела по искам не более 5 рублей[2].

С 1825 году на суд Зарго были возложены и функции окружного органа управления. Состав суда существенно не изменился. В его состав входили восемь человек (два от духовенства, шесть от владельцев и зайсангов), которые избирались в улусах сроком на три года и утверждались Комиссией. Содействие работе Зарго оказывал один из специальных прикрепленных помощников Главного пристава[3]. Зарго рассматривал гражданские дела на сумму не свыше 400 рублей. В основном это были преступления, связанные с кражей скота, чужого имущества, отлучками и самовольными переходами от одного владельца к другому. Кроме центрального суда Зарго, в соответствии со ст.40 Правил 1825 г., решения маловажных дел возлагалось на улусное управление, в «каждой Орде полагаемое».

---

[1] НА РК. Ф.И-1. Оп.1. Д.159. Л.83 об.
[2] Цитирую по: Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии... С.17
[3] Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. 1995. С. 44

Правилами 1825 года все суды были разделены на гражданский и духовный, разбиравший дела, касавшиеся религии, духовных лиц, семейные. Зарго выступал по отношению к улусным судам как высшая апелляционная инстанция и принимал к рассмотрению иски на сумму свыше 200 рублей, по спорам по имениям, управлению аймаками и др.[1]

В этом же документе впервые определялись виды уголовных преступлений в Калмыкии: измена; неповиновение властям; возмущение, побег за границу со злым намерением; убийство; грабеж, изготовление фальшивых денег; воровство свыше трех раз. Как видно, вышеперечисленные виды преступлений отличались от традиционных, присущих калмыцкому праву. Однако отмечалось, что уголовные дела судом Зарго не рассматриваются. Согласно § 36 Правил 1825 года «Виновные в сих преступлениях Калмыки судятся в Российских Присутственных местах, по общим Государственным установлениям»[2]. В этом заключается эволюция правовой системы калмыков, которая в начале XIX века подверглась трансформации под влиянием русского законодательства. В дальнейшем это положение нашло свое отражение еще в одном документе, касающимся управления калмыками.

«Положение об управлении калмыцким народом», принятое Государственным Советом и утвержденное 24 ноября 1834 года императором Николаем I, как уже было указано выше, существенно изменило правовой статус Калмыкии. Отныне она становилась самостоятельной областью, подчиненной Министерству Внутренних дел, а на месте – его уполномоченному (астраханскому военному губернатору).

Высшим судебным органов в Калмыкии, по Положению 1834 года, являлся Суд Зарго, рассматривающий гражданские, уголовные, а также и семейные дела. Суд Зарго руководствовался при рассмотрении уголовных

---

[1] ПСЗРИ. Т. 40. № 30290.
[2] Там же.

дел российскими законами, а гражданских – древними калмыцкими законами («Великим Уложением» 1640 года, законами (токтолами) Дондук-Даши, обычным правом). Судопроизводство осуществлялось на русском языке, при необходимости с обязательным переводом на калмыцкий язык.

Улусные суды относились к судебным органам первой инстанции, которые рассматривали дела по предписаниям Совета калмыцкого управления, Суда Зарго, улусного попечителя, а также по просьбе частных лиц.

Улусные суды, составляющие в Калмыцком управлении первую ступень суда и расправы, принимали к рассмотрению и производству следующие категории дел: уголовные, следственные, судебно-полицейские, дела по опеке и тяжбы между калмыками разных улусов, и с посторонними лицами.

Составлялись они в каждом улусе под председательством нойона-владельца или Правителя улуса, с званием Улусного судьи, из улусного попечителя, его помощника и двух заседателей – зайсангов. Заседатели улусных судов из почетнейших зайсангов избирались на три года зайсангами того улуса, под руководством нойона - владельца, или Правителя и при содействии Попечителя и утверждались в званиях астраханским военным губернатором.

В соответствии с главой 4 – «О Суде Зарго» Положения об управлении Калмыцким народом от 28 декабря 1835 года[1], на его рассмотрение поступали: 1) уголовные дела, подведомственные Астраханскому Калмыцкому управлению; 2) тяжбы между калмыками или с посторонними людьми; 3) «дела между Калмыками по несогласию родителей с детьми и о неповиновении детей родителям»; 4) жалобы калмыков на неправильное производство дел в улусных судах.

Решения, принимаемые по уголовным делам, представлялись на утверждение военному губернатору, который утверждал постановления

[1] ПСЗРИ. II отд. Т.X, прибавл. к т. IX. № 7560а

суда Зарго. В случае если тяжущиеся стороны не были довольны решением суда, то они могли подать жалобу в Сенат. Сами уголовные дела могли рассматриваться Зарго только в тех случаях, если они были направлены на ревизию из улусных судов или были предложены суду от военного губернатора. Кроме того, суд Зарго рассматривал тяжебные дела, решением которых в улусных судах тяжущиеся стороны были недовольны.

В соответствии с § 100 суд Зарго при рассмотрении уголовных дел должен был руководствоваться российским законодательством; при решении вопросов гражданского судопроизводства – «древними Калмыцкими постановлениями», а в случае недостатка их также законами Российской империи. Таким образом, традиционное судопроизводство все больше и больше подчинялось общероссийскому законодательству.

Положение 1847 г. внесло некоторые изменения в организацию управления Калмыкии. Улусным судебным органом продолжал являться Зарго, рассматривающий гражданские, семейные, уголовные дела, вопросы опекунства, имущественных споров (если между калмыками, то они решались по калмыцким законам или нормам обычного права). Улусный Зарго состоял из председателя (нойон-владелец или правитель), двух членов (старший назначался попечителем, младший – помощником попечителя), двух заседателей, избираемых из зайсангов улусным сходом на 3 года[1].

Однако, новое положение подробно регламентировало процесс судопроизводства улусного Зарго, впервые введя такие понятия, как отдача на поруки, принесение истцом и ответчиком присяги, текст которой составлялся ламой и утверждался министром государственных имуществ, обязательное присутствие свидетелей и т.д. Имущественные споры, сумма которых превышала 30 рублей, а также уголовные дела, выходящие за пределы полномочий Зарго, передавались в вышестоящий судебный орган – астраханскую палату уголовного и гражданского суда.

---

[1] Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. 1995. С. 55-56

При определении денежных взысканий с калмыков в пользу истца и по другим случаям статья 169 Положения установила, что в опись продажи имущества не должны были включаться жизненно необходимые вещи (кибитка, одежда, семейные припасы продовольствия на 4 месяца, скот, если у ответчика было не более одного верблюда, двух лошадей, трех коров и десяти овец), в случае отсутствия имущества виновный отдавался на заработки сроком на полгода для уплаты долга[1].

По мере распространения российского законодательства на калмыков, они подвергались напрасной с их собственной точки зрения ответственности. Многие из них попадали в тюрьмы за такие преступления, «которые по древнему народному уставу, составленному сообразно с обычаями калмыков, не навлекали бы на них такую меру наказания или наказывались бы немедленно без всякой канцелярской волокиты»[2].

О том, что в конце рассматриваемого периода дела калмыков рассматривались в общих судебных установлениях, свидетельствуют многочисленные архивные документы. Так было рассмотрено дело об определении опекунства над аймаком и имуществом умерших зайсангов Эрдениевского улуса Цоросова рода[3], Дело о производстве дознания о вооруженном нападении калмыков владелицы Бакбуш на хотоны дербетовского нойона Эрдени Тайши Тундутова и на экспедицию главного пристава калмыцкого народа А.В. Коханова, выехавшего в Дурбетовский улус для расследования[4] и другие.

Несоответствие российского законодательства с традиционными установками калмыков хорошо прослеживается в материалах еще одного судебного дела, описанного известным исследователем Ф.А. Бюллером. В

---

[1] НА РК. Ф.И-19. Оп.1. Д.288. Л.1
[2] Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб. 1870. С.19
[3] НА РК. Ф.И-9. Оп.1. Д.92
[4] НА РК. Ф.1. Оп.1. Д.195

1837 г. в Зарго рассматривалось дело об управлении аймаком Гурбун-Зур, оставшимся после смерти зайсанга Церен-Убуши Мазанова, и поданном прошении в связи с этим его жены Амгулунг о назначении ей содержания из доходов аймака до совершеннолетия ее младшего сына Цедена. Зарго отклонило прошение, мотивируя это тем, что Цеден прижит ею незаконно.

В 1843 г. Цеден, по-видимому, по достижении уже совершеннолетия, обратился в Совет калмыцкого управления с объяснением, что мать его Амгулунг была замужем за старшим сыном зайсанга Ончика - Мукою, после смерти которого вышла замуж за его младшего брата Джиргала по обычаю существующего у калмыков левирата, а потом за дядю Джиргала – Мирзу, от которого родился Церен-Убуши, а он, Цеден, родился от четвертого брака Амгулунг с зайсангом Тюгюджи - племянником Мирзы. Проситель писал, «что второй, третий и четвертый браки были заключаемы без духовного обряда, лишь с согласия родственников, и что родившийся от третьего брака Церен-Убуши был признан законным зайсангом и управлял аймаком. Далее Цеден добавил, «что так делалось на основании обычаев калмыков и правил веры, которыми дозволяется меньшим братьям брать в замужество снох своих, и что такие браки не требуют участия гелюнгов, а лишь достаточно согласия родственников». По этому вопросу управление обратилось с запросом к двум нойонам и правителям улусов, на что последние ответили, что калмыки при первоначальном только бракосочетании совершают обряд через духовных лиц. Оставшиеся после смерти мужа вдовы «переходят к родственникам мужского пола или даже к посторонним без соблюдения духовного обряда, но дети, рожденные от сих браков, пользуются всеми правами законного происхождения и наследуют имение». Ламайское духовное правление также нашло отзывы нойонов и правителей, «сообразными с правилами ламайского исповедания, обычаями и

обрядами калмыков»[1]. Следовательно Цеден в прошении совершенно правильно мотивировал свое право на наследство, подкрепив просьбу ссылками на существующие обычаи и обряды калмыков, а его прошение поддержали нойоны, правители улусов и духовенство, подтвердив факт наличия подобных обычаев у калмыков. Но Зарго, даже не приступив к рассмотрению дела, посоветовало Цедену обратиться в Сенат. Этот пример наглядно показывает, как изменившиеся условия стали вразрез с существующими у калмыков обычаями и соответственно с обычным правом. Дело в дальнейшем было решено в Сенате, суд Зарго от его рассмотрения окончательно отказался.

Все это свидетельствует о том, что традиционные судебные учреждения калмыков в XIX веке постепенно сходили на нет, став низовой ступенью российской судебной системы. Что лишний раз свидетельствует о том, что к концу рассматриваемого нами периода Калмыкия окончательно стала составной частью Российской империи и ее правовой системы.

---

[1] Бюллер Ф. Инородцы Астраханской области.// «Отечественные записки». 1846. № 8. С.24-25

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЛМЫЦКОГО ПРАВА В XVII-XIX вв.

§ 1. Источники калмыцкого права. «Цааджин-Бичик» - кодекс феодального права калмыков.

Калмыцкое обычное право, имевшее приоритетное значение до середины XVII века, как и первые писаные источники права народов древнего и средневекового периодов истории человечества, являлось исходным пунктом последующего правового развития калмыцкого народа. Обычное право калмыков как народа, хозяйственной базой которого являлось кочевое и полукочевое скотоводство, имело много оригинальных и отличительных особенностей от писаного права оседлых народов Европы и других континентов начального периода их исторического развития. Эти особенности заключались в том, что все основные правовые институты были связаны со скотоводством. У калмыков выкупы, штрафы исчислялись количеством и качеством скота, обязательства заключались, прежде всего, по поводу отношений, связанных со скотоводческим хозяйством. Заключение брака сопровождалось уплатой калыма в виде определенного количества и качества скота и т.д.

Тем не менее, как и в первых источниках писаного права оседлых районов, в обычном праве калмыков реализуется идея давно назревшей необходимости четкого правового нормирования всего многообразия общественных отношений – идея укрепления общественного порядка и законности.

Одним из основных правовых регуляторов у калмыков с 1640 года стал «Цааджин-Бичик» - древний монголо-калмыцкий ойратский устав взысканий. Его источниками, в первую очередь, стали обычаи калмыцкого народа. Кроме того, источниками устава было Монгольское Уложение.

Третьим источником считаются постановления калмыцких князей. Исследователи относят к источникам калмыцкого права и Ясу Чингисхана.

По описаниям монгольских летописцев, монголы, до прихода к власти Чингисхана, руководствовались до начала XIII века лишь обычаями, сохранявшимися в народных преданиях. Эти племенные обычаи в эпоху образования ханства Чингисхана, сплотившего монгольские племена в одно политическое целое, появляются письменно в виде общеплеменного устава монголов, приписываемого Чингисхану. Подлинный устав не дошел до нашего времени – сохранились лишь отдельные фрагменты, в виде извлечений и отрывков, вместе с общими указаниями на историю составления самого устава. Самым значительным сборником Устава являются материалы, представленные И. Березиным[1]. Приведем некоторые фрагменты этого устава – Великой Ясы:

1.Прелюбодей предается смерти, без всякого различия, будет ли он женат или нет.

2.Кто повинен в содоме, тот также наказывается смертью.

3.Кто лжет с намерением, или занимается волхвованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступает между двух спорящих и помогает одному против другого, также придается смерти.

7.Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит тому, у кого он был в руках, подвергается смерти.

9.Если кто-нибудь, в битве или отступая, обронит свой вьюк или что-нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее: если он не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предается смерти.

18.Он предписывал своим преемникам лично делать осмотр войску и вооружению, перед выступлением на битву, представлять им все, с чем воин совершает походы и осматривать все до иголки и до нитки, и если у ко-

[1] Березин И. Очерк внутреннего устройства Джучиева улуса. СПб. 1863. С.22-39

го-нибудь из воинов недоставало нужной ему вещи, они должны были наказать его.

19.Он предписывал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучились на битву.

27.Он предписывал солдат наказывать за небрежность, - охотников, упустивших зверя в облаве, подвергать наказанию палками, иногда и смертной казни.

28.От убийства (за преступление) можно было откупаться пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (балыш), а за китайца рассчитывались одним ослом.

29.Тот, у кого найдется украденная лошадь обязать возвратить ее хозяину с прибавкою девяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было и детей, то зарезать самого как барана.

30.Чингисова Яса запрещает ложь, воровство, прелюбодеяние, предписывает любить ближнего, как самого себя, не причинять обид и забывать их совершенно, щадить страны и города, покоряющиеся добровольно, освобождать от всякого налога и уважать храмы, посвященные Богу, а равно и служителей его.

33.Дети, прижитые от наложницы, считаются законными и получают по распоряжению отца, соответственную долю наследства. Раздел имущества основывается на таком положении, что старший получает больше младших; меньшой же сын наследует хозяйство отца. Старшинство детей рассматривается соответственно степени их матери; из числа жен одна всегда старшая преимущественно по времени брака.[1]

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С.190-195

Судя по этим фрагментам и сравнивая их с обычно-правовыми нормами калмыков, кодексом «Цааджин-Бичик» - можно сделать вывод о том, что Великая Яса Чингисхана явилась одним из источников калмыцкого права, видоизменявшегося в течение довольно длительного времени.

В общем характере и направлении первичных уставов, нормировавших внешние междоусобные отношения между разрозненными монгольскими племенами, они явились средством сплочения этнических групп в единое целое[1]. В этом плане Великая Яса явилась не только законодательной деятельностью хана, а, скорее, одним из факторов укрепления нового монгольского государства, чьими потомками являются калмыки (ойраты).

С другой стороны, следует отметить, что Великая Яса и «Цааджин-Бичик» представляют собой совершенно самостоятельные уставы, на что было обращено внимание еще П. Палласом[2]. Однако «Цааджин-Бичик» не был партикулярным уставом какого-нибудь монгольского племени, а принадлежал к числу таких же племенных (ойратских) уставов монголов, как и Чингисова Яса начала XIII века или Устав 1640 г.

Все это лишний раз свидетельствует о том, что оба правовых памятника преследовали задачи объединения, союза монгольских племен. По всей вероятности, «Цааджин-Бичик» и появился в XVII веке как внешняя форма политического компромисса, легшего в основу ойратства зюнгарских племен, вступавших в новый, более широкий политический союз.

Как видно из вышесказанного, Великая Яса Чингисхана хотя и явилась одним из источников калмыцкого права, но ее значение в этом плане нельзя преувеличивать, хотя бы потому, что нормы Великой Ясы намного жестче регламентируют все отношения в обществе, чем последующие законодательные акты калмыцкого государства.

---

[1] Игумнов. Обозрение Монголии.// Сибирский вестник. 1819. Т.5. С.47-50
[2] Паллас П. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб. 1776. С.277

Существовало еще ряд источников, на характеристике которых следует остановиться более подробно.

Ярлыки. Ярлык, по общему понятию, означал по древнему монгольскому праву то же самое, что в России московской эпохи понималось под именем царского указа. Под ярлыком понимали, во-первых, всякое ханское повеление или указ. Во-вторых, ярлыком назывался такой ханский акт или закон, который подлежал обнародованию, то есть издавался для народа в целом или для отдельных лиц. По способу и характеру обнародования ярлыки разделялись на «объявления» и «наряды»[1]. Под объявлением понимался словесно обнародованный указ (например, о сборе войска в виду предпринимавшегося военного похода и т.п.). «Наряд» означал ханский закон или распоряжение, изложенное в письменном виде, в виде грамоты, личного указа хана и пр.[2]

Ярлыки приобретали силу закона лишь при соблюдении некоторых условий. К нему обыкновенно привешивалась, вместо ханской подписи или печати, родовая тамга; кроме того, ханский указ, издававшийся для народа и подлежащий обнародованию и немедленному исполнению, всегда сопровождался выдачей лицу, которому поручалось объявление указа на месте, другого акта, известного под наименованием приказа, подкреплявшего действительную силу ярлыка[3].

По своему содержанию ярлыки разделялись на несколько видов. Таковы были указы в собственном смысле, издававшиеся в качестве предписаний по различным делам и вопросам, с развитием и дополнением Устава 1640 г. Ярлыки издавались также в виде временных или постоянных административных распоряжений, например, о снаряжении войска, о переписи, сборе дани и т.д. Еще одной разновидностью ярлыков были тарханные

---

[1] Известия Сибирского отдела. 1875. Т.5. № 3. С.89

[2] Паллас П. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб. 1776. С.369-370

[3] Буддизм. Т.1. СПб.1879. С.108-109

грамоты, которые давались отдельным лицам на звание тархана и на другие льготы, на занятие определенных должностей и т.п.[1]. Тарханные грамоты упоминаются в Уставе 1640 года. Так, к примеру, ст.14 «Цааджин-Бичик» гласила: «Кто во время боя оборонит владельца от рук неприятельских и того пожаловать тарханом (называются те, которые такожде и наследники их освобождаются от всех податей и по утверждению того от владельцев своих имеют привилегии). А кто при таком случае владельца оставит, и того разорить и умертвить; ктоже от неприятеля оборонит кого из зайсангов или других чинов, и тому учинить награждение противу того, что с того обороненного, ежели оный сбежал с бою, надлежало было взять штраф»[2].

Дефтерь. Другим источником калмыцкого права служили ханские акты – «дефтерь». Этот акт противопоставлялся ярлыку, то есть акту законодательному, издававшемуся для народа путем объявления его для общего сведения и исполнения. Дефтерь отличался от ярлыка тем, что не подлежал законодательной публикации, а причислялся к актам внутренней администрации ханов. Скорее всего, это были памятники административной практики, по преимуществу финансовой и служебной.

Пайзэ. Особенное значение имели так называемые пайзэ – приказы или значки. Памятники этого рода упоминаются с древнейших времен, когда у монгольских племен еще не было письменности. По внешней форме они имели вид дощечек (металлических или деревянных), с вырезанными на них знаками и письменами. Значение пайзэ было различным. Они давались монгольскими ханами служилым лицам в знак их чиновничьего достоинства (тысячникам – золотые знаки, сотникам – серебряные и т.п.)[3]. Ес-

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С.208-209

[2] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С.75

[3] Березин И. Очерк внутреннего устройства Джучиева улуса. СПб. 1863. С.61, 79, 105

ли ярлыки служили подкреплением законной силы ханских указов о немедленном исполнении ярлыка – наряда или объявления, то пайзэ выдавались посланцам и другим лицам в значении подорожных на право пользования почтовой гоньбой[1]. В источниках описывается примерная формула этого знака: «неба силою, Мункэ хана имя свято да будет! Кто не уважит – погибнет, умрет»[2]. По заключению И. Попова, минусинское позолоченное серебряное пайзэ было дано Мункэ-ханом (1251-1259) лицу, отправленному в Минусинский край с объявлением от имени хана о каком-либо его поведении (переписи, податях, наборе войска и т.п.)[3].

Буддийское право. Но наиболее важным источником монголо-ойратского устава 1640 года было каноническое (буддийское) право. Как уже указывалось выше, жесткость Великой Ясы была практически неизвестна ойратскому уставу XVII века: он почти не знал смертной казни – наиболее распространенного наказания по Великой Ясе, угрожавшего даже за маловажные проступки. Вообще нормы Устава 1640 г. более гуманны. С другой стороны, вместо бывшего у монголов веротерпения, признанного Чингисханом, устав XVII века значительно в этом плане противоположен.

Так, к примеру, ст.139 «Цааджин-Бичик» гласит: «Ежели кто из волхвов мужского или женского пола приведет кого к себе, а посторонний человек это увидит, и оной с волхва и с другого того, кем тот волхв будет признан, должен взять по одной лошади; а буде не возьмет, и за то с него самого лошадь же взять тому, кто на него о том докажет».

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С.211
[2] Березин И. Очерк внутреннего устройства Джучиева улуса. СПб. 1863. С.108
[3] Известия Сибирского отдела географического общества. 1875. Т.5. № 3. С.88-90

Аналогично звучит норма ст.140 Устава: «Кто найдет в чьей кибитке куклу, сделанную и почитаемую яко бурхана, и тому оною взять без платы, а если хозяин не отдаст, и за то взять с него лошадь»[1].

Все это было результатом влияния новых религиозных воззрений монголов со времени признания ими ламайского буддизма господствующей религией с конца XVI века. Исследователями отмечается, что само издание ойратского устава 1640 г. было вызвано в числе других причин также потребностью приспособить общественный быт монголов к догмам и требованиям новой религии. Отсюда вытекает необходимость при изучении устава XVII века брать во внимание каноническое право буддистов вообще и последователей тибетского ламаизма в особенности.

Кроме того, как уже указывалось выше, до 1640 года в общественной сфере монголо-язычных народов правовые отношения регулировались многочисленными правовыми обычаями и некоторыми писаными уголовными законами, совокупность которых также вошла в Цааджин-Бичик, т.е. устав взысканий[2]. Эти выводы подтверждают и данные дореволюционных исследователей. Так, П. Паллас отмечал, что у калмыков и монголов в древние времена совместной их кочевой жизни на зюнгарских равнинах и плоскогорьях существовали не только устные народные обычаи, но и действовал особый уголовный устав, известный под титулом Цааджин-Бичик[3]. В свою очередь Я. Гурлянд писал: «...у ойратов до 1640 года существовали законы, самостоятельно выработавшиеся от Ясы Чингис-хана и основанные на обычном праве»[4].

---

[1] Статьи Устава 1640 года взяты из приложения к книге ф.И. Леонтовича: Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С.131

[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. Историко-правовые очерки. Элиста. 1998. С.15

[3] Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1-5. СПб. 1773. С.88

[4] Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань. 1904. С.52-53

Квалифицированное научное изучение проблемы обычного права калмыков предпринял уже указанный нами Ф.И. Леонтович, один из видных представителей историко-юридической школы. Основываясь на достижениях последней, он попытался вскрыть взаимосвязь, существующую между народными обычаями и обычным правом. В качестве примера ученый охарактеризовал правовой сознание монгольских народов следующим образом: «правовые обычаи и законы их являлись» в виде заповедей, переходивших «в народное сознание, как веления племенных вождей – родовых глав и жрецов.., освящавших своим авторитетом, силу и действие тех обычных норм, которые вырабатывались путем самой жизни народа... у них между обычаем и законом собственно не могло быть большой разницы, так как тот и другой квалифицировались одними и теми же началами... родового быта – началами, которые по замечанию исследователей быта калмыков, лежат доселе в основе всего их общественного устройства»[1]. Все это дает основание полагать, что в основе возникновения законов Чингисхана, калмыцкого закона лежит племенное обычное право, и что это «древнее кодифицированное обычное право монгольского племени, вошедшее в течение многих веков в плоть и кровь отдельных кочевых народцев, и орд, рядом с правовыми обычаями, жившими в народе в виде стародавних местных верований и преданий»[2]. Таким путем исследователь пришел к мысли о том, что обычное право калмыков связано с обычаями народа, с его семейно-религиозным и традиционным кочевым бытом, который был «строго консервативен» и последующими поколениями воспринимался «как неприкосновенная святыня»[3]. Таким образом, обычное право также являлось одним из источником калмыцкого права и отличалось достаточной консервативностью. Это положение ярко доказано и со-

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. С.16
[2] Там же. С.17-18
[3] Там же. С.18

временным отечественным исследователем Е.А. Команджаевым[1], отметившим достаточно широкое распространение обычно-правовых норм как в повседневной жизни калмыцкого народа, так и его роль как источника права калмыков в период функционирования Калмыцкого ханства.

В описаниях, посвященных Калмыкии, часть российских исследователей обращало внимание на то, что российские органы административного управления и суда в своей практической деятельности рассматривали дела, которые, будучи в представлении калмыков обычаями, не подлежали официальному разбирательству и должны были разрешаться по нормам обычного права. Так, Ф.А. Бюллер, проанализировав деятельность Зарго после ликвидации Калмыцкого ханства, писал, что этот суд уже не руководствовался «древними калмыцкими постановлениями», а ссылался на «древние калмыцкие обычаи», на основании которых решались важные тяжебные дела. Он пришел к выводу, что «древние обычаи утвердились на обветшалых развалинах письменных законов чжунгарского ойратства» и что понятие обычай (йосун) для калмыков имеет следующие значения: платить подати, делать приношения духовенству, вести кочевой образ жизни[2], то есть обозначает все, что связано с образом жизни народа и его традициями.

Мнение Бюллера относительно предпочтения, отдаваемого Зарго народным обычаям, разделяли главные попечители Н.И. Страхов и К.И. Костенков. По мнению Страхова судьи обращались к ним как самым «сильнейшим местам» «древних калмыцких постановлений». Поэтому им был сделан вывод о том, что у калмыков «йосун» столь же сильное слово, как у

---

[1] Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII-XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ставрополь. 2000. С.18-19

[2] Бюллер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы.// «Отечественные записки». Т.48. СПб.1846. С.13-14

пифагорцев бывало «сам сказал», а у поляков – «не позволим»[1]. Страхов был недалек от другого не менее важного вывода: «древние калмыцкие постановления» вобрали в себя ранее утвердившиеся в народе обычаи, которые приобрели силу закона.

Однако наиболее ярко калмыцкое право проявило себя во всей совокупности в монголо-ойратской уставе 1640 года.

Мотивы издания устава 1640 г. и характер его содержания в целом исследованы Ф. Бюллером, который в своем обширном исследовании о калмыках писал: «Поводом к составлению этого уложения были, как само содержание показывает, намерение утвердить на прочном основании ослабевший тогда политический союз ойратства (и прибавим от себя – утвердить начинавшийся, но не успевший упрочиться союз целого монгольства), сознание настоятельной потребности действовать заодно как в деле нападения, так и в случае собственной обороны, необходимость оградить частные имущества, приобретенные военной добычей, водворить безопасность в улусах и постановить взыскания за всякое преступление, его нарушающее»[2].

Анализируя сущность всех правовых институтов, входящих в устав, можно отметить, что их содержание квалифицируется основными началами, присущими патриархально-родовой жизни народов кочевого типа. Ярко прослеживаются принципы родовой иерархии и подчинения. В нем хорошо отслеживаются институты родового строя: коллективная ответственность рода и племени за правонарушение, совершенное одним из его членов; практически не претерпели трансформацию основные институты семейного права; судебного права: поклеп и институт обвинителей, гонение следа и свод.

---

[1] Страхов Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа. СПб. 1810. С.59-60
[2] Бюллер Ф. Калмыки.// «Отечественные записки». 1846. № 11.С.7

Военно-демократическое устройство калмыцких племен нашли также свое отражение в Цааджин-Бичике. Это – правила о военной добыче, охоте, кочевании.

Законодателем калмыцкого народа считается Батор-хан-Тайша – калмыцкий хан XVII столетия. Именно он составил для калмыков особое "Уложение", в которое вошли все постановления местного обычного права. На созванном им в своей резиденции съезде монгольских, ойратских и калмыцких князей в 1640 году был составлен особый сборник законов, который и действовал некоторое время у разных монгольских племен, в том числе у калмыков на Волге. Этот законодательный памятник, составленный в 1640 году, назван "Степным уложением" («Цааджин-Бичик») и предназначен для руководства по всем делам военным, гражданским и уголовным; он вполне изображает нравы, обычаи, образ мыслей, жизнь и степень образованности калмыков и обнимает все случаи кочевой жизни этого народа. Русский перевод этого уложения, сделанный по не совсем точному немецкому переводу Палласа, напечатан в "Северном архиве" (1828 год, № 2 и 3). Дополненные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондок-Даши («Токтолы»), отразили своеобразную правовую культуру калмыцкого народа.

Степное Уложение установило, кроме регламентации уголовно-правовых отношений, также сношения по торговым делам с русским правительством, но со смертью Батор-хан-Тайши эти сношения скоро прекратились. Таким образом, принятый на съезде 1640 года монголо-ойратский устав отразил в большинстве своих норм традиционные отношения, существовавшие в калмыцком обществе. Возникнув на этой основе, он в течение двух столетий не претерпевал особых изменений и даже в середине XIX века продолжал действовать в среде калмыцкого народа.

Сами калмыки понимали, что новые реалии общественной жизни уже не отвечали требованиям устава 1640 года. Как отмечал один из исследователей права инородцев Российской империи Ф.И. Леонтович в 1879 году, калмыцкий устав представляет поучительную историческую окаменелость, навсегда застывшую в тех первичных формах, какие он принял при первом возникновении, из которых за тем ни на минуту не выходил в течение всей последующей жизни[1]. В связи с этим были предприняты попытки привести калмыцкие законы в соответствие с изменившимися условиями и потребностями общественной жизни. К. Костенков отмечал по этому поводу, что «калмыки, не зная русских законов и обычаев, нередко подвергаются напрасной ответственности и многие из них содержатся в тюрьмах за такие преступления, которые, по древнему народному уставу, составленному сообразно с обычаями калмыков, не навлекали бы на них такую меру наказания, или наказывались бы немедленно, без всякой канцелярской волокиты»[2]. Именно поэтому наместник калмыцкого народа Чучей Тундутов испрашивал еще в 1800 году высочайшего изволения на пересмотр и исправление калмыцкого устава, вместе с приведением его «в согласность с потребностями народа». Однако на тот момент дело ограничилось тем, что в 1802 году исправление калмыцких законов было поручено Коллегии иностранных дел. Коллегия поручила бывшему тогда Главному приставу Страхову достать точный перевод устава 1640 г. На этом дело закончилось и никаких изменений в калмыцком праве сделано не было.

Вновь вопрос о пересмотре калмыцкого права возник в 1821 году, когда Коллегия иностранных дел передало список с «древних калмыцких постановлений» главному приставу Калмыцкого и Туркменского народов, «для удостоверения, точно ли в нем содержатся законы, коими издревле

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. С.30

[2] Костенков К. Сведения о калмыках. СПб. 1868. С.19

калмыки руководствовались, и вместе с тем, с той целью, чтобы уложение это приставом и судом Зарго, при первейших владельцах и Ламах, было исправлено и потом внесено в Министерство»[1]. В дальнейшем, по инициативе русского правительства в 1822 году калмыцкие владельцы вместе с духовенством собрались на общий съезд в селении Зинзили и в присутствии главного пристава составили «Зинзилинские постановления»[2] 1822 г., что явилось бы важной мерой для дальнейшей кодификации калмыцкого права, если бы она была осуществлена. Однако они не получили законодательного оформления. Однако важны для исследователя в плане изучения права калмыков, и его трансформации в течение XVII-XIX вв.

Как известно, 11 марта 1825 года были изданы «Правила для управления калмыцкого народа»[3], в которых были установлены в соответствии с местными порядками и обычаями правила административного устройства и управления калмыками. Но вопрос об издании общего уложения, в котором были бы зафиксированы нормы калмыцкого народа, так и остался открытым. В Правилах 1825 года была только одна оговорка, которая заключалась в следующем: «Все дела духовного и гражданского суда производятся и решаются по древнему калмыцкому уложению, обычаям и обрядам. На сей конец законы сии, обычаи и обряды калмыцкие, быв приведены в известность, рассмотрены высшим начальством и утверждены, будут напечатаны на их языке с переводом, и объявлены для всеобщего между сими инородцами сведения»[4].

Данная задача кодификации калмыцкого права была поручена учрежденной в 1825 году Комиссии калмыцких дел, которая и составила свод древнего устава 1640 года с постановлениями зинзилинского съезда 1822 г. Из него были исключены потерявшие свою силу статьи старого устава, в

---

[1] Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т.XVIII. С.66
[2] Костенков К. Сведения о калмыках. С.31, 49
[3] ПСЗРИ. Т.XL. № 30290
[4] ПСЗРИ. Т.XL. № 30290. §§ 57, 58

частности, статьи, регламентирующие ответственность по военным и уголовным делам, так как по ним калмыки, как и другие подданные Российской империи попадали под юрисдикцию российского законодательства.

На этом основании в 1827 году был составлен проект нового калмыцкого уложения, но опять же законодательного оформления он не получил, а интересен только как источник для изучения трансформации калмыцкого права.

24 ноября 1844 года и 23 апреля 1847 года были изданы Положения об управлении калмыцким народом. Однако вопрос об исправлении и издании калмыцкого устава был оставлен на прежнем положении, т.е. без изменений. В ст. 1555, 1557 и 1570 Свода законов 1857 г. было установлено, что «дела тяжебные между калмыками о имуществе разбирают и решают по древним калмыцким постановлениям, руководствуясь, при недостатке их, законами русскими». Г. Костенков, бывший в то время главным попечителем калмыцкого народа, указывал по этому поводу, что хотя Положением 1847 г., «предоставлено улусным Зарго разбирать тяжебные дела между калмыками об имуществе по древним калмыцким постановлениям, но в настоящее время эти постановления не только не применяются к делу, но даже едва ли известны народу: тщетно разыскивался по улусам, с научной целью, в течение нескольких лет, этот источник калмыцкой мудрости, о котором некогда так хлопотали калмыки»[1].

Что касается дальнейшей судьбы ойратских законов XVII века у других народов и племен, то их эволюция была различна. Повторяясь, следует отметить, что внешней формулой политического компромисса, легшего в основу ойратства, стал ойратский «Устав взысканий», составленный в 1640 году на съезде племенных вождей 44 монгольских и ойратских родов и поколений. Действие ойратского устава на первоначальных территориальных границах продолжалось лишь в течение второй половины XVII века. С

[1] Костенков Г. Сведения о калмыках. С.27-28

конца столетия ойратский устав имел различную судьбу у монголов, кочевавших в восточной Монголии и Зюнгарии и в конце XVIII века окончательно попавших под иго китайцев; и у других племен – сибирских бурят, алтайских калмыков и калмыков юго-восточных (астраханских) степей. Нами было выше рассмотрено значение «Цааджин-Бичик» для калмыков юго-восточных степей.

Что касается среднеазиатских монголов, то, как известно, вследствие внутренних раздоров среди их многочисленных племен и этнических групп, ойратский политический союз постепенно развалился на составные части, после чего подчинились Китаю. После этого судьба ойратского устава претерпела существенные изменения: постепенно нормы, зафиксированные в нем, сошли на нет, а монголы стали подчиняться общекитайским законам и постановлениям.

У сибирских монголов и бурят действие норм «Цааджин-Бичик» было более длительным. Это было связано с тем, что со второй половины XVII века они вошли в состав русских ясачных инородцев, но не переставали жить по своим старым племенным уставам и обычаям[1]. В отличие от астраханских калмыков, где в течение двух столетий ойратский устав не претерпел особенных изменений, у бурят с начала XVIII века началось приспособление старого общеплеменного устава монголов к новым потребностям и условиям жизни. Как отмечали современники, в 1808 году ойратский устав был дополнен бурятскими тайшами и родоначальниками новыми статьями, которые регулировали вопросы уголовно-правовых отношений и судопроизводства[2].

Последующие опыты кодификации бурятского обычного права в 20-х годах XIX века, подчиняются общей системе разработки так называемого «свода степных законов» всех кочевых инородцев восточной Сибири, в со-

---

[1] Раев Г. Буряты.// Вестник Русского географического общества. 1858. Ч.24. Т.2. С.1-3

[2] А.Р. О законах некоторых Сибирских инородцев // Сибирский Вестник. 1823. Т.1. С.7; Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. 1823. С.149-151

ответствии с общими предписаниями, изложенными в 1822 году (под руководством М.М. Сперанского) «Уставе об управлении сибирских инородцев», в котором были поставлены задачи кодификации обычного права инородцев и их постепенного приобщения к общеимперскому законодательству и праву. Но это уже тема отдельного исследования.

Таким образом, кодекс 1640 года, законодательные акты калмыцких ханов к началу XIX века уже не соответствовали новым общественно-экономическим условиям и потребностям. Однако, несмотря на ряд предложений по их пересмотру, продолжали действовать, хотя и в неполной мере. Но законодательного оформления новые отношения так и не получили, чему способствовала, в том числе, патриархальность и стабильность общественных отношений калмыцкого народа.

§ 2. Гражданское и семейное право

Семейное право. Заключение брака. В Калмыкии условия и порядок заключения брака регулировались монголо-ойратским сборником законов Цааджин-Бичик 1640 года и нормами обычного права.

Условиями заключения брака были: достижение невестой брачного возраста – 14 лет и уплата брачного выкупа, размер которого за невесту зависел от положения жениха и невесты в иерархической лестнице калмыцкого общества. Так, выкуп между лицами, стоящими не верхней ступени калмыцкого общества, заключался в тридцати ценных вещах, сто пятьдесят голов табуна и четырехсот овец. Выкуп между людьми среднего сословия составлял 3 верблюда, 15 голов крупного скота и двадцати овец[1]. Размер приданого также был строго определен. В него входили верблюд, лошадь, четыре «сшитых и десять несшитых вещей»[2]. Однако следует отметить, что в среде калмыков-простолюдинов фиксированного выкупа за невесту не было. В зависимости от достатка семьи жениха значительную ценность могли иметь подарки, которые преподносились семьей жениха невесте и некоторым ее близким[3].

Браку предшествовал сговор, в случае нарушения которого наступала имущественная ответственность. Так, если родители свою сговоренную дочь отдавали за другого, то они должны были уплатить внушительный штраф: до пяти девятков (45) верблюдов. В случае если свадьба затягивалась по вине жениха, его родителей, а невесте уже исполнилось двадцать лет, то родители невесты должны были трижды предупредить об этом сторону жениха, после чего могли отдать дочь за другого соискателя ее руки.

---

[1] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб. 1834. С.256
[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. С.173
[3] Жуковская Н.Л. Калмыки. М. 1994. С.180-181

Несоблюдение указанных требований процедуры аннулирования состоявшегося сговора влекло изъятие выкупа, полученного отцом за дочь при выдаче ее замуж[1]. Если «сговоренная девица» без согласия родителей выйдет замуж за другого, то «второй жених» подвергался тройному штрафу, который взыскивался в пользу отца девушки. Кроме того, по свидетельству Н. Нефедьева, бывший жених должен был получить от счастливого соперника вознаграждение за понесенные им во время сватовства расходы[2].

Важное значение имело и приданое, размер которого определялся еще во время сговора. В случае если невеста умирала до свадьбы, то жених имел право на половину приданого, если после свадьбы, то приданое оставалось у мужа[3].

Сама свадьба проходила по нормам буддизма. Процедуру проводил ламаистский священник в присутствии свидетелей[4]. После чего начиналась сама свадьба, обычно длящаяся несколько дней. Однако здесь же следует отметить, что при совершении браков ламаистское духовенство участвовало в ритуале только в богатых, состоятельных семьях. Как отмечал исследователь калмыцкого народа Я.П. Дуброва, «у бедняков же брак есть чисто гражданский акт, основанный на словесном договоре между родителями брачующихся, по обычному праву всегда сопровождающийся гомерическим пьянством, в котором и заключается вся суть формального брачного обряда»[5].

Следует отметить, что калмыки, строго придерживающиеся норм ламаистской религии, не признавали многоженства. Особенно это касалось степных калмыков, у которых никогда не было больше одной жены. Однако источниками отмечается, что у кочующих ближе к Волге калмыков

---

[1] Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб. 1880. С.44
[2] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. С.198
[3] Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста. 1985. С.185
[4] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. С.174-175
[5] Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста. 1998. С.53

иногда наблюдалось положение, когда мужья имели по две и даже по нескольку жен[1]. Однако такое положение было крайне редко. Случаи многоженства бывали еще и тогда, когда первая жена была бесплодной. Тогда муж с ее согласия мог взять вторую жену, причем первая оставалась старшей в семье, покровительственно относясь ко второй, которая находилась в ее подчинении.

По обычаям калмыков, если за женщину, выходившую замуж в первый раз, уплачивался определенный выкуп, то за вдову выплата калыма не требовалась. Однако, как отмечал Я.П. Дуброва, вдовы редко выходили замуж второй раз[2], на них могли жениться только бедняки, которые не могли собрать требуемый калым для уплаты за невесту. Поэтому положение вдов, особенно молодых, нельзя было назвать завидным.

Таким образом, у калмыков основными условиями заключения брака были достижение брачного возраста невесты; согласие родителей жениха и невесты на заключение брака, уплата брачного выкупа, предоставление приданого за невестой. Препятствия к заключению брака монголо-ойратскими законами и нормами обычного права определены не были. Но как показывают источники, браки не могли быть заключены между лицами различных сословий.

Расторжение брака. Памятники калмыцкого права, детализируя порядок заключения брака, вместе с тем крайне скупо освещают условия расторжения брака. Только в «Цааджин-Бичик» имеется норма, которая предоставляла право родственникам жены, покинутой мужем, выкупить ее, заплатив девяток с ценного (вещью): за (жену) человека среднего сословия – пять скотин и за жену человека низкого сословия – лошадь и верблюда[3]. Однако случаи, когда родственники «покинутой мужем жены» могли ее выкупить, нормами «Цааджин-Бичик» не регламентировались. Скорее все-

[1] Кочующие народы.// Народы России. СПб. 1880. С.479
[2] Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста. 1998. С.54
[3] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. 1852. С.82-83

го, здесь имеется в виду вдова, не имевшая сыновей, которая, согласно нормам обычного права калмыков, «отсылается по древнему калмыцкому закону к ее родственникам»[1]. Как указывают современные исследователи, подобный обычай был связан, по-видимому, с правовым регулированием вопросов наследования, согласно которому вдова исключалась из числа наследников[2].

С другой стороны, согласно другой норме «Цааджин-Бичик» к категории «покинутой мужем жены» относилась женщина, чей муж, оставив ее, с другой замужней женщиной скрывался «туда, где ее не видно»[3]. В этих случаях муж, чья жена убежала с другим, имел право взять себе оставленную жену своего обидчика. Если он отказывался от этого права, то только тогда ее братья могли, уплатив выкуп, взять ее к себе. При отсутствии у родных братьев имущества для уплаты выкупа его могли внести «аймачные братья», то есть ближайшие родственники братьев; выкуп составлял в таком случае один девяток[4].

Исследователи того периода, в частности, П.С. Паллас, Н. Нефедьев и П. Небольсин в своих работах отмечали, что факты расторжения брака среди калмыков имели место. В соответствии с их данными, право требования о расторжении брака формально предоставлялось обоим супругам. Но практические формы его реализации были не равнозначны, что было обусловлено положением женщины в семейном укладе калмыков.

Так, муж мог расторгнуть брак по собственному желанию или капризу. Он не был обязан подчинять свое требование о разводе суду родственников[5]. Для расторжения брака по инициативе жены требовали более вес-

---

[1] Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин. 1931. С.263
[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. С.176
[3] Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб. 1880. С.56
[4] Там же. С. 59; Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. С.176-177
[5] Кочующие народы.// Народы России. СПб. 1880. С.479

кие причины, в частности, отсутствие детей от брака. В этом случае вопрос о разводе решался на совете близких родственников. При удовлетворении требования жены она с уважительными церемониями возвращалась в хотон родителей со всем имуществом, привезенным в качестве приданого. Если брак расторгался по инициативе мужа, то он наделял жену имуществом по своему усмотрению[1]. Исследователями отмечается существование и других обычаев, когда жену, провинившуюся перед мужем «в нарушении брачных своих обязанностей, везли в хотон к отцу-матери на паршивой кобыле с отрезанным хвостом»[2].

Вопросы расторжения брака разрешались, в основном, гелюнгами (священнослужителями). Предварительно принимались меры к примирению супругов, а если они не давали положительного результата, то гелюнги исполняли соответствующие ритуальные обряды. Но такие случаи были крайне редки. Н.Нефедьев писал по этому поводу, что «случаи сии не столь часты и что порядочные калмыки никогда не обольщаются возможностью переменить жен своих. Что касается жен, то несмотря ни на особенные в семейной жизни их страдания трудно найти примеры, чтобы жена добровольно оставила своего мужа, хотя самого безнравственного»[3].

Наследственное право. Наследственное право также имело свою специфику, регулируясь как нормами Устава 1640 г., так и нормами обычного права, причем последние играли большую роль, чем законодательные установления калмыцких ханов. Все это повлияло на специфику наследственных правоотношений у калмыков. К наследственной массе относились: улус, движимое имущество: скот, домашняя утварь, оружие, хлебные запасы.

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. С.175

[2] Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб. 1773. С.461

[3] Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб. 1834. С.199

Обычное право охраняло интересы только мужчин и только по прямой линии. Имущество же бездетных полностью поступало в пользу буддийских хурулов (монастырей). Однако существовали и некоторые исключения. Так, если умерший бездетный имел родственников, то они могли претендовать на его имущество. Особенно ярко это стало проявляться в конце XIX века, когда произошла определенная трансформация гражданско-правовых норм под влиянием российского законодательства и права и когда российскими властями некоторые права и привилегии буддийских монастырей были ограничены.

Так, в 1878 году рассматривалось дело об утверждении зайсангского сына Дамбилева над аймаком и имуществом умерших зайсангов Эрдениевского улуса Цоросова рода. Рассмотрим обстоятельства этого дела более подробно.

Согласно материалам дела, сын аймачного зайсанга Эрдениевского улуса, Батутова рода, Басанг Убуш Дамбилев, в поданном в Эрдениевский улусный Зарго 14 января 1875 года прошение объяснил, что его родной отец – аймачный зайсанг Эрдениевского улуса Батутова рода Дамбил Кюдюров 21 мая 1874 года умер, оставив после себя детей – двоих сыновей и одну дочь. При этом старшему сыну (просителю в данном деле) исполнилось 20 лет. Родной дядя покойного отца его Дамбил Кюдюров, аймачный зайсанг Эрдениевского улуса Цохорова рода Ширип Хохаев в 1865 году ходатайствовал о передаче отцу его дамбиле Кюдюрову, как усыновленному им в 1864 году, в полное управление своего аймака Цоросова рода, заключавшегося тогда в 51 кибитке, по случаю его преклонных лет, но прежде утверждения прав отца Дамбила Кюдюрова на тот аймак, дядя его Ширип Хохаев, будучи бездетным, умер. Вследствие чего, покойный отец его Дамбил 18 июля 1867 года, признавая себя прямым и единственным наследником к аймаку Цоросова рода, предъявил Эрдениевскому улусному Зарго свои права формальным порядком, о чем в улусном Зарго проводи-

лись дела и определения 2 июня 1869 года. 26 февраля 1872 года его отец был признан наследником на аймак Цоросова и к имению Хахаева, и дело было уже представлено в Астраханскую Судебную Палату, но между тем утверждение его отца аймачным зайсангом Цоросова рода воспрепятствовала смерть. Право наследования на аймак его отца Дамбил Кюдюрова, заключающиеся в 75 кибитках аймачных калмыков Бабутова рода на основании 112 статьи X т. Ч.1 сводного закона Гражданского кодекса 1851 года имеет он, Басанг Убущ Дамбиль, как старший сын к отыскиваемому же его отцом его аймаку Цоросова рода из-за смерти его деда Ширипа Хахаева безотказно право наследования. Из-за смерти отца принадлежат ему по силе 113 статьи того же толка в части, а потому заявляя права наследования на аймаки Эрдениевского улуса Бабутова и Цоросова родов, просит прописать распоряжение о признании и утверждении его к тем аймакам наследником.

Улусный Зарго по постановлению на 14 января 1875 года вызвал установленным порядком наследников, а 7 марта младшему члену Зарго было поручено произвести дознание о родопроисхождении предъявившего права Басанг Убуш Дамбилева. В соответствии с произведенным дознанием выяснилось, что зайсангский сын Басанг Убуш Дамбилев действительно является законным старшим сыном умершего зайсанга Бабутова и Цоросова родов, Дамбила Кюдюрова, после смерти которого осталось еще 2 младших сына. Также выяснилось, что зайсанг Цоросова рода Ширип Хохаев действительно 11 июня 1865 года в прошении в Харохусовский Зарго объяснил, что он будучи бездетным и по старости лет аймак свой передает в полное и наследственное распорядение усыфновленному им в 1864 году племяннику, зайсангу Бабутова рода Дамбил Кюдюрову и просит о вводе его Кюдюрова тем аймаком в управление. Но до решения суда бездетный Ширип Хохаев умер. После этого Дамбил Кюдюров, 18 июля 1867 года, исковым прошением, поданным в улусный Зарго заявил себя наследником,

к оставшемуся по смерти бездетного дяди своего Ширип Хохаева аймаку Цоросова рода. Улусный Зарго произвел дело о правах Кюдюрова на аймак Цоросова рода и Постановлением от 2 июля 1869 г. признал зайсанга Кюдюрова наследником аймака и имения, оставшихся после смерти Хохаева. Постановлением от 12 ноября 1873 года зайсанг Дамбил Кюдюров был введен во владение имуществ, оставшихся после смерти Хохаева и аймаком Цоросова рода. Но прежде утверждения его в должности аймачного зайсанга, 21 мая 1874 года умер.

Рассмотрев все обстоятельства этого дела, Зарго пришел к выводу, что в соответствии со ст.124 X т., ч.1 Басанг Убуш Дамбилев есть законный, родной и старший сын аймачного зайсанга Батутова и Цоросова родов Дамбил Кюдюрова, а, следовательно, прямой и единственный после него наследник и по справкам, наведенным в деле Улусного Управления и Зарго, оказалось, что Басанг Убуш Дамбилев имеет все качества, требуемые ст.47 Положения об управлении Калмыцким народом. В связи с этим Зарго было постановлено: сына аймачного зайсанга Харахусовского улуса Бабутова и Цоросова родов, Дамбил Кюдюрова Басанг Убуш Дамбилева за смертью отца признать и утвердить прямым и единственным наследником, как к аймаку Бабутова и Цоросова родов, состоящему из 32-х кибиток аймачных калмыков по переписи 1876 г., так и имуществу, которое окажется при снятии. И согласно ст.927 и 929 т.X ч.1, ввести его во владение как аймаком, так и имуществом, оставшимся по смерти его отца[1].

Однако если с наследованием имущества, оставшегося после смерти отца, было все принято безоговорочно, то с наследованием имущества, оставшимся после смерти Хохаева, дело обстояло не так просто. Коллизия заключалась в том, что в соответствии с нормами калмыцкого права, имущество бездетного мужчины поступало в собственность хуралов (монастырей). Но, как известно, русские управленческие структуры, которые в

[1] НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д. 92. Л. 31, 31об., 32, 32об., 35, 36, 36об.

рассматриваемый период проводили политику российского правительства, направленную на постепенное приобщение калмыков к общероссийскому законодательству и праву, крайне негативно относились к передачи собственности буддийским монастырям. Поэтому решение о наследовании имущества бездетного Хохаева Басанг Убуш Дамбилевым было принято вразрез с установленными обычаями калмыков.

Главное Управление Калмыцким народом Астраханской губернии, в рассмотрении которого находилось это постановление Зарго, нашло, что хотя произведенным дознанием подтвердилось, что Басанг Убуш есть действительно старший сын зайсанга Дамбил Кюдюрова и его прямой наследник на оставшийся после его смерти аймак Бабутова рода, но Улусный Зарго признал Дамбилева в правах на наследство и на аймак Цоросова рода и ввел его в управление оным, тогда как отец истца не был признан окончательно в правах наследства на этот аймак, в силу чего и сын не мог наследовать права на Цоросов аймак, а должен был доказать свои родственные отношения к бывшему владельцу Цоросова аймака, дающие ему право на тот аймак. Поэтому этот вопрос оставался спорным.

Главное Управление Калмыцким народом, находя правильным решение о наследовании имущества Убуш Дамбилевым после смерти его отца, однако, высказало сомнение в законности его прав на Цоросов род, принадлежащий умершему бездетному Ширипу Хохаеву. В определении Главного Управления Калмыцким народом было сказано, что «отец истца не был признан окончательно в правах наследства на аймак Цоросова рода, в силу чего и сын его, то есть истец Басанг Убуш не мог наследовать прав на Цоросов род, а должен был доказать родственные свои отношения к бывшему владельцу Цоросова аймака, дающие Басанг Убушиеву права на тот аймак. Так как Дамбилев в своем прошении в противность 673 и 683 ст. т.Х ч.2 не представил никаких актов и доказательств прав его на наследование аймаком после Хохаева, а также Улусный Зарго не истребовав по-

добных сведений, не сделал между тем определение о правах Дамбилева на аймак Цоросова рода, а потому Управление калмыцким народом, найдя означенное определение Улусного Зарго неправильным и не изъявляя на оное своего согласия, сообщил Улусному Зарго свое заключение, самое дело, возвратив в Харахусо-Эрдениевский Зарго, предписав оному в дальнейшем ход сего дела поступить согласно 696 и 706 ст. т.Х ч.2, а между тем потребовать от Зарго объяснения на каком основании он сделал распоряжение о вводе Дамбилева в управление аймаком»[1].

Точку в этом тянущемся годами деле поставила Астраханская Палата Уголовного и Гражданского Суда. Указом от 20 ноября 1878 г. Астраханская Палата Уголовного и Гражданского Суда, «соображая обстоятельства дела об утверждении зайсангского сына Басанг Убуш Дамбилева в правах наследства к аймаку Бабутова и Цоросова родов, оставшемуся после умершего отца его зайсанга Дамбил Кюдюрова нашла, что так как постановлением Улусного Зарго об утверждении Дамбил Кюдюрова в правах на аймак Цоросова рода Ширип Хохаева вошло в окончательную юридическую силу, что законность действительно рождения от Дамбил Кюдюрова сына его Убуш Дамбилева ничем не опровергается, то за силою 1121 и 1127 ст. т. Х ч.1 признание улусным Зарго Убуш Дамбилева наследником к аймаку Цоросова рода оказывается вполне правильным, равно следует признать таковым правильным распоряжение Зарго в отношении утверждении его Убуш Дамбилева наследником на аймак Бабутова рода. Хотя Управление Калмыцким народом и отрицает за ним это право на том основании, что есть и другие наследники к этому аймаку, который должен быть разделен между ними, но этот довод не может быть признан уважительным, так как прочие наследники Убуш Дамбилева не заявляли о своих правах, не домогались о разделе, и, что это право они могут восстановить, если пожелают установленным на то законным порядком, почему Палата с

[1] НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д. 92. Л. 90, 90об.

возвращением дела, признав постановление Улусного Зарго по этому делу правильным, утвердила это»[1]. Следствием Указа Астраханской Палаты Уголовного и Гражданского суда явилось постановление Харахусовского Улусного Зарго от 2 декабря 1878 г., в соответствии с которым Убуш Дамбилев вступил в права наследования не только имущества умершего отца, но и бездетного Ширипа Хохаева[2]. Таким образом, дело было решено в соответствии с нормами российского законодательства, хотя, справедливости ради следует отметить, что традиционные установки калмыцкого народа все же были учтены. Но не в полной мере. Это лишний раз свидетельствует о том, что к концу рассматриваемого периода традиционная правовая культура калмыков не играла значительной роли при рассмотрении ряда вопросов, в том числе наследования имущества. Сами калмыки с большим удовольствием обращались к нормам русского права, согласно которым они могли решить дело в свою пользу.

При рассмотрении данного дела о наследовании имущества характерно два момента. Первый заключается в том, что наследование после умершего отца осуществилось по нормам калмыцкого права, согласно которым право на наследство имел только один старший сын; другие от наследования отстранялись. На это было обращено внимание Главного Управления калмыцким народом. Но так как другие сыновья не подали прошение о введении их в право наследования (отдавая это право старшему брату – свидетельство о сохранении традиционного правосознания калмыков), то имущество умершего отца перешло только старшему сыну. С другой стороны, спор о наследовании имущества умершего бездетного Хохаева был решен в соответствии с нормами российского законодательства. Такая ситуация характерна для второй половины XIX века, когда в Калмыкии фактически сосуществовали два подхода к разрешению право-

[1] НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д. 92. Л. 105, 105об.
[2] НА РК. Ф.9. Оп. 1. Д. 92. Л. 97

вых коллизий: традиционная калмыцкая и российская, последняя из которых постепенно вытесняла калмыцкое право из обихода, формировала новую правовую ситуацию в Калмыкии, при которой приоритет постепенно стал отдаваться нормам российского права.

С наследованием тесно были связаны имущественно-правовые отношения между членами семьи. Исследователями того периода отмечалось, что все имущество конкретной семьи при жизни ее главы делится на столько частей, сколько есть в ней мужчин – как родных сыновей, так и приемных, без различия возраста и степеней родства. Жена и дочери не имели части в дележе имущества и имели право собственности только на то, что им было подарено главой семьи или же ее имущественно правоспособными членами, т.е. сыновьями. После же смерти того или иного члена семьи собственно принадлежащее ему имущество, если он бездетен, не поступало в раздел между оставшимися в живых родственникам, а отдавалось в монастырь на помин души умершего[1].

Вообще по нормам калмыцкого права наследование не имело особых условий. Наследство у них, как уже было сказано выше, осуществлялось по мужской линии. Оно переходило от отца к сыну (дочери, по калмыцким обычаям, не имели права на владение улусом или аймаком), а при отсутствии сыновей, к его родным братьям. Если не было родных братьев, то к родным племянникам, а при их отсутствии - к двоюродным братьям или их сыновьям.

При наследовании имущества ближайшие степени родства отстраняли дальние. А так как имущественно правовые отношения определялись, в первую очередь, наличием кровнородственных связей, то это обстоятельство и сказывалось в определении круга наследников. Наследование проходило по прямой линии, но при отсутствии прямых наследников на иму-

[1] Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста. 1998. С.54

щество могли претендовать все родственники. Однако, как уже было указано выше, эволюция калмыцкого права в XIX веке претерпела определенную эволюцию под влиянием российского законодательства. И часто дела рассматривались по нормам русского права, но с учетом обычного права калмыков, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы.

Так, в 1841 году в суде Зарго слушалось дело по предписанию Саку помощнику Попечителя Хошеутовского улуса об объявлении мелкопоместному владельцу Санжи Батырову и дяде его Чимбилю Джиргалову о праве на наследство 45 кибиток калмыков, оставшихся после смерти владельца Батыра Убуши[1]. Дело заключалось в том, по случаю смерти мелкопоместного владельца Хошеутовского улуса Убуш Джиргалова, Совет калмыцкого Управления испрашивал разрешения Астраханского военного губернатора о предоставлении оставшегося после Джиргалова владения, состоящего из 45 кибиток калмыков, его старшему сыну Батыру Убуши.

Военный губернатор признал за лучшее определить законность прав на это наследство по надлежащим рассмотрении его обстоятельства в суд Зарго, который обязал сделать следующее заключение: кому должны принадлежать подвластные, оставшиеся после умершего Убуши Джиргалова[2]. Для этого суд Зарго счел необходимым проверить родственные связи умершего владельца, в частности, не осталось ли после него еще сыновей и дочерей. Для чего была составлена родословная таблица, показывающая степень родства владельца Убуши Джиргалова. Приводим данные таблицы полностью.

«...значится родоначальником владения, о котором это дело рассматривалось, был хан Хонгур.

По смерти его владение переходило в порядке наследованном:

1) к сыну Хонгура Тайдже

---

[1] НА РК. Ф. И-3. Оп.1. Д.199
[2] НА РК. Ф. И-3. Оп.1. Д.199. Л. 2, 2об.

2) после Тайджи к сыну его, хонгура внуку Цаб

3) после Цаба к сыну его, Хонгура правнуку Цурюму

4) после Цурюма к сыну его, Хонгура праправнуку Джиргалу.

Джиргал Цурюмаов имел двух сыновей: Цебека и Убуш, дочь Ментен.

Из них у Цебека не было наследников, а дочь Джиргала, по калмыцким обычаям, не имела права на владение улусом или аймаком.

Таким образом, оставшееся после хана Хонгура владение, досталось Убуш Джиргалову. После смерти Убуши Джиргалова остались два сына: Батыр Убкш и Чембель и четыре дочери. Из них Батыр Убуши 12 октября 1840 г. умер, оставив после себя сына Санджи и трех дочерей, а брат его Чембель – жив»[1].

В связи с этим суд Зарго пришел к выводу, что часть калмыцкого Хошеутовского улуса, состоящая из 45 кибиток, после смерти родоначальника хана Хонгура, состояла во владении его наследника Убуши Джиргалова, после смерти которого осталось два сына – старший Батыр Убуши и младший Чембель. «Посему согласно с 3140 приложения к 3656 статье 2-го тома Свода учреждений Губернских, также со статьями 691,694, 700 Свода Законов Гражданских (том 10) означенные 45 кибиток оставить во владении Батыра Убуши, как и предполагал и Совет калмыцкого Управления. Но Батыр Убуши впоследствии умер, оставив после себя сына Санджи, то на основании вышеприведенных законов, владельцем помянутых 45 кибиток подлежит признавать Санджи Батырова, как имеющего после полное законное право по происхождению его от старшего наследника Батыра Убуши»[2].

Еще одно интересное дело, хранящее в Национальном архиве Республики Калмыкии – «Дело по ходатайству зайсанга Самтага, торгоутов-

---

[1] НА РК. Ф. И-3. Оп.1. Д.199. Л. 3, 3об.
[2] НА РК. Ф. И-3. Оп.1. Д.199. Л. 9

ского владельца Санжи Убуши о возврате ему аймака, отсуженном судом Зарго в пользу зайсангши Одже»[1].

Дело заключалось в том, что зайсангша Одже неправомерно завладела аймаком, который по нормам обычного права, должен был перейти в форме наследственной массы зайсангу Самтану. Доказательствами служили следующие обстоятельства: предки Самтана еще со времен Аюки хана по родовому колену управляли этим аймаком, только на кремя передав управление им постороннему лицу – зайсангу Шипета, но не в наследство, а на время. После возврата в управление отцу Самтану, он управлял им спокойно в течение 13 лет, с 1815 года. Однако потом на этот аймак стала претендовать зайсангша Одже. Суд Зарго, рассмотрев все обстоятельства дела, постановил следующее: «основываясь на данной справедливости, что после отца наследником бывает сын, который также может быть лишен аймака, как за преступление законом того требующие, и что женщина ни по закону, ни по наследству, ни по особым каким-либо законным актам владеть тем аймаком не должна (подчеркнуто мною- И.А.) и, признавая зайсанга Самтана родовым наследником и законным наследником того аймака определил: во исполнение вышеприведенных доказательств на основании законов предписаний отдать его во вечное и потомственное владение родового аймака, состоящего в 60 кибитках по решению поданной владельцам Санжи Убуши в 1806 году к бывшемц Главному присату Ахвердову, а женщине Одже, как посторонней по сему делу отказать»[2]. Аймак был отдан зайсангу Самтану в управление. Таким образом, решение данного дела еще раз доказывает специфичность норм калмыцкого обычного права в вопросах наследования, при которых женщины от наследования отстранялись.

---

[1] НА РК. Ф. И-1. Оп.1. Д.154
[2] НА РК. Ф. И-1. Оп.1. Д.154. Л. 23, 23об.

Гражданское и земельное право. Следует отметить, что правовые нормы калмыков довольно скупо говорят о гражданских правоотношениях. Существовало лишь несколько статей, регламентирующих долговые обязательства. Исследователями отмечается, что существовали нормы о порядке заключения договоров займа и возврата долгов. При этом, в условиях кочевого общества, они имели свою специфику, так как факты заимствования друг у друга коней, оружия для участия в военном походе, скота для выкупа невесты или восстановления утраченного личного поголовья вследствие падежа, грабежа и т.п., естественно имели место в кочевом обществе, так как являлись важным средством разрешения материальных затруднений. Отсюда и вытекала необходимость их правового регулирования[1]. Нормами «Цааджин-Бичик» устанавливался общий для всех порядок передачи имущества в долг только в присутствии свидетелей. В противном случае договор займа признавался недействительным, и кредитор лишался права требовать возврата долга.

Правовые нормы предоставляли кредитору право самому взыскивать долги, в случае, если должник отказывался погашать заем добровольно. При этом был определен порядок взыскания, нарушение которого влекло материальные санкции. Так, кредитор вместе со свидетелем, в присутствии которого заключалось соглашение о займе, должен был предварительно заявить шуленге (старшине двадцати кибиток) должника, что последний не возвращает дол и поэтому он (кредитор) приступает к обращению взыскания на его имущество. Если кредитор в дневное время, не сообщив шуленге, пытался забрать имущество должника в погашение долга, то он лишался права требовать возврата долга. Кроме того, у кредитора в наказание изымалась лошадь. В случае совершения таких действий в ночное время, кредитор подвергался штрафу в один девяток и долговые тре-

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX вв. Историко-правовые очерки. Элиста. 1998. С.184

бования аннулировались[1]. В связи с этим кредиторы принуждались к неукоснительному соблюдению установленной процедуры возврата долга.

Договоры займа нашли свое отражение не только в Уставе 1640 г., но и подтверждается нормами Токтолов Дондук-Даши, которые практически повторяли нормы «Цааджин-Бичик». В течение всего исследуемого периода они практически не претерпели особых изменений. Однако когда дело касалось сделок с представителями других национальностей, то здесь дело обстояло несколько иначе.

Торговые отношения с русским и татарским народами, обусловили изменения в заключении договоров, которые стали регулироваться специальными правилами 1748 года, изданными русским правительством для правового урегулирования порядка заключения и исполнения заемных договоров. В соответствии с ними, надлежало «заемные письма записывать в книгу и, поставя на заемном письме номер, подписывать в них переводчику того языка, каким оно писано и прикладывать той канцелярии печать»[2]. Если договоры займа заключались в русских городах или селениях, то они составлялись и регистрировались в «ближайшей воеводской канцелярии с приложением ее печати». При заключении договоров займа в калмыцких улусах, аймаках, хотонах требовалось их скрепление подписью и печатью владельца. Кроме того, требовалась обязательная регистрация таких заемных писем в течение месяца в конторе калмыцких и татарских дел или в ближайшей воеводской канцелярии[3]. Несоблюдение этих строгих регламентаций лишало право обращения в судебные инстанции за защитой в случае нарушения одной из сторон взятых обязательств. Это лишний раз свидетельствует об эволюции традиционных представлений о гражданско-

---

[1] Там же. С.184-185; Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб. 1880. С.48

[2] Бюллер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской области инородцы.// «Отечественные записки». 1846. Т.49. № 11, С.30

[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX вв. С.187

правовых договорах, эволюции традиционных воззрений калмыков, их правовой культуры.

Эволюция правовых установлений калмыков хорошо прослеживается и в становлении земельных правоотношений. Как известно, калмыки издавна были кочевыми племенами, которые не занимались земледелием, хотя вопрос об оседлом поселении калмыков постоянно ставился русским правительством.

Вопрос об оседлом поселении калмыков поднимался неоднократно. А в 1862 году в докладе министра государственных имуществ был поднят еще раз. После этого началось генеральное межевание калмыцкой степи, которое продолжалось несколько лет. Правоустановительным документом о наделении 13 калмыцких родов землей явилось распоряжение ставропольского губернатора Властова, утвержденное кавказским Наместником великим князем Михаилом Николаевичем. Ф.И. Воробьев писал по этому поводу: «В 1871 году Его Высочеством наместником Кавказа было утверждено распоряжение Ставропольского губернатора об отводе душевых наделов, согласно с законом 1846 года отвод состоялся. Закончилось составление материала в 1872 году»[1]. Калмыки получили определенные земельные участки «в постоянное обещанное пользование по родам соответственно составу их общин, причем за норму надела было принято... 30 десятин на душу мужского пола для калмыков простолюдинов, 400 десятин для аймачного зайсанга и для его семейства и 200 десятин для безаймачного зайсанга. Также на семейство Нойону, бывшему улусовладельцу, отрезан участок в количестве 1500 десятин, а духовенству Ламайскому, по числу 125-ти духовных лиц, состоящих при пяти хурулах в улусе, отведено 3750 десятин»[2].

---

[1] Воробьев Ф.И. Очерк Большедербетовского улуса. Природа и хозяйство на свободных калмыцких землях. Ставрополь. 1909. С.56
[2] ГАСК. Ф.249. Оп.1. Д.46. Л.322

Таким образом, земля оказалась в общем пользовании каждого калмыцкого рода. Они потеряли право кочевать по всей степи и выходить за пределы указанных им границ. Часть улусной земли, которая осталась после выделения наделов родам, «в количестве 5179 десятин обращена в оброчные участки, арендный доход с которой поступает в Калмыцкий общественный капитал»[1]. Благодаря всем этим мероприятиям российской администрации, калмыки стали вести полуоседлый образ жизни и воспользовались правом сдавать родовую землю в аренду, регулируемую нормами российского законодательства. Аренда калмыцких земель крестьянами Медвеженского и Новогригорьевского уездов, а также частными лицами, привела к интенсивному развитию скотоводства, овцеводства в степи, а калмыки стали более интенсивно устраивать свое земледельческое хозяйство[2].

Отведенной землей распоряжалась община, которая устанавливала периодические переделы пахотных земель и ежегодные переделы сенокосных земель.

В конце XIX века по отдельным родам произошло сокращение мужского населения, а вследствие этого образовался избыток земли, который давался крестьянам в аренду на условиях скупщины (арендатор платил землевладельцу 1/3 копны) и доходы с них шли на уплату податей и всякого рода повинностей, а также на образование родовых капиталов.

По мнению исследователя XIX века Я.Г. Дубровы, арендная цена на землю была очень низкой. Он писал по этому поводу: «калмыцкая земля сдавалась в аренду от семи копеек в год за десятину под распашку и сено-

---

[1] Там же. Л.323

[2] Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века. Ставрополь. 2000. С.176

кошение, тогда как действительная стоимость той же десятины между крестьянами никогда не была ниже 50 копеек в год»[1].

Помимо заниженной арендной платы существовало изменение в пользу арендатора единицы измерения земли. Арендатор с согласия попечителя улуса «с успехом реформировал единицу меры земли и казенные 2400 сажень в десятине обратили в 3600 саж и такую меру земли назвали калмыцкой десятиной»[2]. В итоге 2/3 калмыцкой степи оказались в долгосрочной аренде у русских крестьян. Привилегированное сословие также воспользовалось этим правом, вдобавок к этому нойон вместо взимания албана деньгами стал брать определенное количество земли, годовая арендная плата за которую покрывала ежегодный албан с калмыков. Так, в государственном архиве Ставропольского края хранятся сведения об албане, полученном с калмыков Большедербетовского улуса нойоном Гахаевым и аймачными зайсангами за 1892 год. Приводим документ полностью.

№ п/п	Название рода и аймака	Сумма		Особые примечания
		Руб.	Коп.	
1.	Нойоном Гахаевым Багабурулова рода			Взамен платежа албана деньгами по 1270 руб. 92 коп. в год общество калмыков Бгабурулова рода до договору, заключенному 23 сентября 1883 года и засвидетельствованному в улусном управлении 23 того же сентября, отдало

[1] Дуброва Я.Г. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1890 года. Казань. 1898. С.166
[2] Там же. С.167

				нойону Гахаеву в аренду участок земли в 3600 десятин сроком на 12 лет. С 1.03.1884 года по 1.03.1896 года
2.	С Икитуктунова рода аймака Шараманджиева			
3.	С того же рода, аймака Манхана Эрденова			
4.	С того же рода, аймака Поти Доглупова			
5.	С Абганерова рода аймака Муковена Ходжаева	406	98	
6.	С Тарачинерова рода			
7.	С Цоросова рода			
8.	С Шеретова рода			
9.	С Икитуктунова рода аймака Опогинова	785	40	
10.	С 1 Багатуктунова рода			
11.	Со 2 Багатуктунова рода			
12	С Абганер-Гаханкина рода			
13.	С Хаджинкинова рода			
14	С Икичиносова рода			Взамен платежа албана деньгами по 3191 р. 58 коп. в год общество калмыков Икичиносова рода отдало нойону Гахаеву в аренду три смежных участка родовой земли на 10 лет с 1 ноября 1884 года, по договору, заключенному 1 мая 1882 г. и засвиде-

				тельствованному в улусном управлении 4-го того же мая
15.	С Будульчинерова рода			
16.	С Бюдермисова рода			Взамен платежа албана деньгами общество калмыков Бюдермисова и Кюдетова родов по договору, заключенному 23 сентября 1883 г., засвидетельствованному улусным управлением 23 того же сентября отдало нойону Гахаеву в аренду два участка земли сроком на 10 лет с 5 марта 1884 по 5 марта 1894 г.
17.	Аймачный зайсанг Икитуктунова рода Терменке Опогинов	62	70	

Примечание.

1.Взятый у общества калмыков Багадурулова рода в аренду участок земли вместо получения албана деньгами нойон Гахаев передал в пользование по 1 марта 1896 года крестьянам Ивану Жадану и Михаилу Степаненко за плату первым 1100 руб. и вторым 800 руб. в год. Из них с Жадана Гахаев получил аренду по 1 марта 1893 г., а с Степаненко на весь срок аренды, т.е. по 1 марта 1896 года, за исключением 140 руб., остающихся за Степаненко.

2.Взятые у общества калмыков Икичиносова рода в аренду три участка земли вместо получения албана деньгами, нойон Гахаев отдал один уча-

сток крестьянам Тимофею Подорога и Емельяну Глазко за плату первым 1200 руб. и вторым 1000 руб. в год. Из них с Подороги Гахаев получил аренду 1 ноября 1893 г., а с Глазко за все годы аренды, т.е. по 1 ноября 1894 года. Остальные два участка Гахаев отдал в пользование крестьянину Григорию Бедрику за плату за весь срок аренды 13000 руб, каковые деньги им Гахаевым получены в Бедрика все сполна.

3.Взятые в Бюдермисовом и Кюдетовом родах в аренду два участка земли нойоном Гахаевым переданы: один мещанину Михаилу Меркулову и крестьянину Егору Сазонову за плату в год по 1200 руб, каковая аренда Гахаевым получена с Меркулова и Сазонова по 5 марта 1893 года, другой участок передан крестьянину Денису Калугину за плату в год по 1400 руб., каковую аренду Гахаев получил с Калугина также по 5 марта 1893 года.[1]

Таким образом, изменения в социально-экономическом положении калмыков, повлекли за собой изменение и их правовых норм, правовой культуры, особенно ярко проявившиеся в урегулировании земельных правоотношений.

[1] ГАСК. Ф.249. Оп.2. Д.469. Л.169-175

§ 3. Уголовное право

Специфика социально-экономического развития калмыков обусловила и их уголовно-правовые отношения. Обычно-правовые нормы, роль которых в начале рассматриваемого периода была превалирующей, большое внимание уделяли нанесению ущерба, что ярко проявилось в сфере уголовного права. Следует отметить, что калмыки оценивали любое с точки зрения европейского права преступление как причинение ущерба. Следовательно, обидевшей стороне нужно было нанести точно такой же ущерб, что вызывало к действию принцип талиона. Однако в этот же период уже сложилась система композиций как определенный порядок денежного возмещения за причиненный ущерб[1]. Композиционные выплаты к концу рассматриваемого периода уже окончательно сложились; была установлена их величина, зависевшая от сословной принадлежности пострадавшей стороны и тяжести преступного деяния, а также порядок возмещения ущерба. Таким образом, наказание в уголовном праве калмыков представляло собой возмещение нанесенного ущерба. Рассмотрим эти положения более подробно.

Все правонарушения в сфере уголовного права, регулируемые калмыцким правом, можно разделить на несколько видов: преступления против общей безопасности и порядка управления, преступления против личности и имущественные преступления.

Преступления против общей безопасности и порядка управления. Совокупность составов преступления, посягавших на общую безопасность и порядок управления, исследователи разделяют на преступления, подрывающие внешнюю безопасность и внутреннее единство, против порядка

[1] Косвен М.О. Преступление и наказание. М.-Л. 1925. С.32-33

управления и на преступления против системы военной организации калмыцкого феодального общества[1].

Обеспечение внешней безопасности и укрепление внутреннего единства являлось одним из центральных аспектов деятельности калмыцких ханов. Это было связано, в первую очередь, с тем, что в этом они видели как гарантию прочности режима ханской власти, так и одно из главнейших условий автономного существования на землях Российского государства. В-третьих, внутреннее единство позволило бы успешно отражать набеги азиатских, кавказских и крымских народов, посягавших на их жизнь и имущество. Именно поэтому в кодексе «Цааджин-Бичик» этим нормам посвящено достаточно много норм.

К такому роду преступных деяний кодекс относил несообщение о приближении неприятеля, взаимные набеги. Особенно жестоко карался первый вид - несообщение о приближении неприятеля. Повышенная общественная опасность данного преступления проявлялась в наказании за его совершение: виновное лицо со всем своим семейством подвергалось смертной казни, а все их имущество – конфискации[2]. Как видно, это норма имела и предупредительно-устрашительное значение, так как ее несоблюдение могла привести к негативным последствиям для всего общества.

Такое же значение имела норма кодекса, предусматривающая ответственность за неявку на так называемый сборный пункт при получении сообщения о приближении неприятеля. В «Цааджик-Бичике» она звучит следующим образом: «По получении ведомостей о приближении неприятеля всем чинам собраться к своему владетелю. А буде кто не приедет - таково-

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. Историко-правовые очерки. Элиста. 1998. С. 129

[2] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.179

го штрафовать»[1]. Субъекты преступления прямо указаны в тексте самой нормы, при этом наказание зависело от социального положения виновного. Для верхушки калмыцкого общества предусматривалась повышенная уголовная ответственность: 50 панцирей, 50 верблюдов, 5 кибиток людей и 500 лошадей. На зайсангов налагался уголовный штраф в размере трех ценных вещей, трех кибиток людей и 30 лошадей. Для простых калмыков-воинов имущественные платежи за неявку на сборных пункт равнялись одной кибитке, одного панциря и 8 скотин[2]. При разрешении вопроса об ответственности того или иного лица принимались во внимание следующие обстоятельства: дальность кочевья виновного от сборного пункта и его возможность к своевременному прибытию.

Следующая группа норм регламентировала ответственность за организованные нападения внутри калмыцкого общества, что, по мнению законодателя, подрывало внутреннее единство калмыцкого народа. К таким нормам относились разграбление аймаков и убийство живущих в этих аймаках людей. Субъектами данного вида преступного деяния могли быть только нойоны и наиболее богатые зайсанги, которые располагали военными отрядами и могли привлечь к набегу зависимых от них простых калмыков. Наказание за эти преступления были также достаточно тяжелыми. У виновного отбиралось все имущество, в том числе подвластные и скот. Из части имущества возмещался ущерб, причиненный потерпевшим, а другая часть переходила в собственность хана или других владельцев, выступивших в военный поход против нарушителя внутреннего мира. С лица, виновного в разграблении небольшого соседнего аймака полагался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 табуна, с обязательным возмещением убытка потерпевшим[3].

---

[1] Там же. С.181

[2] Владимирский-Буданов М. К истории права русских инородцев. Университетские известия. Киев. 1879. № 9. С. 198

[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.132-133

Несомненно, что эти нормы были направлены на сохранение внутреннего единства калмыцкого общества и имели широкое распространение у калмыков. Так, исследователи указывали, что хан Мончак «противного себе родного племянника своего, именуемого Доналбу, разбил и его самого поймал и отдал в Россию, а улусом его завладел»[1]. Аналогично действовал против нарушителей единства ханства и противников усиления ханской власти Аюка-хан. Именно он нанес поражение своему двоюродному брату Дугару и его сыну Церену, завладел их улусами, а самих отправил в Астрахань[2]. В соответствии с нормами калмыцкого права, такие действия были правомерны.

Еще одними нормами данного вида, были нормы, регулирующие самовольные военные походы против соседних народов. При правителе Дондук-Даши было принято следующее: «Если самовольно учинят воровство и разбой в жилищах киргизов, крымцев, черкесов и кубанцев, то, отобравши все привезенные ими вещи, взять всех их лошадей»[3]. Данный состав преступления был введен в уголовное право калмыков, по-видимому, в целях пресечения самовольных набегов калмыков на соседние народы для предотвращения ответных набегов со стороны потерпевших. Этим достигалось обеспечение внешней безопасности калмыцкого общества.

«Цааджин-Бичик» регламентировал и ответственность за самовольную откочевку части зависимого населения – албату – от одного владельца к другому. Так как переход части зависимого населения к другому владельцу был чреват для благосостояния калмыцких феодалов, то еще в 1640 году на съезде монгольской знати была достигнута договоренность об обязательной выдаче друг другу перебежавших албату. В «Цааджин-Бичик»

---

[1] Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа. Красный архив. 1939. № 3. С.226
[2] Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб. 1880. С.71; Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.133
[3] Преображенская П. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков. История СССР. 1963. № 5

это соглашение было зафиксировано следующим образом: «К кому прибегут перебежчики и тому половину их имения взять себе, а с другой половиною возвращать их к прежним владельцам»[1].

Следующей группой норм, относящихся к преступлениям против порядка управления, относились преступления должностные, против отправления правосудия и института посланцев[2]. К числу должностных лиц право калмыков относило зайсангов, дарга - управляющих личным двором хана, нойона или наиболее богатого зайсанга, демчея – сбощика податей с 40 кибиток, шуленга – сборщика податей с 20 кибиток, хотонных старост, десятских и других. Все эти должности являлись наследственными[3].

В калмыцких улусах и аймаках существовал порядок, по которому каждый должен был проживать и кочевать в строго определенной местности и только в своем феодальном подразделении. Здесь следует в целом уточнить понятие калмыцкого улуса.

Слово «улус» имеет несколько значений: самое общее из них - народ, поколение. Означает оно также орду, военную дружину. Иногда улус употреблялся в смысле сословия; так например, "Хора-улус" - "черный или подлый люд", в отличие от "цагон иосу", сословия "белой (или знатной) кости". В Монголо-ойратском уставе 1640 г. улус имеет значение то жилого места вообще (Dorfschaft, по списку Палласа[4]), то аймака, то родового союза, то целого племени. Чаще всего слово «улус» употреблялось у древних монголов и калмыков для обозначения определенной формы родового союза, составлявшего часть более обширной родовой группы - "племени" (Тангаги).

---

[1] Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. Ч.III. Вестник Азии. 1924. № 52. С.136-137
[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.135-136
[3] Там же. С. 136
[4] Pallas P. Sammlungen der historischen Nachrichten uber die Mongolischen Volkerschaften. Zeitschrift fur Social- und WirtschaftsGeschichte. 1898. P.78

В этом последнем смысле улус означал союз нескольких отоков (родов) и аймаков, ведущих свое происхождение от общего племенного корня. Улус, как обозначение особой формы родового союза, встречается исключительно у монгольских племен (монголов, калмыков и бурят), хотя сходные с ними родовые организации можно найти у всех азиатских кочевников.

Характерная черта улусов - это их подвижность. Это не прочные, прикрепленные к определенному месту поселения оседло-земледельческих народов, а своеобразные, многолюдные родовые союзы кочевников, меняющих место пребывания в зависимости от времени года, урожая, кормов, обилия или недостатка воды в том или другом месте.

Территории, по которым кочевали улусы, имели, конечно, границы, но в пределах этих очень больших по пространству территорий передвижение улусов, равно как отдельных их частей, было совершенно свободное, "безвозбранное". Этот взгляд на землю, как на общее достояние всех улусов, калмыки перенесли и в Россию, когда прикочевали на Волгу. Признавая всю степь общим владением улусов, они вначале не установили ни определенных границ между улусами, ни определенных пространств для кочевки улусных родов[1].

В административном отношении монгольские и калмыцкие улусы сохраняли очень долго (до начала XIX в.) те же основные черты, которые отличали улусное устройство монголов еще во времена Чингисхана: каждый улус составлял отдельную кочевую орду, управляемую своим родовым вождем - нойоном, находившимся в вассальной зависимости от тайши. Отношения нойонов к тайши определялись началами родового старейшинства, т. е. лучшим и обширнейшим улусами владел сам тайша, а менее обширные он раздавал в управление наследственным

[1] Владимицов Б.Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л. 1934. С.179

нойонам, сообразно с их родовым старейшинством. Нойон или тайша управлял улусом неограниченно, но произвол его в значительной степени регулировался издревле установившимся обычным правом, носителями и выразителями которого являлись лучшие улусные люди - почетные старики[1]. Улусные люди - они же сородичи - обязаны были своему вождю послушанием и ратной службой; они вносили подати на покрытие разных нужд как общественных, так и личных тайши или нойона.

Внутреннее устройство улуса отмечено всеми чертами родового быта. Улус, как слишком обширный родовой союз, делился естественно на более мелкие родовые группы - отеки, аймаки и хотоны. Каждая из этих групп управлялась наследственным старейшим родоначальником, которому присваивались разные названия - зайсанга (глава отока), шуленги (глава аймака), ахха или ага (глава хотона). Отвечая за благополучие и порядок в своих кочевьях перед нойоном или тайшой, старейшины содействовали тому, что такая подвижная, текучая общественная группа, как улус, сохраняла свою целость, представляя собою прекрасно организованную как для самозащиты, так и нападения боевую орду.

В видах большей боевой готовности улусы делились еще на искусственные группы - сотни, сорока и десятки, а для сохранения его целости строго возбранялось родственным группам (родовичам) откочевывать в чужие улусы. Всякий перебежчик по строгим началам ойратства подлежал возврату в старый его род, так как освященный веками обычай обязывал родовича стоять всю жизнь на страже своей родной ставки[2], своего хотона.

Родовой характер улусного устройства у монгольских патриархальных племен сказывается в трех основных устоях его: родовой со-

---

[1] Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб. 1880. С.37

[2] Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань. 1904. С.41

лидарности, ответственности и круговой поруке. Родовая солидарность одно-улусных родовичей выражалась в круговой поруке и ответственности членов одного улуса перед членами другого. Все это вытекало из того основного начала родового быта, в силу которого всякий улус играл по отношению к чужому роду или улусу роль одного коллективного лица. За вину родовича отвечал не только виновный, но все родовичи того союза, к которому он принадлежал. Если виновник какого-либо преступления не открывался, то штраф или виру платил весь род или весь улус, на который падало подозрение[1]. Напротив, очистительная присяга одного или нескольких одноулусников совершенно освобождала в некоторых случаях заподозренного родовича. Улусный суд, состоявший из правителя улуса и почетных стариков, разбирал споры между одноулусниками; междуродовой суд решал дела, касавшиеся интересов нескольких улусов или родов.

В дальнейшем древнее улусное устройство претерпело значительные изменения, особенно у волжских калмыков в первой половине XIX столетия (в 1834 г.). Главнейшие из них заключаются в том, что сильно были урезаны права владельцев улусов[2]. Улусы были ограничены территориально: судебная власть нойонов перешла к суду "зарго", в котором рядом с депутатами от калмыцкого народа заседали также русские чиновники.

Древнее обычное право выходило из употребления и уступало место новым правоотношениям, а вместе с тем падали и те устои, которые придавали улусной организации такую крепость и единство. Однако нормы, регулирующие порядок управления в улусах и в целом в калмыцком обществе, сохраняли свое значение вплоть до конца рассматриваемого периода.

---

[1] Законы мунгальские и калмыцкие. // Северный Архив. 1828. № 2
[2] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. Ч.1. Уложение 1822 года. Одесса. 1880. С.143

Их главное значение заключалось в том, что в случае откочевки определенного аймака или хотона на другое место, затруднялся сбор податей, сбор ополчения и ставило бы их под угрозу захвата другими владельцами или угона в плен как военной добычи[1]. Поэтому нормами «Цааджин-Бичик» прямо закреплялось, что каждый улус или аймак должен был проживать и кочевать в строго определенной местности и только в своем родовом подразделении: «вообще каждый должен жить в своей части или левой, или правой, или средней»[2]. За соблюдением этой нормы должны были следить зайсанги и демчеи, которые за небрежность или халатность, проявленные при надзоре за данными отношениями, подвергались штрафу.

Наказанию эти должностные лица подвергались и в том случае, если они не смогли своевременно и полно собрать подати в пользу хана, нойона или других владельцев.

По свидетельству источников, калмыцкие нойоны ежегодно получали от своих албату в виде подати десятую часть от всего их скота. Кроме того, зайсанги также облагали податью рядовых кочевников своего аймака. Об этом свидетельствует И. Георги, который писал, что подать дополнительно собирается также и «во время войны, княжеской свадьбы, или когда правители малых улусов хотели жить попышнее»[3]. Отсюда и вытекала ответственность должностных лиц за несвоевременный сбор податей. Ответственность носила имущественный характер и равнялась штрафу в 81 скотину, если страдал крупный нойон, а в случае недобора в отношении зайсанга – девяти скотинам[4].

Следующая группа норм регламентировала ответственность должностных лиц, обладающими судебными функциями, в случае неправильно-

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.136
[2] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. Ч.1. Уложение 1822 года. Одесса. 1880. С.157
[3] Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. СПб. 1799. С.78
[4] Законы мунгальские и калмыцкие. // Северный Архив. 1828. № 2

го отправления ими правосудия, а также рядовых калмыков, которые препятствовали какими-либо своими действиями действию судебных органов.

По нормам калмыцкого права преступными считались следующие действия: укрывательство преступника (в том числе предоставление подводы и пищи скрывающемуся от правосудия человеку); уничтожение следов, по которым велась погоня; недопущение до обыска[1]. Наказания за эти действия определялись натуральными платежами и доходили до семи девятков. Так преступлением считалось сокрытие совершенного преступления: «Если кто зная, скроет воровство, с того, наказавши 15 ударами, взять 4-х годовалого верблюда в пользу князя»[2].

Штрафные санкции налагались и в случае тайного примирения грабителя с потерпевшим. Если в этом примирении участвовали зайсанги, то они штрафовались 4-х годовалым верблюдом.

Определялась специальная ответственность за ложный донос. Виновные подвергались наказания как за совершение того преступления, в котором они пытались обвинить потерпевших. В этом явно прослеживается древний принцип талиона, видоизмененный в соответствии с изменившимися социально-экономическими условиями. Преступлением также считалось ложное показание свидетеля, которое он давал из-за корыстных побуждений. Виновный в ложном свидетельстве подвергался наказанию в 15 ударов нагайкой.

Так как основным богатством калмыков был скот, то и наиболее распространенным видом преступлений были кражи скота и иного имущества. В целях пресечения такого вида преступных деяний, нормами «Цааджин-Бичик» было установлено, что над каждыми десятью кибитками должен был быть назначен десятский, в обязанность которого вменялось сообщение о кражах, совершенных людьми его десятка. В случае, если де-

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.138
[2] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. Ч.1. Уложение 1822 года. С.169

сятским такое преступление было сокрыто, у виновного отрубались пальцы на руках.

Разбор дел в основном производился специальными судебными чиновниками – заргачи, которые были обязаны производить суд в строго определенном месте и при рассмотрении дел всегда должны были взыскивать штрафы, шедшие в пользу хана или нойона. В случае, если штраф по каким-либо причинам не взыскивался, это рассматривалось как проступок и взыскание штрафа в двойном размере налагалось на судью. Кроме того, судья, трижды решивший дело неправильно, отстранялся от своей должности[1]. Кроме того, регулировалась ответственность судьи, проявившего необъективность в процессе судебного разбирательства.

Еще одним специфическим, характерным для кочевого общества, видом преступного деяния являлось воспрепятствование лицам, называвшимися посланцами, переменять лошадей, брать продовольствие и пользоваться кровом для отдыха. Дело в том, что в калмыцком обществе существовал институт посланцев, которые передавали распоряжение ханов, нойонов, зайсангов по оперативному управлению, особенно в период военных действий. Наиболее тяжким видом такого преступления считалось непредоставление подводы посланцу по делу «о всенародной пользе», в связи с болезнью «главного владетеля или его супруги» или с извещением о приближении «великого неприятеля». За такое преступление накладывался штраф в 81 скотину[2]. Субъектом такого преступления могло быть любое лицо, независимо от социального или имущественного положения.

Еще одна норма, охраняющая здоровье и достоинство посланца, гласила: «Ежели кто посланца побъет и за то взять 9 скотин; а буде только

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.139
[2] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. С 187

с лошади сташа уронит на землю и за то взять 5 скотин»[1]. Все это подчеркивало важность института посланцев в системе управления калмыцким обществом.

Как известно, калмыки были народом с четкой военной организацией. Именно поэтому достаточно норм «Цааджин-Бичик» посвящено ответственности за преступления, посягавшие на систему военной организации. Древнее право калмыков рассматривало как преступление ряд деяний, которые посягали на основные начала системы военной организации калмыцкого общества.

Как отмечают исследователи, нормы этого права предусматривали ответственность за посягательства на организационные и военно-этические принципы. В соответствии с организационными принципами при объявлении мобилизации в связи с совместным походом или необходимостью отражения нападения в каждом улусе собиралось ополчение. В это ополчение входили военный отряд нойона данного улуса, воины-телохранители отдельных зайсангов, а также представители низовых масс, призванных к воинской повинности своими господами[2]. П. Паллас отмечал по этому поводу: «У монгольских народов вообще каждый простолюдин есть воин и должен лошадь и оружие в готовности иметь, дабы немедленно по приказанию князя своего явиться в поле»[3].

Так как крупных постоянных военных сил калмыцкий хан не имел, то особое внимание уделялось своевременному прибытию воинов к месту сбора, пресечению самовольных действий отдельных отрядов, сохранности воинского снаряжения и военной добычи. Поэтому как преступление рассматривались случаи неявки воинов по тревоге на сборный пункт. В ча-

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.199

[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.141

[3] Паллас П. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб. 1776. С.390

стности, предусматривалось: «если не выедут вовремя, то взыскивать: с князя по два девятка, с знатного человека по панцирной лошади и 4-х годовалому верблюду, ... с людей низкого сословия по 4-х годовалой лошади»[1].

В военной организации калмыков крайне нетерпимым являлись факты самовольства командиров и неподчинения общим для всех распоряжениям. Так, в случае, если передовой отряд калмыцкого войска. вопреки общему плану вступал в бой с неприятелем, то этот отряд штрафовался тридцатью лошадьми с лишался захваченной добычи. Командир или воины, преждевременно и самовольно до окончания похода возвратившиеся домой, подвергались штрафу в двойном размере[2]. Уголовное право строго карало и дезертиров. Наказание подвергались не только рядовые воины, но и представители знати независимо от их сословного ранга. Этим подчеркивалась степень общественной опасности этого деяния. Так, за побег с поля боя нойон наказывался штрафом в 100 панцирей, 100 верблюдов, 50 кибиток людей и 1000 табуна. Знать меньших рангов штрафовались 10 панцирями, 10 верблюдами, 10 кибитками людей и 100 лошадьми. Лица, сбежавшие из передового отряда до столкновения с противником, подвергались также позорящим наказаниям: на них публично надевали женскую одежду или изгоняли нагими из отряда[3].

Жестоко карались случаи оставления в бою в большой опасности рядовыми воинами своих нойонов. Это считалось самым тяжким преступ-

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.198

[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.142

[3] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.199

лением и виновные карались смертной казнью и разорением: «А кто владельца оставит, того разорить и умервить»[1].

В соответствии с принципами организации вооруженных сил каждые 40 кибиток обязывались ежегодно изготовлять двое лат. Невыполнение этого требования влекло штраф в размере одной лошади и верблюда.

Уголовное право калмыков специально предусматривало ответственность за кражу предметов воинского снаряжения. Так, за кражу лат и панциря, виновный штрафовался 9 девятками, за кражу кирасы – 3 девятками, за кражу хорошего меча или сабли взыскивался один девяток[2].

У калмыков издревле существовал особый порядок раздела военной добычи, нарушение которого признавалось преступлением. За самовольный раздел добычи виновные штрафовались одним девятком и с них взыскивалось захваченное. Особо регламентировалась ответственность за сокрытие трофеев. За первый случай брался штраф в 5 скотин, а за повторный с виновного взыскивался штраф как за действительную кражу[3].

В калмыцком праве, в связи со специфическими отношениями, сложившимися в полувоенном обществе, сложились и специфические меры поощрения отличившихся в бою воинов. Как ни странно, эти нормы вошли в ту часть «Цааджин-Бичик», которая регламентировала ответственность за воинские преступления. Так, воины, выручившие представителей знати из опасности во время боевых действий, переводились в сословие дарханов, которое пользовалось рядом льгот. В частности, семья дархана освобождалась от уплаты податей. Исследователями отмечается, что подобная регламентация в одном своде наказаний за воинские преступления и видов поощрения за воинскую доблесть является сравнительно ред-

---

[1] Законы мунгальские и калмыцкие. // Северный Архив. 1828. № 2

[2] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.187

[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.143

ким правовым явлением и объясняется казуистичностью права монгольских народов периода феодализма[1]. Казуистичность калмыцкого обычного права, нашедшего свое отражение в нормах «Цааджин-Бичик» имело довольно распространенное влияние, на что будет обращено наше внимание в дальнейшем, при рассмотрении других вопросов уголовно-правовых отношений.

Следующая группа уголовных норм калмыцкого права регулировала отношения, связанные с насилием над личностью. Рассмотрим их более подробно.

Преступления против личности. В сфере преступлений против личности на первом месте стояли деяния, направленные против личности ханов, зайсангов и членов их семей, которые составляли категорию цаганясн, то есть белую кость. Источники показывают особую тяжесть наказания за них.

К основным видам преступлений против личности калмыцкое право относило: преступления против жизни, преступления против здоровья, половые преступления, оскорбление.

Традиционная специфика кочевых народов, их уклад жизни, обусловил их особую классификацию убийств. Один из исследователей прошлого, П. Небольсин, отмечал по этому поводу: «Высшим преступлением у калмыков по правилам собственного калмыцкого вероисповедания почитается смертоубийство; преступление это называется у них безотрадным, непростимым или по нашим убеждениям тяжким, смертным грехом»[2].

В калмыцком праве существовала одна общая норма, гласившая: «Ежели кто человека убьет и за то с онаго взять великий штраф, т.е. тысячу овец»[3]. Однако наряду с этой нормой существовали дополняющие ее

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.144
[2] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. 1852. С.113
[3] Законы мунгальские и калмыцкие. // Северный Архив. 1828. № 2

нормы, устанавливающие специальные составы убийств в зависимости от субъекта, личности потерпевшего и по обстоятельствам преступления.

В связи с достаточно широко действовавшими пережитками патриархально-родовых отношений, калмыки особо выделяли такой вид преступного деяния как убийство отцом сына, сыном родителей, убийство мужем своей покинутой жены, убийство замужней женщиной другой жены своего мужа[1]. Особенно тяжкими считались убийства детьми родителей и наоборот. Все это было связано, как уже указано выше, и с пережитками патриархально-родовых отношений, и с традиционными семейными отношениями у калмыков, которым они придавали первостепенное значение. Именно убийства родственников относились к наиболее опасным видам, за которые взыскивался штраф в 1000 овец. Такой же штраф взыскивался и за убийство знатного человека путем поджога. Однако, как ни странно, не предусматривалась специальная уголовная ответственность за убийство нойонов, зайсангов или хана. По-видимому, это было связано с тем, что такое убийство каралось ответным без всякого суда и следствия. Отсутствовала и норма, регулирующая ответственность за приготовление к убийству или за покушение на его совершение. Исследователями отмечается, что такие случаи на практике рассматривались как соответствующие оконченные преступления. Об этом свидетельствует одна из норм «Цааджин-Бичик», гласившая: «А буже кто какое оружие обнажит, и кто оно от него отымет, и то оружие отдается ему, а тому человеку, на которого оное было обнажено, взять одну лошадь»[2].

За убийство человека среднего достатка взыскивалось 30 ценных вещей и 300 скотин, а за убийство простого кочевника – 1 ценная вещь и 134 скотины[3].

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.146
[2] Законы мунгальские и калмыцкие. // Северный Архив. 1828. № 2
[3] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. С 189

Система наказаний за убийство выглядела следующим образом. За наиболее тяжкие виды применялись полное разорение и изгнание или большой штраф. Так, убийство сыном своего отца влекло к конфискации всего имущества, лишения семьи, а сам виновный изгонялся. «А ежели отец сына убьет до смерти и за то с онаго кроме его собственной фамилии взять всех людей и имение»[1]. За убийство покинутой жены виновный уплачивал штраф в 45 скотин. Такой же размер штрафа налагался за убийство раба или перебежчика. Все это лишний раз свидетельствует о зависимом положении женщин в калмыцком обществе, бесправии рабов и стремлении пресечь случаи бегства зависимого населения.

Были известны и членовредительские наказания. Авторы второй половины XVIII века указывали, что у калмыков за убийство виновного в публичном месте «бьют плетями нещадно и ломают правую руку и левую ногу, взыскав 500 овец черноголовых, одного верблюда и одну лошадь»[2]. Но, рассматривая уголовно-правовые отношения уже в XIX веке, ссылок на эту норму мы не обнаружены. Так что эволюция системы наказания за два столетия претерпела некоторые изменения.

К следующему виду преступлений против личности относились преступления против здоровья: причинение телесных повреждений, лишений каких-либо органов тела, нанесение побоев.

Казуистичность калмыцкого права проявилась в детальной регламентации уголовно-правовых норм, определявших ответственность за преступления против здоровья. Это подтверждает исключительная детализация почти всех возможных случаев причинения вреда здоровью потерпевшего. Так, предусматривалась ответственность за лишение «кого-либо шести членов», то есть рук, ног и глаз. Виновный в этом подвергался штрафу в 5 десятков с ценной вещью, примерно такой же ответственности

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.148
[2] Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. СПб. 1771. С.113

как и за убийство раба, перебежчика или покинутой жены[1]. Казуистичность данного права проявлялась и в регламентации отдельной ответственности за лишение среднего, безымянного пальца и мизинца, за повреждение больного глаза, трясущегося зуба[2] и т.п.

Нормы «Цааджин-Бичик» разграничивали повреждения, нанесенные мечом или огнестрельным оружием, на малые, средние и большие. «А кто кого каким-нибудь оружием подстрелит или порубит, или поколет и с того взять за большую рану 45, за среднюю 27, а за малую 9 скотин»[3]. Однако как конкретно классифицировались раны на большие, средние и малые, в источниках не указывается.

Уголовное право калмыков уже различало причинение телесных повреждений умышленно или по неосторожности. К числу неумышленных относилось нанесение повреждения в игре: «кто в игре повредит кому-либо глаз, или зуб, или руку, или ногу или если ранение было причинено от самострела, место установки которого не было объявлено»[4]. В случае, если виновное лицо вылечивало потерпевшего, то наказание вообще не применялось.

Умышленными признавались деяния, нанесенными либо в драке, либо на почве мести. При этом следует отметить, что кровная месть у калмыков в рассматриваемый период практически не имела места, хотя была известна на ранних ступенях общественного развития почти у всех народов. У славян она, например, даже вошла в урезанном виде в Русскую Правду, просуществовав вплоть до XI в. Являясь институтом, способствующим самосохранению общины, она, в основном, направлялась только против лиц, стоящих вне рода или племени, к которому принадлежит по-

---

[1] Войеков. Описание калмыцкого народа. // «Отечество». 1822. Ч.75. С.256
[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.150
[3] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.207
[4] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. С 191

терпевший, являясь делом всей семьи, рода или племени[1]. Замечательный русский социолог и историк права М.М. Ковалевский писал по этому поводу: "...в этих единичных случаях истребления всего или части семейства убийцы следует видеть не что иное, как переживание более старинного порядка вещей, при котором ни один из родственников кровника не мог считать себя вполне безопасным и ежечасно ожидал мести от любого из членов обиженного рода"[2].

Обычай кровной мести, по мере развития общества, менял свою природу. Появившись как норма, соответствующая принципу «око за око, зуб за зуб», обычай этот постепенно перерастал в систему композиций, которая в процессе развития все более отходит от своего первоначального значения, все более приближаясь к вире, как к стоимости крови. Именно поэтому обычай кровной мести не может быть нейтральным по отношению к изменениям в общественно-экономической жизни народа, уровень развития которого всегда находит непосредственное отражение в системе композиций.

В калмыцком праве, как уже указывалось выше, кровная месть не играла какого-либо существенного значения. И в этом – одна из его особенностей. Нормами «Цааджин-Бичик» были установлены имущественные наказания, как за убийство, так и за нанесение каких-либо телесных повреждений. Все это свидетельствует о достаточно высокой для того времени правовой культуре калмыков.

Наказание применялось в виде штрафа скотом. Во второй половине XVIII века за рассматриваемые преступления уже применялись телесные наказания. С лиц, в драке сломавших руку или ногу, повредивших глаз, зуб или вырвавших у потерпевшего косу, взыскивался штраф скотом и, кроме

---

[1] Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб. 1995. С.34

[2] Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т.2. М. 1886. С.27

того, виновных били плетьми[1]. При определении ответственности за нанесении побоев также имела место чрезмерная детализация. Отдельно устанавливалась ответственность за причинение побоев деревом или камнем, кулаком или плетью. Побои, как и телесные повреждения также подразделялись на большие, средние и малые. Все это вело к дифференциации наказания – чем выше степень тяжести побоев, тем строже наказание[2]. Наказание за побои также налагалось в виде штрафов.

Патриархальный характер калмыцкого семейного быта требовал безоговорочного подчинения младших старшим. Преступлением считались случаи нанесения побоев детьми родителям или невесткой родителям мужа. Отмечается, что за такое преступление невестка подвергалась не только штрафу скотом, но и телесному наказанию до 30 ударов плетьми[3]. Если побои были нанесены родителями своим детям, то они от наказания освобождались. Считалось, что они это делают в воспитательных целях.

Следующий вид преступлений против личности составляли по уголовному праву калмыков половые преступления. В первую очередь к таким преступлениям относилось изнасилование. В нормах «Цааджин-Бичик» указано: «А буде кто чью жену изнасильничает и за то с онаго той жены мужу взять 9 скотин. А за насилие рабы одну лошадь; а буде по ее согласию учинит и за то оный не штрафуется»[4]. Несколько строже наказывалось изнасилование девушки: штраф равнялся 18 скотинам.

Особенностью этого рода преступления являлось то, что потерпевшими по делам об изнасилованиях выступали не сами женщины, подвергшиеся насилию, а их мужья или отцы. Все это ярко подчеркивает общественное положение женщины в условиях патриархально-родовых тра-

---

[1] Рязановский В. Монгольское право в сравнительном правоведении. Харбин. 1929. С.9
[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.151
[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.151-152
[4] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.210

диций. Исследователи отмечают и сравнительно мягкую степень наказания за это преступление.

В последующем, за изнасилование стали применять, кроме имущественных платежей, и телесные наказания[1].

И, наконец, последним видом среди преступлений против личности, было оскорбление. Объектом данного вида преступления являлись честь и достоинство личности, к которым калмыки относились особенно бережно. Как оскорбление достоинства рассматривался срыв красной кисти с шапки калмыка, обязательное ношение которой обуславливалось религиозными догмами. В качестве наказания применялась система выкупов различными видами скота, который шел в пользу потерпевшего, чьи честь и достоинство были оскорблены. Субъектом преступления могло быть физическое лицо, достигшее совершеннолетия и психически здоровое.

В нормах уголовного права калмыков, предусматривающих ответственность за оскорбление, также нашло свое отражение социальное неравенство среди калмыков. Специальная уголовная ответственность устанавливалась за оскорбление нойона, феодалов меньшего разряда, придворного служителя или шуленгу. За оскорбление простого калмыка взыскивался штраф в размере 1 лошади или одной овцы с ягненком. В то же время за оскорбление представителя привилегированного сословия композиционные выплаты были гораздо больше. За хана, нойона – полное разорение обидчика. За меньшего владетеля – «один девяток и за бесчестие придворных служителей и ясашных сборщиков 1 лошадь и 1 овца»[2]. Нормы «Цааджин-Бичик» содержат подробные перечисления способов нанесения оскорбления. Так, в отношении «знатного человека» было сказано: «А буде кто знатному человеку в лицо плюнет или земли бросит, или лошадь, на

---

[1] Потоцкий И. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. // Северный архив. 1828. Ч.31. С.247; Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. 1852. С.112

[2] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. С 193

которой он будет сидеть, по голове ударит плетью или его с лошади за полу потянет, и за то взять 1 лошадь; а ежели же все вышеизреченное учинил и за то взять 1 лошадь и 2 барана; буде же из вышеперечисленных две обиды учинит – взять 1 лошадь и 1 барана»[1].

У калмыков рассматриваемого периода бытовали свои традиционные понятия чести и достоинства, нарушение которых расценивалось как личное оскорбление. Этим объясняется природа ответственности «за выдирание бороды, усов и косы», которые являлись символами мужского достоинства.

Особо регламентировались оскорбления женщин. Так, в «Цааджин-Бичик» имеется весьма специфическая норма: «А кто женский пол ухватит за груди или поцелует и за то оному человеку по тайному уду учинить один щелчок»[2]. Другая норма гласила: «А кто раздерет на ком платье и за то с онаго взять двухлетнего жеребенка»[3].

Следует отметить, что установленные нормами «Цааджин-Бичик» наказания за оскорбление отличались заметной стойкостью и сохранялись почти без изменения в течение всего рассматриваемого нами периода – XVII- начала XIX в. Это находит свое подтверждение в работах авторов того времени – П. Палласа. И. Лепехина и других. Однако к концу рассматриваемого периода ими же отмечалось резкое усиление уголовное ответственности рядовых кочевников за оскорбление представителей высшей знати. В источниках мы находим: «Буде кто из ханской фамилии или прочих владельцев подданный дерзнет словом или рукою, или злоумыш-

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.212

[2] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.209

[3] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.210

ленным коварством общим и действительно уличен будет, таковых казнят смертию и искореняют весь род; а скот и иждивение, сколько бы его не было, забирают на хана»[1]. Однако во второй половине XIX века такая практика постепенно прекратилась, калмыки входили в постепенное подчинение Российской империи и ее правовой системы.

Имущественные преступления. Тяжким преступлением считалась кража, которая уже начала различаться на кражу простую и кражу квалифицированную. К последней относилась кража со взломом, из дома. В случае поимки вора, он должен был помимо стоимости похищенного, уплатить довольно внушительный штраф, размер которого зависел от сословной принадлежности пострадавшей стороны.

Обычное право калмыков региона в практике использовало отдельные формы имущественных наказаний, которые применялись за преступления, причинившие материальный ущерб. Так, в случае доказанного угона скота, кражи домашнего имущества или при уклонении кем-либо от погашения долга потерпевшая сторона имела право захватить равноценное или более ценное имущество, принадлежавшее преступнику или его родственникам.

Часто виновный должен был выплатить сумму от двух до десяти раз большую, чем стоимость имущества, и с него вдобавок брался штраф. В большей части источников зафиксировано, что за кражу скота уплачивался штраф в девятикратном размере.

В нормах «Цааджин-Бичик» приведены 88 наименование вещей, похищение которых рассматривалось как преступление. Среди них: 12 видов звериных шкур, 9 наименований шуб, 10 предметов сбруи, 14 металлических инструментов и приспособлений. За кражу этих вещей предусматривалось наказание в форме выкупа. В частности, за похищение шелкового тулупа, соболиной или горностаевой шубы, тигрового или леопар-

[1] Об уголовном правосудии калмыков.// Донские областные ведомости. 1874. № 2

дового ковра полагался выкуп скотом в количестве 5 девятков. За кражу волчьей, рысьей и бобровой шкуры взыскивался выкуп в 7 скотин. За кражу молотка, наковальни и щипцов выкуп составлял 1 девяток. За кражу мелких вещей: огниво, стрелы, узды, веревки, седла и т.д., а всего 38 видов виновному полагалось отрубить палец[1]. Однако телесное наказание за это преступление могло быть заменено имущественными платежами в размере 5 скотин. Но с течением времени выкуп все более и более стал заменяться телесными наказаниями. По законам Дондук-Даши виновный в краже наказывался 15 ударами плетьми, после чего его клеймили и надевали на шею на один месяц деревянную колодку.

Авторами отмечается, что эволюция уголовно-правовых отношений калмыков наиболее ярко стала себя проявлять уже в начале XIX века. Так, к примеру, П. Небольсин писал, что в этот период наказания за кражу были посрамительные: верховой наездник накидывал на преступника аркан и водил его в таком виде по хотону, все зрители стегали виновного прутьями по обнаженному телу, а некоторые стреляли в него для смеха холостыми зарядами[2].

Нормами права калмыков уже были указаны и отягчающие обстоятельства: 1)место, где было совершено преступление; 2)особые свойства украденной или испорченной вещи (особая ценность, большое общественное значение), при этом увеличивался размер штрафа; 3)если преступник не сам признался в совершении преступления, а был признан виновным при помощи прямых доказательств либо иска по подозрению. В случае поимки вора с поличным, взыскание, налагаемое на него судом, должно было быть максимально возможным, обвиненный же при помощи иска по подозрению обычно возвращал только стоимость украденного, а при нали-

---

[1] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.161
[2] Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. 1852. С.111-112

чии собственного признания преступник вообще освобождался от ответственности и лишь возвращал украденное.

В Токтолах Дондук-Даши имеется норма, предусматривающая ответственность за кражу человека – «кто украдет человека, того штрафовать по закону об убийстве»[1].

Еще одну группу имущественных преступлений составляли повреждение или уничтожение чужого имущества. Различалось умышленное и неумышленное повреждение или уничтожение чужого имущества. К числу умышленных деяний относились разрушение юрты на почве мести или из хулиганских побуждений. За это взимался выкуп в размере одной лошади. Умышленное уничтожение скота влекло обязательное возмещение потерпевшему фактического ущерба и взыскание штрафа равного штрафу как за кражу погубленного вида скота[2]. Этим подчеркивалась особая общественная опасность таких деяний и необходимость строгого наказания виновных.

Наиболее ценным движимым имуществом у калмыков был скот, за похищение которого предусматривалась повышенная уголовная пеня. Именно поэтому уголовно-правовые нормы, регулирующие ответственность за хищение скота, были выделены в специальную группу. Калмыцкие законодатели XVII-XIX вв. достаточно четко разработали правовые нормы, которые могли бы обеспечить наиболее эффективную охрану скота от преступных посягательств. Были установлены отдельные составы преступления за хищение каждого вида животных. Так, за кражу верблюда взыскивался штраф в 15 девятков скота, т.е. 136 голов, за кражу лошади – 8 девятков; за кражу коровы или овцы – 6 девятков[3]. Нормами «Цааджин-Бичик» было прямо установлено «и сколько какого скота кто украдет с

---

[1] Владимирцов Б. Общественный строй монголов. Л. 1934. С.184
[2] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.163
[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.159

онаго за каждую скотину брать вышеизложенного»[1]. Такие огромные размеры штрафа предусматривались только потому, что, как уже было указано выше, скот являлся наиболее ценным имуществом у калмыков.

Уголовное право калмыков устанавливало специальные нормы, предусматривавшие ответственность за присвоение утерянного скота. Лицо, обнаружившее в своем стаде чужой скот, было обязано в течении трех дней об этом объявить специальному чиновнику, который занимался только делами о розыске скота. Этот чиновник назывался кире. Если виновный не делал такого объявления, то он подвергался штрафу в одну лошадь, а если накладывал свое клеймо – 9 скотин, если остригал – 5 скотин[2]. Более строго карались случаи, если найденный скот передавался в другой улус. Действия виновного расценивались как кража.

Токтолы Дондук-Даши внесли существенные изменения в наказания за хищение скота. В частности, они устанавливали возмещение ущерба в двойном размере с виновного «на княжескую ставку верблюда, судье по 4-х летней корове, свидетелю обвинения лошадь»[3]. Следует отметить, что штрафы и размеры выкупов по Токтолам Дондук-Даши отличались от таковых по «Цааджин-Бичик» значительным снижением размеров. Исследователями отмечается, что причина этого явления кроется в том, что к середине XVIII века ощущалось значительное обнищание народных масс вследствие усилившейся эксплуатации и разорительной междоусобицы 30-х годов. В силу этого взыскание тех громадных штрафов за кражу скота, установленных «Цааджин-Бичик», становилось практически невозможным, в связи с чем калмыцкая знать во главе с Дондук-Даши в целях ре-

---

[1] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.68

[2] Об уголовном правосудии калмыков.// Донские областные ведомости. 1874. № 2

[3] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. С 197

альности взыскания штрафов и выкупов была вынуждена пойти на снижение их размеров[1].

Преступления против веры, брачно-семейных отношений и нравственности. Ойратские памятники права содержали значительное число уголовно-правовых норм, которые относились к регламентации данной группы преступных деяний.

К одним из значительных видов преступных деяний являлись посягательства на устои буддийской религии. Буддизм проник на смену шаманства у калмыков в конце XVI – начале XVII века и стал играть значительную роль в общественной жизни народа. Именно поэтому защита интересов буддийской церкви нашла свое отражение в уголовно-правовых нормах, которые регулировали охрану интересов духовенства, предусматривали защиту их имущества, достоинства и укрепление религиозных устоев. Так, признавалось преступлением если «буде кто дерзнет противу духовной власти и на ламинский улус нападет»[2]. За эти действия предусматривался штраф в 100 панцирей, 100 верблюдов и 1000 лошадей.

Особо предусматривалась ответственность за нанесение оскорбления духовным лицам. В частности, за оскорбление ламы взыскивался штраф в 5 девятков, за оскорбление гелюнга – 3 девятка, а за нанесение побоев – 5 девятков. Устанавливалась отдельная ответственность за оскорбление служителей буддизма более низших рангов[3]. Однако указаний на то, что считать оскорблением духовных лиц, в нормах калмыцкого права отсутствует.

«Цааджин-Бичик» и Токтолы Дондук-Даши содержали ряд норм, направленных на укрепление устоев буддийской религии. Признавалось пре-

---

[1] Цитирую по: Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.160-161

[2] Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879. Приложения – кодекс «Цааджин-Бичик». С.70

[3] Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.165-166

ступлением преклонение шаманству или самовольное оставление духовного сана. Токтолы устанавливали ответственность за несоблюдение поста и за употребление вина духовными лицами. Но если в начале исследуемого периода наказания за эти проступки носили в большей степени религиозный характер, то уже к началу XIX века – светский: правовыми нормами четко определялся характер и наказание за эти преступные деяния. Видимо, это было связано со стремлением господствующей верхушки таким образом укрепить устои буддийской религии.

Многовековые патриархальные традиции кочевого быта продиктовали необходимость правового урегулирования моральных устоев семьи.

Преступлениями, посягавшими на моральные устои семьи, признавались прелюбодеяние и похищение жен. За прелюбодеяние с женщин взыскивался штраф в 4 скотины в пользу нойона, а с ее любовника выкуп в 5 скотин в пользу мужа. Бергман отмечал по этому поводу: «Кажется законы милостивы к женскому полу. Какая порука за супружескую верность, а особливо в достаточных семействах»[1]. Достаточно мягкое наказание вызывалось удивление не только у современников описываемых событий, но и у современных авторов. Отмечается, что у других степных народов, например, у казахов, прелюбодеяние наказывалось смертной казнью»[2]. В этом плане представляют интерес многолетние наблюдения Я.П. Дубровы, который описывал обычай, при котором можно было легально нарушить супружескую верность, не навлекая на себя наказания. Он писал, что если «мужчина, добиваясь не платонической любви от замужней женщины, ухитрится, без насилия последней, разорвать пояс ее брюк, то имеет в тот же момент фактически воспользоваться ее «любовью», и тогда это не считается изменой мужу... К чести калмычек нужно сказать, что они очень

---

[1] Бергман. Любопытные известия о калмыках.// Вестник Европы. М.1805. С.272
[2] Материалы по обычному казахскому праву. Алма-Ата. 1948. С.20

ревниво и искренне отстаивают целость пояска своих брюк»[1]; случаев прелюбодеяния современниками практически зафиксировано не было.

Похищение жен влекло за собой весьма своеобразные наказания. Потерпевший муж имел право взять себе все имущество лица, похитившего его жену. Если у него имелась жена, то потерпевший мог взять ее в жены или отдать ее родственникам за выкуп. Ответственность за увод чужой жены с ее согласия зависела от сословного положения мужа. Так, за увод жены знатного человека, виновный подвергался штрафу в 9 девятков с верблюдом, за увод жены человека среднего сословия полагался штраф в 5 девятков, а за жену человека низкого сословия – 3 девятка[2].

Преступления против нравственности включали в себя пререкания со старшими по возрасту, нанесение побоев своему учителю. Все это каралось штрафами от 1 до 3 девятков.

Таким образом, уголовное право калмыков исследуемого периода претерпело определенную эволюцию.

Источниками уголовного права были: «Цааджин-Бичик», Токтолы. Самым древним источником Великая Яса Чингисхана, а также буддизм и обычное право.

На специфическое развитие калмыцкого уголовного права определенное воздействие оказали скотоводческий характер хозяйства, пережитки патриархально-родового быта, военная организация народа.

Объектом преступных посягательств являлись: общественная безопасность, народное управление, личность, имущество, семья.

Субъектами могли быть все свободные калмыки, независимо от их социального статуса.

Наказание в течение исследуемого периода претерпело определенную эволюцию. С середины XVII века – это, в основном, имущественные пла-

---

[1] Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста. 1998. С.25

[2] Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. С 183; Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков. С.167

тежи, четко установленные для каждой категории дел. С середины XVIII – начала XIX века активно внедряются телесные наказания. Со второй половины XIX века, после окончательно внедрения в правовую систему калмыков норм российского законодательства – стали применяться наказания, характерные для русского права, в том числе тюремное заключение. Однако они не нашли широкого применения в среде народа, продолжавшего в своей повседневной жизни руководствоваться традиционными нормами и установками, зафиксированными в древних калмыцких правовых кодексах «Цааджин-Бичик» и Токтолах.

Эволюция правовой культуры калмыков проявилось как в изменении видов наказания, так и в некотором приобщении к нормам российского законодательства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За три столетия калмыки прошли сложный этап формирования государственности и права. Этому способствовало несколько факторов, из которых следует особо выделить формирование собственно Калмыцкого ханства, его выделение из пласта монгольских племен; активная политика ханов, связанная с вхождением в состав России, с одной стороны, и, одновременно, попытки сохранить свою самобытность и самостоятельность. Все это обусловило и специфическое развитие государства и права калмыков, начало становления которого датируется 1640 г., временем принятия первого законодательного акта калмыков – кодекса «Цааджин-Бичик», источниками которого являлись: обычное право, Великая Яса Чингисхана, ярлыки, дефтери, пайзэ и нормы буддийского права.

Мотивы издания Устава 1640 г. были, в основном, связаны с попыткой упрочить ойратский союз, необходимостью оградить частные интересы, водворить безопасность в улусах и установить взыскания за всякого рода преступления.

Анализируя сущность всех правовых институтов, входящих в Устав, следует отметить, что их содержание квалифицируется основными началами, присущими патриархально-родовой жизни народов кочевого типа. Ярко прослеживаются институты родового строя: коллективная ответственность рода и племени за правонарушение, совершенное одним из его членов; практически не претерпели трансформацию основные институты семейного права; судебного права; институт обвинителей; гонение следа и свод.

При рассмотрении основных норм 1640 года, следует отметить, что он отразил в большинстве своих норм традиционные отношения, сущест-

вовавшие в калмыцком обществе и не претерпел особых изменений в течении двух столетий, действуя в среде калмыков даже в середине XIX века.

Сами калмыки понимали, что древний «Устав взысканий» уже не отражает новых социально-экономических отношений, реальностей их повседневной жизни. Именно поэтому в начале XIX века они обратились к российским властям с просьбой о пересмотре и исправлении калмыцкого устава. Однако дело решено не было. «Зинзилинские постановления» 1822 года, отобразившие изменившиеся социально-экономические условия, не получили законодательного оформления. «Правилами для управления калмыцкого народа», изданными 11 марта 1825 года, были установлены порядок административного устройства и управления калмыками. В них было установлено, что рассмотрение духовных и гражданских дел производится по древнему калмыцкому уложению, для чего следовало кодифицировать калмыцкое право. Комиссия калмыцких дел, которой была поручена данная кодификация, составила в 1827 году проект нового калмыцкого уложения, который опять же не получил законодательного оформления.

Положение об управлении калмыцким народом 1847 года древний калмыцкий устав был также оставлен без особых изменений.

Изменившиеся социально-экономические условия в XIX веке поставили под сомнение легитимность и целесообразность многих норм древнего калмыцкого права. Однако они продолжали действовать, но в несколько измененном виде.

Особенно ярко проявила себя трансформация правовых норм, которые регулировали сословные отношения калмыцкого общества. Сословные отношения в начале рассматриваемого нами периода носили ярко выраженный характер, основанный на исторически сложившейся традиции. Документы XVII века свидетельствуют о четкой сословной иерархии калмыцкого общества; права и обязанности каждого сословия были урегулированы правовыми нормами, отступление от которых грозило определен-

ными санкциями. После ликвидации Калмыцкого ханства высшим сословием стали нойоны; права и обязанности других социальных групп не претерпели определенных изменений вплоть до конца первой половины XIX века. Российское законодательство закрепляло сложившиеся отношения в калмыцком обществе, считая это лучшим способом управления народом. Социальное неравенство проявлялось и в нормах уголовного права калмыков. Специальная уголовная ответственность устанавливалась за оскорбление нойона, феодалов меньшего разряда и других категорий правящих слоев.

Однако во второй половине века положение несколько изменилось. Это было связано с проводившимися реформами в России, отменившими крепостное право, изменившими судебную систему России и др. Следствием внутренних реформ Российской администрации явилось изменения правового статуса бывшего зависимого и свободного населения. К концу XIX века бывшие представители тех или иных сословий различались только по имущественному признаку.

Специфика социально-экономического развития калмыков обусловила их правовые отношения, особенно ярко проявившиеся в сфере уголовного права. Все правонарушения в уголовном праве калмыков, можно разделить на несколько видов: преступления против общей безопасности и порядка управления, преступления против личности и имущественные преступления.

Установленные нормами «Цааджин-Бичик» наказания за различного рода правонарушения отличались заметной стойкостью и сохранялись почти без изменений в течение всего рассматриваемого нами периода - XVII – начала XIX в. Однако к концу XIX века калмыки, псоетепенно входя в административное подчинение Российской империи и ее правовой системы, изменяли и свое традиционное правосознание.

Наказание в течение исследуемого периода претерпело определенную эволюцию. С середины XVII века – это, в основном, имущественные платежи, четко установленные для каждой категории дел. С середины XVIII – начала XIX века активно внедряются телесные наказания. Со второй половины XIX века, после окончательного внедрения в правовую систему калмыков норм российского законодательства – стали применяться наказания, характерные для русского права, в том числе тюремное заключение. Однако, следует отметить, что они не нашли широкого применения в среде народа, продолжавшего в своей повседневной жизни руководствоваться традиционными нормами и установками, зафиксированными в древних калмыцких правовых кодексах – «Цааджин-Бичик» и Токтолах.

Изменения в традиционном праве и, как следствие, правосознании и правовой культуре, наиболее коснулись гражданских правоотношений. Если нормы семейного и наследственного права отличались большой консервативностью и практически не изменились в течение исследуемого периода, сохраняя свою патриархальность (это свидетельствовало и о стабильности родового характера быта калмыков), то гражданские и земельные правоотношения в исследуемый период претерпели определенные изменения, особенно во второй половине XIX века. В основном это коснулось правового регулирования договора займа, четко расписанного еще нормами «Цааджин-Бичик» и в дальнейшем подтвержденный Токтолами Дондук-Даши. Однако торговые отношения с русским и татарским народами регулировались специальными правилами 1748 года, разработанными российскими властями и принятыми калмыками.

Эволюция правовых установлений калмыков хорошо прослеживается и в становлении земельных правоотношений. После того, как в 1827 году состоялся окончательный отвод калмыцких земель и калмыки получили определенные земельные участки в постоянное земельное пользование, они воспользовались правом сдавать родовую землю в аренду, что было

урегулировано нормами российского законодательства. И в этом наиболее ярко проявилась эволюция правовой культуры калмыков.

Определенную эволюцию прошла и судебная система калмыков. Зарго – как высшая судебная инстанция калмыков, имела и другую функцию – ханский совет при калмыцком хане. Это было зафиксировано законами калмыцкого правителяXVIII века Дондук-Даши. В 1762 году вступило в действие Положение о Зарго, разработанное русскими властями, в соответствии с которым функции и компетенция суда Зарго были несколько изменены. С 1825 года на суд Зарго возложили функции окружного органа управления, кроме этого он продолжал рассматривать гражданские дела на сумму не свыше 400 рублей. С этого времени Зарго стал низовой ступенью суда и расправы. А с 1847 года новое Положение об управлении калмыцким народом более подробно стало регламентировать процесс судопроизводства улусного Зарго, впервые введя такие понятия как отдача на поруки, принесение сторонами присяги, обязательное присутствие свидетелей. Однако имущественные споры, сумма которых превышала 30 рублей, а также уголовные дела, выходящие за пределы полномочий Зарго, передавались в вышестоящий судебный орган. Все это вызывало определенное недовольство со стороны калмыцкого населения. Однако с течением времени традиционные судебные учреждения калмыков постепенно сходили на нет, став низовой ступенью российской судебной системы, что лишний раз свидетельствует о том, что Калмыкия стала составной частью Российской империи и ее правовой системы.

ГЛОССАРИЙ

Аймак – объединение родственных между собой семей различных ветвей, происходящих от деления древних родов; имел одно общее кочевье – нутук. Правителями аймаков были зайсанги

Албан – денежный сбор с албату, шедший в пользу нойона или зайсанга

Албату – калмыки-простолюдины, находившиеся в крепостной зависимости от зайсангов и тайшей

Гелюнги – священнослужители

Демчеи – чиновники, сборщики албана, в обязанности которых входило взимание налогов в пользу тайшей, наблюдение за выполнением других повинностей.

Зайсанг – управляющий аймаком; находился в подчинении нойона. Обязанности заключались в надзоре за соблюдением порядка в аймаках и исполнению владельческих приказаний. За это зайсанг имел право на прислугу и денежные доходы. Права и обязанности зайсангов передавались по наследству.

Зайсанг безаймачный – управляющий аймаком, но без наследственного статуса. Получали содержание от добровольных пособий от владельца или аймачного зайсанга

Кеточинеры – слой служивого населения, военные слуги

Нойоны – владельцы улусов, находившиеся в подчинении у тайши

Тайша – глава рода, наследственный правитель своего нутука и улуса, то есть пастбищной земли и кочевавших на ней людей, составляющих его домен

Улус – особая форма родового союза; включал в себя несколько родов и аймаков, ведущих свое происхождение от общего племенного корня

Хотон – часть аймака, составляющаяся из близких родственников

Шабинеры – слой зависимого населения, находившиеся в подчинении у ламайского духовенства. Были приписаны к хуралам (монастырям)

Шуленги – сборщики налогов

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Т.1. Тифлис. 1866.
2. А.Р. О законах некоторых Сибирских инородцев // Сибирский Вестник. 1823. Т.1.
3. Багалей Д.И. Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М.1887
4. Бадмаев С.Б. Экономическое развитие Калмыкии в эпоху империализма (1892-1917). Элиста. 1980
5. Бакунин В. Описание истории калмыцкого народа.// Красный архив. 1939. № 3
6. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста. 1965
7. Бембеев В.Ш., Шовунов К.П., Эрдниев У.Э., Бурчинова Л.С. История Калмыкии с древнейших времен до XX века. Элиста. 1987
8. Бентковский И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан. Ставрополь. 1883
9. Бентковский И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние. Ставрополь. 1888
10. Бентковский И.В. Взгляд на кочевую культуру калмыков и причины ее живучести. Ставрополь. 1888
11. Бентковский И. Грабежи и воровство калмыков с точки зрения монгольских законов и буддизма. СПб. 1889
12. Бергман. Любопытные известия о калмыках.// Вестник Европы. М. 1805

13.Березин И. Очерк внутреннего устройства Джучиева улуса. СПб. 1863.

14.Бичурин Н. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834

15.Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.// «Исторические записки». 1939. Т.5

16.Борисов П.Г. Калмыки в низовьях Волги. М. 1917

17.Бурчинова Л.С. Источники и литература об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма (вторая половина XIX века). Элиста. 1971.

18.Бюллер Ф. Инородцы Астраханской области.// «Отечественные записки». 1846. № 8

19.Бюллер Ф. Калмыки.// Отечественные записки. 1846. № 11

20.Вестник Европы. М. 1805

21.Войеков. Описание калмыцкого народа. // «Отечество». 1822. Ч.75.

22. Воробьев Ф.И. Очерк Большедербетовского улуса. Природа и хозяйство на свободных калмыцких землях. Ставрополь. 1909.

23.Владимирцев Б.Я. Общественный строй монголов. М.-Л. 1934

24.Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. 1995.

25.Владимирский-Буданов М.Ф. К истории права русских инородцев.//Университетские известия. Киев. 1879. № 9

26.Владимицов Б.Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л. 1934.

27.Войеков М. Описание калмыцкого народа.// Отечество. 1822. Ч.75

28.Воробьев В.В. Астраханские калмыки. М. 1903.

29.Воробьев Ф.И. Очерк Большедербетовского улуса. Природа и хозяйство на свободных калмыцких землях. Ставрополь. 1909

30.Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. IV. СПб. 1799

31.Голстунский К.Ф. Монголо-ойратские законы 1640 года. Дополнительные указы Галдан-хунтайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб. 1880

32.Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань. 1904.

33.Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь. 1999.

34.Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань. 1898.

35.Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков, этнографические наблюдения. М. 1893

36.Житецкий П.Г. Калмыки в низовьях Волги. М. 1917

37.Жуковская Н.Л. Калмыки. М. 1994

38.Журнал Министерства юстиции. 1863. Т.18

39. Иловайский Д. Отец Петра Великого. М. 1996.

40.Законы мунгальские и калмыцкие. // Северный Архив. 1828. № 2

41.Златкин И.Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М. 1957

42.Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. М. 1964

43.Игумнов. Обозрение Монголии.// Сибирский вестник. 1819. Т.5.

44.Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань. 1928

45.Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб. 1903

46.Кичиков М.Л. К вопросу образования Калмыцкого ханства в составе России. // «Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ». Элиста. 1963

47.Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народа. Элиста. 1966

48.Козноналиев С.К. Материалы по обычному казахскому праву. Алма-Ата. 1948

49.Команджаев Е.А. Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII-XIX вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ставрополь. 2000.

50.Косвен М.О. Преступление и наказание. М.-Л. 1925

51.Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М. 1963

52.Костенков К. Сведения о калмыках. СПб. 1868

53.Костенков К. Статистическо-хозяйственное описание калмыцкой степи Астраханской губернии. СПб. 1868

54.Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, касающихся к Астраханской губернии. СПб., 1870

55.Кочующие народы // Народы России. СПб. 1880

56.Культелеев Т.М. Обычное уголовное право казахов. Алма-Ата. 1955

57.Лебединский А.К. К истории калмыцкого права в 40-х годах 18 столетия.//Ойратские известия. 1922. № 3-4

58.Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий. Одесса. 1879.

59.Леонтович Ф.И. Калмыцкое право. Ч.1. Уложение 1822 года. Одесса. 1880

60.Лепехин И.И. Дневные записки путешествия. СПб. 1771

61.Лыткин Ю. Материалы по истории ойратов. // Астраханские губернские ведомости. 1859. № 43, 47, 49, 50; 1860. № 11, 12

62.Максимов К.Н. Калмыкия – субъект Российской Федерации. М. 1995

63.Материалы по обычному казахскому праву. Алма-Ата. 1948.

64.Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб. 1750

65.Митиров А.Г. Обычаи и обычное право калмыков в трудах дореволюционных исследователей России.// Калмыковедение: Вопросы историографии и библиографии. Элиста. 1988

66.Митиров А.Г. Договоры, присяга и баранта./ Обычаи и обряды монгольских народов. Элиста. 1989.

67.Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста. 1998

68.Минкин Г.З. О феодализме в Калмыкии.// «Революционный Восток», 1933. № 1

69.Монгольский сборник. Т.24. Элиста. 1959

70.Мослоковец Н. Статистическое описание кочевья донских калмыков. Новочеркасск. 1874

71.Мулов П. Древние калмыцкие законы. // Журнал Министерства юстиции. 1863. Т.18

72.Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула. 1895

73.Народы России. СПб. 1880

74.Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов и ее отражение в российском законодательстве в первой половине XIX века.// Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Ставрополь. 1999.

75.Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века. Ставрополь. 2000.

76.Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб. 1852

77.Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб., 1834.

78.Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. СПб. 1864

79. Об уголовном правосудии калмыков.// Донские областные ведомости. 1874. № 2

80.Ойратские известия. 1922. № 3-4

81.Отечественные записки. 1846. № 8

82.Очерки истории Калмыцкой АССР. М.1967.

83.Очиров Н. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань. 1925

84.Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1-5. СПб. 1773.

85.Паллас П. Собрание исторических известий о монгольских народах. СПб. 1776

86.Пальмов Н.Н. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань. 1922

87.Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань. 1927.

88.Першиц А.И. Кочевники в мировой истории.// «Восток». 1998. № 2

89.Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М. 1961

90.Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия.// Журнал Министерства народного просвещения. 1866. Ч.244

91.Потоцкий И. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 г. // Северный архив. 1828. Ч.31

92.Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений 50-60 гг. XIX века. Элиста. 1960

93.Преображенская П. С. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков.// История СССР. 1963. № 5

94.Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставрополь. 1912

95.Раев Г. Буряты.// Вестник Русского географического общества. 1858. Ч.24. Т.2.

96.Ровинский И.В. Хозяйственное описание Асраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию. СПб. 1809

97.Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен. // Вестник Азии. 1924. № 52

98.Рязановский В. Монгольское право в сравнительном правоведении. Харбин. 1929

99.Рязановский В.А. Монгольское право. Харбин. 1931

100. Рязановский В.А. Является ли монгольское право обычным. Харбин. 1932

101. Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. СПб. 1823

102. Сборник статей Калмыцкого НИИИФЭ. Элиста. 1987

103. Северный архив. 1828. Ч.31

104. Сергеев В.С., Сергеев Б.В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII-XIX веков. Историко-правовые очерки. Элиста. 1998.

105. Смирнов Н. О присяге калмыков и потворстве духовенства их калмыкам-преступникам.// Астраханский справочный листок. 1883. № 227, 236, 240

106. Страхов Н.Н. Нынешнее состояние калмыцкого народа. СПб. 1810

107. Сырнев И.Н. Калмыки век назад.//Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для наших людей. Т.6. СПб. 1901

108. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом и историческом отношениях. Ставрополь. 1897

109. Устюгов Н.В. Калмыки в 1-й половине XIX века// Записки КНИИЯЛИ. Вып.1. Элиста. 1960

110. Фарфоровский С.В. Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь. 1908

111. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Тифлис. 1909. С.10

112. Фарфоровский С.В. Трухмены Ставропольской губернии. Казань. 1911. С.10-11

113. Фишер И.Э. Сибирская история. СПб. 1774

114. Чебоксаров Н.Н. Калмыки западного улуса // Антропологический журнал. М. 1935. № 1

115. Черкасов И. Краткий очерк административного устройства астраханских калмыков.// «Астраханские губернские ведомости». 1869. № 43-46

116. Шамрай В.С. Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу // Кубанский сборник. Т.12. Екатеринодар. 1907

117. Шацкий П.А. Некоторые вопросы социально-экономического развития юго-восточной России. Ставрополь. 1970

118. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М. 1995

119. Шишкин О. Битва за Гималаи. Москва, 2000.

120. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста. 1970

121. Эрдниева К.О. Списки монголо-ойратских законов 1640 года и их изучение.// Сборник статей Калмыцкого НИИИФЭ. Элиста. 1987

122. Pallas P. Sammlungen der historischen Nachrichten uber die Mongolischen Volkerschaften. Zeitschrift fur Social- und Wirtschafts Geschichte. 1898.

Сборники документов и материалов

123. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией (АКАК). Т.1. Тифлис. 1866.

124. Антропологический журнал. М. 1935. № 1

125. Буддизм. Т.1. СПб.1879.

126. Вопросы северокавказской истории. Армавир. 1999

127. Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т.XVIII.

128. Известия Сибирского отдела географического общества. 1875. Т.5. № 3

129. История горских и кочевых народов Северного Кавказа (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь. 1980

130. Кубанский сборник. Т.12. Екатеринодар. 1907

131. Материалы статистико-экономического и естественно-исторического обследования калмыцкой степи Астраханской губернии. Часть 1. Астрахань. 1910

132. Миссионерский сборник статей и заметок о калмыках и киргизах, кочующих в Астраханской губернии. Ч.1-2. Астрахань. 1910

133. Народы России. СПб. 1880

134. Народы России. М. 1994

135. Очерки истории Калмыцкой АССР. М.1967.

136. Российское законодательство X-XX веков. Т.I. М. 1984.

137. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для наших людей. Т.6. СПб. 1901

Журналы и периодические научные издания

1. «Астраханские губернские ведомости». 1869. № 43-46
2. Вестник Азии. 1924. № 52
3. Вестник Европы. М. 1805
4. «Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ». Элиста. 1963
5. «Восток». 1998. № 2
6. Донские областные ведомости. 1874. № 2
7. «Исторические записки». 1939. Т.5
8. История СССР. 1963. № 5

9. Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т.XVIII.
10.Записки КНИИЯЛИ. Вып.1. Элиста. 1960
11.Красный архив. 1939. № 3
12.Кубанский сборник. Т.12. Екатеринодар. 1907
13.Ойратские известия. 1922. № 3-4
14.Ойратские известия. 1922. № 3-4
15.«Отечественные записки». 1846. № 8
16.«Отечественные записки». 1846. № 11
17.«Отечество». 1822. Ч.75.
18.«Революционный Восток», 1933. № 1
19.Сборник статей Калмыцкого НИИИФЭ. Элиста. 1987
20.Северный Архив. 1828. № 2

ПСЗ РИ. Т.26. № 195111
ПСЗ РИ. 2-собр. Т.40. № 30290
ПСЗРИ. Т.22. Отд.1. №21144
ПСЗРИ. Т.2. № 878
ПСЗРИ. 2-е собр. Т.43. отд.1. № 45655
ПСЗРИ. Т.XVI. № 12198
ПСЗРИ. Т.IV. № 2291

Архивные источники

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
Ф.38. Оп.7. Д.68

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

Ф.249. Оп.1. Д.59; Оп.1. Д.73; Оп.3. Д.187; Оп.3. Д.1.; Оп.3. Д.167; Оп.2. Д.1619а; Оп.2. Д.94; Оп.2. Д.1; Оп.2. Д.469

Ф.79. Оп.1. Д.Д. 12, 52

Фонд особо ценных материалов. Ед.хр.3470.

Ф.407. Оп.1. Д.309

Национальный архив Республики Калмыкия

Ф. И-3. Оп.1. Д.199, Д.331

Ф. И-1. Оп.1. Д.154

Ф. И-9. Оп.1. Д.92

Ф.1. Оп.1. Д.195

Ф.3. Оп.1. Д.331